ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КПСС

ISSN 0320-8907

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

8

АВГУСТ

1990

НОВЫЕ КНИГИ И БРОШЮРЫ ПО ИСТОРИИ КПСС И МЕЖДУНАРОДНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

О В. И. ЛЕНИНЕ

Ленин и Дон: Статьи, телеграммы, письма, заметки.— Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1990.—190 с. (Донская Лениииана. Сб. 1. Парт. архив Ростовского обкома КПСС.)

ВАРГАТЮК П. Л. У борнi гартована: В. I. Ленiн i бiльшовицькi органiзацiї Катеринославщини. — Дніпропетровськ: Промінь, 1990.— 247 с.

ДЕМЕНТЬЕВ А. Г. В. И. Ленин и советская литература.— М.: Худож. лит., 1990.—382 с.

По страницам великой жизни: Из Биографической хроники Владимира Ильича Ленина.— Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1990.—191 с. (Донская Лениниана. Сб. 2. Парт. архив Ростовского обкома КПСС.)

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

М. С. Горбачев в Свердловской области, 25—27 апреля 1990 г.— М.: Политиздат, 1990.—64 с.

Перестройке — энергию дел: Всесоюзное совещание представителей рабочего класса, крестьянства, инженерно-технических работников 18—19 января 1990 г.— М.: Политиздат, 1990.—239 с.

ДОКЛАДЫ, РЕЧИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КПСС И СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

ГОРБАЧЕВ М. С. С ответственностью за судьбы России и всей страны: Доклад на Российской партийной конференции 19 июня 1990 г.— М.: Политиздат, 1990.—32 с.

ОБЩАЯ ЛИТЕРАТУРА

Великий Октябрь и революции современности / АОН при ЦК КПСС. Каф. философии. [Материалы конф.] — М., 1989.—158 с. Репрогр.

РАШИТОВ Ф. А. Альтернатива Октября: мирный или насильственный переворот.— Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1990.—104 с.

СЛАВИН Б. Ф. Ленинские критерии социалистичности и современность: (К 120-летию со дня рождения В. И. Ленина.)— М.: Знание, 1990.—64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «История и политика КПСС».)

ДООКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

Авангард: Воспоминания и документы питерских рабочих 1890-х годов / Сост. Е. Р. Ольховский.— Л.: Лениздат, 1990. .— 445 с. — (Голоса революции.)

ОВСIЕНКО О. Ф. Ленiнська «Искра» на Українi. До 90-рiччя з дня виходу першого номера газети.— Київ, 1990.— 47 с. (Т-во «Знання» УРСР.)

ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927. Т. 1—2.— М.: Терра, 1990. Репринтное воспроизведение. Т. 1. 256 с.; Т. 2. 253 с.

АНДРЕЕВ В. П. Руководство Коммунистической партии городскими Советами РСФСР (1926—1937 гг.) / Томский гос. ун-т.— Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990.—230 с.

КИРИЧЕК Р. И. Из истории партийного руководства комсомолом в освобожденных районах СССР в 1941—1945 гг.— Харьков: Изд-во «Основа» при Харьк. ун-те, 1990.—216 с.

РОЩИН И. И. Парторги военной поры.— М.: Политиздат, 1990.—319 с.

«Ленинградское дело» / Сост. В. И. Демидов, В. А. Кутузов.— Л.: Лениздат, 1990.—413 с.— (Ин-т истории партии Ленингр. обкома КПСС — фил. ИМЛ при ЦК КПСС. Страницы истории. Экспресс-выпуск.)

Из истории социалистического строительства: Партийное руководство развитием сельского хозяйства: Историография. Опыт. Проблемы. Межвуз. науч. сб. Вып. 18.— Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989.—135 с. Репрогр.

Актуальные вопросы идеологической работы в условиях перестройки. / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Каф. идеолог. работы. (Сборник статей).— М., 1989.—191 с. Репрогр.

БУЛГАКОВ В. И. КПСС: преодолевать наследие вождизма.— Л.: Лениздат, 1990.—94 с.

ГОРСКАЯ А. И. Опыт и проблемы партийного руководства развитием подрядных коллективов на селе / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС.— М., 1989.—157 с. Репрогр.

Идеологическая работа партийных комитетов в условиях демократизации общества: (Материалы науч.-практ. конференции) / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Мурманский обком КПСС.— М., 1990.—251 с. Репрогр.

ОПЕНКИН Л. А. Сила, не ставшая революционной: (Исторический опыт разработки КПСС политики в сфере науки

(Окончание см. на 3-й стр. обложки)

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!



ОРГАН ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

Журнал издается с июля 1957 г.
Выходит ежемесячно.

8

1990

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

СОДЕРЖАНИЕ

Библиография

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

КОНФЕРЕНЦИИ. ВСТРЕЧИ. ДИСКУССИИ

Технический редактор Е. Б. Березкина.

Сдано в набор 10.07—12.07.90.
Подписано к печати 25.07.90. А. 00357
Формат 70Х108¹/₁₆. Высокая печать. Усл. печ. л. 17,75.
Усл. кр.-отт 15,93. Уч.-изд. л. 17,75.
Тираж 46 000 экз. Заказ № 2590. Цена 70 коп.

Адрес редакции: 129256, Москва, И-256,
ул. Вильгельма Пика, д. 4.
Телефоны для справок: 181-15-79; 187-05-55.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24

КАК ОБНОВЛЯЕТСЯ КПСС

(Опыт социологического анализа)

Ж. Т. ТОЩЕНКО,
доктор философских наук, профессор;
В. Э. БОЙКОВ,
доктор философских наук, профессор;
Е. Е. ЛЕВАНОВ,
кандидат философских наук

Новая характеристика современной жизни нашего общества — нарастающий политический плюрализм. Ключевая проблема этого процесса — разнообразие взглядов и представлений о путях выхода из всеобщего кризиса, в котором оказалась страна, о выборе основных направлений нашего дальнейшего развития.

Политический плюрализм отражается в многообразии политических и идеологических позиций коммунистов. Иначе и быть не могло. Радикальная экономическая реформа и связанные с ней неизбежное материально-экономическое расслоение и на первом этапе снижение уровня жизни делают проблематичной привычную социальную базу партии, требуют разработки новой стратегии и тактики движения, его роли в политической системе, сохранения единства.

Успех намечаемых преобразований в обществе и партии возможен только тогда, когда реформы будут осознаны и приняты народом, членами партии. Настоящая статья посвящена анализу того, как указанные выше проблемы отражаются в общественном сознании, в позициях коммунистов. В ее основе — данные исследований, проведенных Центром социологических исследований АОН при ЦК КПСС за последний год, а также результаты опросов делегатов форума коммунистов, выполненных социологической службой «Съезд» *.

* * *

Слагаемые политической ситуации в стране. Как отмечалось на XXVIII съезде КПСС, политический кризис продолжает обостряться. Состояние неустойчивого равновесия между факторами стабилизации и дестабилизации общественно-политической обстановки, наблюдаемое в ноябре 1989 г., все заметнее перерастает в ситуацию, чреватую непредсказуемыми событиями, поводом для которых может стать даже незначительное происшествие.

---

* В каждом из исследований было охвачено от 1370 до 1560 человек в основных регионах страны, включая союзные республики. Кроме того, в исследовании в апреле 1990 г. главное внимание было уделено мнению коммунистов о партии и ее будущей судьбе (опросом было охвачено 5326 членов КПСС, из них 822 секретаря партийных организаций). При отборе респондентов обеспечивалось пропорциональное представительство основных социально-профессиональных групп, учитывалась их принадлежность к крупным, средним и малочисленным предприятиям.

Было проведено два опроса делегатов Учредительного съезда Компартии РСФСР, в котором приняли участие более 80% делегатов, и четыре опроса делегатов XXVIII съезда партии.

Наиболее общими показателями углубления кризисных процессов, дестабилизирующих политическую жизнь, являются:

— растущее недовольство большинства людей реальными экономическими, социальными и политическими результатами перестройки, утрата ими надежд на улучшение жизни в ближайшие год-два;

— усиление социально-политической напряженности в обществе, обусловленное обострением экономических, социальных и политических проблем и объясняемое общественным мнением преимущественно просчетами руководства партии в ходе перестройки (еще в прошлом году проблемы списывались чаще на счет застойного периода);

— падение авторитета власти и практически всех ее институтов — законодательных и исполнительных государственных органов, КПСС, профсоюзов, комсомола и даже средств массовой информации и новодемократических движений, которые еще недавно привлекали политические симпатии;

— тревога и психологическая усталость от политической неразберихи, девальвация прежних ценностей и установок;

— острый дефицит общественного доверия к политическим руководителям на всех уровнях управления, обусловленный общим кризисом в стране и политическими скандалами.

Главными источниками общественного беспокойства остаются деформации в экономической и тесно связанной с ней социальной жизни. С учетом их раздражающего влияния на общественное настроение они располагаются в такой последовательности: дефицит продовольственных и промышленных товаров, преступность, неблагополучная экологическая обстановка, рост цен, разгул черного рынка, нарушения социальной справедливости, бездушие в отношениях между людьми, межнациональные конфликты.

Если сравнивать с результатами социологического опроса пятимесячной давности, удельный вес указавших на предельную остроту перечисленных выше очагов напряженности возрос на 15—20% и составляет большинство респондентов. Под их напором отступили на второй план общественного внимания недостатки организации и оплаты труда. При всей ценности демократизации, гласности люди не испытывают удовлетворения перестройкой, ибо под угрозой оказались их благосостояние и личная безопасность.

Доминантными в политическом настроении стали личная тревога в связи с растущей общественной напряженностью и безысходность, возникающая на основе оценок обозримой перспективы жизни. Удельный вес опрошенных, подчеркнувших рост напряженности в сравнении с февралем 1990 г., в апреле этого же года возрос почти вдвое. Высокую напряженность в стране отметили 95%, в своем городе — 71% респондентов. Причем считают, что ситуация в стране чревата конфликтами 80%, в городе проживания респондента — 27%.

Надежду на улучшение экономического положения в стране в ближайшие годы выразили только 10%, на нормализацию межнациональных отношений — 14%, на укрепление авторитета КПСС как силы, способной возглавить перестройку и обеспечить ее успех,— 17%. Полагают, что положительные сдвиги нереальны, соответственно — 43, 35 и 38%. Остальные сомневаются в успехе.

Столь неблагоприятная обстановка диктует необходимость энергичных и эффективных мер, направленных на преодоление кризиса. Однако, и это в выступлениях делегатов съезда многократно подчеркивалось, следует осторожно применять те из них, которые сопряжены с повышением цен, ликвидацией нерентабельных предприятий и т. д. Как показал опрос, люди больше готовы к переходу на карточную систему снабжения товарами при сохранении существующих цен, нежели к повышению уровня последних при достатке товаров на прилавках.

Политическая неуверенность и пессимизм в немалой степени обусловлены издержками перехода от командно-административной системы политического управления к демократической. В результате на данном этапе общественного развития происходит ослабление и распыление власти, в том числе она попадает в руки нелегитимных (неузаконенных) институтов. До 40% населения считают, что реальная власть в их районе (городе) по-прежнему принадлежит партийным органам и только 20% — Советам. Среди субъектов властных отношений называют дельцов теневой экономики (28%), руководителей крупных предприятий (12%), «неформальные» объединения — 6%. Более 10% опрошенных заявляют, что в их городе, районе безвластие.

Не менее важно учитывать состояние повышенной нервозности при принятии решений по преобразованию политической системы общества. Запаздывания при проведении политических акций, нескоординированность действий центральных и местных партийных органов, слабая опора на общественное мнение, концентрация общественного внимания на популярных среди населения «оппозиционерах» и т. д. усиливают влияние популизма, митинговых форм политической борьбы. Присущий многим политический «иммунодефицит» вкупе с острым недовольством обстановкой в стране обусловили огромный политический резонанс митингов, проводимых новодемократическими движениями, далеко не соизмеримый с реальным количеством участвующих в них людей. Именно в этом один из главных секретов завоевания баллов популярности теми, кто строит политическую карьеру на критике КПСС.

Несмотря на демократизацию общественной жизни, наблюдается новый виток политического отчуждения коммунистов от власти. Следует подчеркнуть, что, по мнению многих членов партии, выборы республиканских и местных Советов народных депутатов не принесли ожидаемых результатов — усиления влияния коммунистов в представительных органах власти. Их общие итоги оценили положительно 37% опрошенных, и столько же дали им отрицательную оценку, остальные затруднились определить свое мнение. Что же касается авторитета парторганизаций, то его рост в результате выборов отметили лишь 8% членов КПСС, а снижение — 36%, или в 4,5 раза больше. Более половины не смогли составить отчетливое мнение об этом.

Тот факт, что большинство мандатов оказалось по итогам выборов у членов КПСС, безусловно, свидетельствует о значительном потенциале авторитетных людей в партии, ибо избиратели отдавали свои голоса, ориентируясь прежде всего на личность претендента. Однако следует учесть, что часть членов партии победила на выборах, эксплуатируя популистские лозунги. Кроме того, нельзя упускать из виду, что предвыборная борьба велась фактически в условиях однопартийной системы. В Литве, где «Саюдис» претендует на роль массовой партии, ее исход для коммунистов (даже игравших на национальных чувствах избирателей) обернулся поражением. Аналогично в тех регионах, где набрали силу конфронтирующие с КПСС политические движения, коммунисты чаще, чем по стране, дают отрицательные оценки итогам выборов и их влиянию на авторитет парторганизаций. Особенно велик удельный вес негативных оценок в Риге, Кишиневе, Тбилиси, Витебске, Грозном, Казани и Иркутске. Среди конкретных причин проигрыша в политической борьбе 52% коммунистов указали на плохую агитационную работу, 30% — на отсутствие единства действий.

Тем не менее партийное большинство среди народных депутатов дает реальный политический шанс возрождения авторитета партии и Советов при условии, если удастся объединить коммунистов в представительных органах народовластия; преодолеть упрощенное представление о передаче власти Советам, зачастую понимаемую как очищение государственной деятельности от «примесей» партийно-коммунистического

влияния или даже как противопоставление двух определяющих политических институтов; наконец, если партийные комитеты сумеют достичь консенсуса в парторганизациях, а также между ними и новодемократическими движениями. Опыт показал, что партийные комитеты, ведущие политическую борьбу только в форме конфронтации со своими оппонентами, проигрывают.

Развитие политических процессов в значительной мере сопряжено с крахом прежних идеологических воззрений, с развитием идеологического плюрализма. Отсутствие четких и привлекательных идейно-теоретических ориентиров усугубляет процесс политического раскола в партийной среде и обществе. У части членов КПСС растет отчуждение от партии как носительницы ортодоксальной идеологии и виновницы бед, постигших общество. В общественном сознании вызревает убеждение в необходимости департизации государственных и административных органов управления и правовой защиты. Такие качества политических лидеров, как честность и порядочность, в общественном мнении противопоставляются их политическим ориентациям.

Одной из серьезных трудностей при осуществлении политической реформы, объединении на ее основе здоровых сил является отсутствие у партии продуманной системы подбора и выдвижения политических лидеров. На дефицит в партийных организациях достойных кандидатов в депутаты как на причину поражения в выборах указали 33% опрошенных коммунистов. В Казани, Новосибирске, Тбилиси и Харькове на нее обратили внимание от 40 до 46% респондентов.

Нелишне обратить внимание, что более половины из 5,3 тыс. партийцев не смогли сказать ничего определенного о многих (из теперь уже бывших) членах Политбюро ЦК КПСС; от 70 до 80% опрошенных не имеют представления о деятельности секретарей ЦК КПСС. Эти данные нашли подтверждение на XXVIII съезде партии: многие делегаты лишь из отчетов членов и кандидатов в члены Политбюро, секретарей ЦК КПСС узнали о содержании и характере их работы.

Среди политических установок, выдвинутых в последнее время партией, нашли поддержку общественного мнения призывы к разгосударствлению всей хозяйственной деятельности и обновлению партии. Так, развитие планово-рыночной экономики одобрили в феврале 1990 г. 65%, а в апреле — 86% опрошенных, внедрение арендных форм хозяйствования — соответственно 64 и 84% и т. д. Не менее привлекательны идеи политической, организационной и духовно-идеологической перестройки КПСС, ее очищения от карьеристов, приспособленцев и т. д. Однако камнем преткновения остается отсутствие ясных теоретических ориентиров в развитии общества, половинчатость экономической и непоследовательность политической реформ, запаздывание при принятии важных политических решений и медлительность в их практической реализации.

Общественное мнение и политические предпочтения населения. Образ В. И. Ленина по-прежнему вызывает симпатию большинства (57%) опрошенных. В отношении некоторых других ценностей, еще недавно превалирующих в общественном сознании, ситуация выглядит иначе. Почти поровну разделилось число определяющих Великую Октябрьскую социалистическую революцию с противоположных позиций: 34% опрошенных считают, что Октябрь открыл новую, прогрессивную эру в истории человечества, и 32% назвали его начальным этапом тупика в общественном развитии.

Одной из важнейших характеристик идейно-политических ориентаций населения является отношение к коммунистической перспективе. За сохранение в программных документах партии положения о коммунизме как цели общественного развития выступает в среднем каждый четвертый респондент, а среди занятых индивидуально-трудовой дея-

тельностью, работающих в кооперативах, на арендных и совместных с инофирмами предприятиях этот показатель ниже — от 13 до 18%.

Нарастающий общественный скепсис в отношении коммунистической идеи, ответственности партии за просчеты и ошибки прошлого имел своим следствием потерю доверия к ней как ведущей политической силе половины опрошенных. Лишь 18% твердо убеждены в том, что КПСС является таковой, и еще 14% с определенными сомнениями соглашаются с этим.

Существование данной тенденции (результаты опросов показывают ее нарастание) во многом определяется составом руководителей партийных комитетов, качественные изменения которого неадекватны требованиям меняющейся политической ситуации. Авторитет первого секретаря обкома (крайкома) партии признают 16% опрошенных, райкома — 18%, секретаря парткома предприятия — 28%.

Утрата доверия части населения к КПСС в сочетании с радикальной политической реформой сделала политические и общественные пристрастия населения весьма пестрыми, мозаичными. В общественном сознании появились образования, связанные с идеями и деятельностью новых общественно-политических движений и организаций.

Положительный рейтинг основных программных идей одиннадцати из них выглядит следующим образом:

Общество «Мемориал»	51%	опрошенных
«Зеленые»	45%	—»—
Комитет социальной защиты	40%	—»—
Объединенный фронт трудящихся	38%	—»—
Социал-демократическая ассоциация	29%	—»—
Христианско-демократический союз России	23%	—»—
Московская трибуна	20%	—»—
Демократический союз	20%	—»—
«Единство»	19%	—»—
Конфедерация анархо-синдикалистов (КАС)	18%	—»—
«Память»	16%	—»—

Общественное мнение получает информацию о новых объединениях чаще всего в пересказе, иногда не самом добросовестном, а не из первоисточников. Если люди знакомятся с последними, то встречают в них идеи, в той или иной степени созвучные своему настроению, своей позиции. При этом предпочтение отдают тем из них, которые кладут в основу своей программы действенную заботу о защите чести, достоинства и безопасности человека, а не завоевание власти как таковой. Не случайно лидируют в этом списке «Мемориал», «Зеленые» и Комитет социальной защиты.

Политический плюрализм в КПСС. Все указанные выше и многие другие проблемы стали предметом внутрипартийной дискуссии, стимулируемой, помимо всего, обсуждением новых программно-уставных положений.

Внутрипартийная ситуация перед съездом характеризовалась нарастанием поляризации политических и идеологических позиций коммунистов, пересмотром многих идеологических ценностей, снижением степени поддержки проектов программно-уставных документов ЦК КПСС к XXVIII съезду партии. Указанные тенденции в ряде случаев приобретали лавинообразный характер.

Размежевание теоретических и идеологических позиций коммунистов произошло по одной из ключевых стратегических основ партии — ее цели. В канун съезда партии за сохранение в программно-уставных до-

кументах положения о строительстве коммунизма как цели общественного развития выступали 47% членов КПСС, против — 32%. В отношении к теории научного социализма существенных сдвигов не произошло: более 76% опрошенных считают ее верной, но 66% коммунистов настаивают на необходимости ее развития и очищения от извращений.

За полтора месяца, прошедших со времени последнего исследования Центра, резко снизился уровень поддержки членами партии проекта Платформы ЦК КПСС. Доля положительно оценивающих ее уменьшилась с 86 до 52%, негативно относящихся к ней выросла с 12 до 27%. Максимальное количество отрицательных оценок (от 1/3 до половины коммунистов) отмечалось в Тбилиси, Новосибирске, Ленинграде, Москве, Иркутске, Свердловске.

Разделились позиции коммунистов в отношении к проекту Устава КПСС: в основном положительно оценили его 58% опрошенных, отрицательно — 27%. Превалирующая мотивация отрицательных суждений связывалась с тем, что, по мнению коммунистов, проект Устава направлен на сохранение партии в прежнем ее виде. Максимальное количество отрицательных оценок (от 1/3 до половины коммунистов) отмечено в названных выше регионах. В то же время от 75 до 90% членов КПСС одобрили положения Проекта о расширении прав первичных организаций, о добровольном выходе из партии, об обязательности выполнения решений большинства.

В связи с общим ухудшением общественно-политической ситуации в стране сравнительно быстрыми темпами снижалась привлекательность членства в партии. С февраля по апрель 1990 г. доля твердо намеревающихся сохранить свою принадлежность к КПСС сократилась с 86 до 67%. Число намеревающихся выйти из ее рядов осталось без изменений (11%).

Расстановка внутрипартийных сил накануне съезда (апрель 1990 г.) выглядела следующим образом:

Сторонники проекта Платформы ЦК КПСС в том виде, в каком она опубликована	33%
Сторонники дальнейшего пересмотра организационных и идеологических основ партии в рамках доработки проекта Платформы ЦК КПСС	29%
Сторонники Демократической платформы в КПСС (ДП) и тяготеющие к расколу партии	24%
Сторонники партии старого типа (традиционалисты)	3%
Сторонники самороспуска КПСС	3%
Конформисты и колеблющиеся	8%

Вместе с тем поддержка отдельных положений Демократической платформы имела тенденцию к увеличению.

Поддерживают:	Февраль — март 1990 г., в %	апрель 1990 г., в %
Отказ от принципа демократического централизма	23	30
Отказ от партаппарата	26	42
Избрание делегатов на съезд и выборных органов партии по фракциям	10	19
Отказ от производственного принципа строения партии	25	27
Федеративный принцип строения партии	26	43
Ликвидация парторганизаций в армии, органах МВД, прокуратуры, КГБ	—	41

Наибольшая поддержка ДП (вплоть до вступления в созданную на ее основе партию, если таковая возникнет) отмечалась на Украине, в Новосибирске, Грозном, Ленинграде, Москве. В данных регионах иденти-

фицируют себя подобным образом с ДП от четверти до трети членов партии.

Стала реальным фактом поляризация членов КПСС по принципиальным политическим, идеологическим и социально-экономическим вопросам. Наиболее отчетливо выделились два ряда идей, вокруг которых идет процесс расслоения членов КПСС: проект Платформы ЦК КПСС и проект Демократической платформы в КПСС. В настоящее время можно говорить о нескольких типах идейно-политической и поведенческой дифференциации коммунистов: «крайне левые», «левые», «радикальные центристы», «центристы», «правые» (названия типов условные) *.

«Крайне левые» (2,7 % от общего числа опрошенных) голосовали за делегатов на XXVIII съезд КПСС, поддерживающих ДП или выступающих за самороспуск КПСС или за образование на базе КПСС двух и более партий, поддерживают отказ от принципов демократического централизма в партии, от партаппарата, от производственного принципа строения партии, а также избрание делегатов на съезд и выборных органов по фракциям, отрицательно оценивают проект Устава КПСС. «Левые» (26% от общего числа опрошенных) отличаются от «крайне левых» тем, что оценивают проект Устава КПСС не только отрицательно.

«Радикальные центристы» (19 % всех опрошенных) голосовали за делегатов, поддерживающих проект Платформы ЦК КПСС или выступающих за пересмотр организационных и идеологических основ партии, положительно оценивают Устав КПСС и считают, что он нацелен на обновление партии.

«Центристы» (35 % всех опрошенных) голосовали за делегатов, поддерживающих проект Платформы ЦК КПСС, или за тех, кто выступает за ту партию, которая была. Кроме того, они не поддерживают отказ от организационных механизмов работы партии, характерный для «крайне левых».

«Правые» (3,2 % всех опрошенных) голосовали за делегатов, выступающих за ту партию, которая была, и, как и «центристы», не поддерживают отказ от организационных механизмов работы партии.

Наибольшее число сторонников предсъездовских документов ЦК КПСС у коммунистов с партстажем 11 и более лет (у ДП — со стажем до 10 лет). Прогноз из этого вывода достаточно очевиден — с приходом молодежи к руководству партийными комитетами эти идеи будут ставиться вновь и вновь.

Различие позиций коммунистов отчетливо проявилось в общей оценке проекта Устава КПСС и в мнениях о нацеленности этого документа. Так, доля в целом положительно оценивших проект Устава КПСС среди «левых» — 33%, среди «центристов» — 87%, среди «правых» — 69%. В целом отрицательная оценка соответственно: 49%, 8% и 18%.

Считают, что опубликованный проект выражает курс на обновление КПСС среди «левых» — 27 %, среди «центристов» — 69 %, среди «правых» — 48 %. Считают, что в таком виде проект Устава играет консервативную роль, соответственно — 41 %, 15 %, 22 %.

Значительные расхождения во взглядах коммунистов наблюдались по поводу ключевых положений проектов Устава и Платформы ЦК КПСС. Так, положительно отнеслись к сохранению коммунистической перспективы общественного развития 25% «левых», 76% «центристов» и 69% «правых»; считают полностью верной теорию научного социализма 5% «левых» и 34% «правых».

«Левые» в 2—3 раза чаще, чем «центристы» и «правые», выступают за федеративное устройство КПСС, за деполитизацию армии, органов МВД, КГБ, прокуратуры.

* В общественно-политической и публицистической литературе эти же течения классифицируются по трем типам — радикалы, «центристы», консерваторы.

Весьма существенные различия между «левыми» и «правыми» имеются в оценках работы, проводимой парторганизациями, их руководящими органами и идеологическими учреждениями КПСС. Недостатки в идейно-воспитательной деятельности отметили 66% «левых» и 41% «правых», в политической работе, направленной на усиление влияния партии в обществе (соответственно 61 и 24%); в организаторской работе по объединению здоровых сил в стране (50 и 33%); в теоретической работе партии (50 и 23%).

Положение в партии в значительной мере определяется тем, как коммунисты оценивают перспективы ее обновления и укрепления авторитета в обществе. Важно подчеркнуть, что эти оценки тесно связаны с их намерениями оставаться в рядах КПСС или, напротив, покинуть их. Ожидания и намерения у «левых», «центристов» и «правых» выразились таким образом. Более 4/5 «крайне левых» не верят в возможность возрождения авторитета партии, среди «центристов» и «правых» таких всего четверть. Одна треть «крайне левых» и четверть «просто левых» намерены выйти из КПСС, если она кардинально не изменится, среди «центра» и «правых» таких единицы.

Это, как отмечалось, политические позиции опрошенных коммунистов. Их содержание и структура нашли достаточно адекватное отражение в ориентациях делегатов XXVIII съезда КПСС.

Позиции делегатов XXVIII съезда КПСС. Отношение к основным идеям различных платформ в партии выглядит следующим образом:

	Поддерживают полностью, в %	Поддерживают частично, в %	Не поддерживают, в %	Затруднившиеся с ответом и неответившие, в %
Программное заявление	49	38	2	1
Демократическая платформа КПСС	5	41	12	1
Марксистская платформа	3	37	11	3

Эти данные показывают, что практически половина делегатов (49%) поддержали проект Программного заявления полностью. Вместе с тем также половина делегатов поддерживают частично программные положения всех трех платформ, а 16% настроены на то, чтобы объединить в программно-уставных документах все лучшее, что есть во всех проектах. Процесс идентификации с теми или иными платформами динамичен. Повторный опрос делегатов съезда КП РСФСР (первый состоялся 17—18 июня, второй — 29 июня — 1 июля) наглядно это демонстрирует. За 10 дней, прошедших со времени первого опроса, увеличилась на 20% доля делегатов с возросшим доверием к Программному заявлению ЦК КПСС и на 10% — к предложениям Инициативного съезда РКП в Ленинграде. Удельный вес делегатов, чье доверие к Демократической и Марксистской платформам возросло, на 11—14% ниже доли тех, чье доверие к ним уменьшилось. Таким образом, плюрализм позиций в полной мере представлен и на съезде, который призван был сделать окончательный выбор.

В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева «Политический отчет Центрального Комитета КПСС XXVIII съезду КПСС и задачи партии» перечислены системообразующие признаки обновленной партии. Эта партия социалистического выбора и коммунистической перспективы, базирующейся на общечеловеческих, гуманистических идеалах. Это общенародная политическая организация, свободная от догматизма, организация настоящего партийного товарищества, сов-

местной деятельности с прогрессивными силами страны. Это партия внутреннего самоуправления, свободных действий партийных организаций, самостоятельных компартий союзных республик, объединяющихся вокруг единых, общепризнанных стратегических целей и положений Устава. Это, наконец, союз единомышленников, играющий в обществе как авангардную, так и парламентскую роль, имеющий твердые позиции в трудовых коллективах и строящий свою деятельность на принципах, обеспечивающих ее демократизм и дееспособность [1].

Какими были позиции делегатов съезда в отношении этих кардинальных проблем обновления партии?

Большинство участников съезда (80%) ориентируются на сохранение названия «коммунистическая», на положительное отношение к теории научного социализма (12% полностью одобряют, 82% считают необходимым очистить теорию от извращений), за авангардную роль в обществе — 65 % в противовес парламентской (19 %).

Большинство делегатов оказались настроенными на дальнейшую радикализацию экономической реформы и плана Правительства СССР по переходу на регулируемую рыночную экономику. Это вытекает из оценок программы Правительства (52% сочли ее половинчатой), частного сектора экономики (допускают его существование в определенных размерах 73%), кооперативов (в основном положительно к ним относятся 67%), две трети выступают за существование всех, в том числе и частных форм собственности в сельскохозяйственном производстве.

Наиболее существенными новыми характеристиками социально-политических взглядов представителей российских коммунистов явилось неприятие приоритетности интересов одного класса в государственной политике (классовый подход поддерживают 8% опрошенных). Первенство отдается интересам человека, личности (об этом сказали 84%). За то, чтобы партия выступала выразительницей интересов широких слоев, свидетельствует и тот факт, что 80% ратуют за то, чтобы она стала партией консолидации всех слоев общества, поддерживающих идеи социализма, а не была партией преимущественно рабочего класса (на это ориентировалось 15% делегатов).

Основная масса делегатов (71%) выступила за сохранение принципа демократического централизма при условии усиления в нем демократических начал и сокращения сферы и областей его применения. Три четверти опрошенных поддержали идею обязательности выполнения решений съездов и конференций и в то же время рекомендательный характер решений исполнительных органов партии. Позиция в отношении территориально-производственного принципа строения партии вполне определенна: 72% опрошенных выступают за его сохранение.

Основная масса делегатов прибыла на съезд психологически настроенной на активное участие в его работе. 62% опрошенных выразили намерение выступить на съезде, 57% — уверенность, что съезд будет способствовать преодолению кризиса в обществе.

Вместе с тем опрос показал, что критический потенциал делегатов весьма значителен. Положительно оценили идейно-теоретическую деятельность партии лишь 13% опрошенных, организаторскую — 9%. Еще меньше удельный вес позитивных оценок идейно-воспитательной работы — 6%. На этом фоне более благоприятно выглядела оценка политической деятельности КПСС, направленной на демократизацию и консолидацию общества. Удельный вес положительных оценок достиг здесь 37% от общего числа опрошенных.

Кризис в партии связывался делегатами прежде всего с деятельностью ее центральных органов. Можно было прогнозировать, что в выступлениях это проявится в острой, не всегда достаточно аргументиро-

---

[1] См. Правда, 3 июля 1990 г.

ванной критике руководства. Что касается содержания дискуссии, то материалы опроса позволили предсказать (оба прогноза позднее оправдались полностью), что подавляющее большинство выступающих сосредоточат свое внимание на следующих ведущих проблемах — положение дел в партии, ход экономической реформы, причины кризиса перестройки.

Выше отмечалось, что большинство делегатов прибыли на форум с надеждой принять решения, которые помогут укрепить партию, преодолеть кризис в обществе. Удалось ли это сделать, а если удалось, то насколько? Предоставим право первой оценки им самим. Отвечая на соответствующий вопрос социологической службы «Съезд», каждый десятый делегат заявил о своей полной удовлетворенности первой половиной работы съезда, половина — о частичной, а более трети — о своих не оправдавшихся пока надеждах. Ведущее место в ряду причин неудовлетворенности части делегатского корпуса занимали отсутствие или недостаточность конструктивных предложений по обсуждаемым вопросам (30%), характер отчетов членов и кандидатов в члены Политбюро и секретарей ЦК КПСС (18%), Политического отчета Центрального Комитета (13%).

Делегаты, таким образом, достаточно критично оценили начальный этап поиска путей выхода из кризиса. Вместе с тем социологический опрос уже тогда показывал на усиление реализма позиций большинства. Он проявлялся прежде всего во взглядах на вектор обновления партии. 83 % опрошенных согласились с тезисом, что только полевевшая и помолодевшая партия способна вести страну по пути серьезных преобразований демократическими путями и средствами. Эта набирающая силу тенденция по-новому расставляла акценты в ответах на многие ранее дискуссионные вопросы.

По данным Центра социологических исследований АОН при ЦК КПСС, еще в апреле этого года кризисные явления в экономике и политике связывались с просчетами нынешнего политического руководства чаще, чем с нереалистической политикой прошлого. Немало критических стрел подобного рода было выпущено в инициаторов перестройки и в первые дни работы съезда. Дискуссия изменила ситуацию: 41% респондентов реабилитировали перестройку полностью и 43% — частично. С «виновностью» перестройки в существующих трудностях согласились 14% опрошенных. Что же касается исторической ответственности за преступления и деформации прошлого, то более половины (54%) делегатов отвергли обвинение в причастности к ним миллионов коммунистов. Имея в виду казарменные порядки, существующие в партии, тотальную отчужденность рядовых коммунистов от процесса принятия решений, участники съезда возлагали главную ответственность на высшее руководство КПСС предыдущих этапов советской истории. Именно поэтому широкую поддержку съезда получило предложение о создании Комиссии по расследованию деятельности отдельных руководителей партии до перестройки и на ее самом начальном этапе. Вместе с тем «инакомыслие» в этом вопросе тоже достаточно значительно. До 40% участников съезда считают, что часть вины лежит и на рядовых коммунистах. Этот факт — одна из гарантий отказа коммунистов от бездумного исполнения антинародных приказов в будущем. Понятна и та страстность, с которой делегаты — представители первичных организаций — боролись на съезде за создание механизма, ставящего политическое руководство партии под контроль партийных масс, и создавали прецедент нелицеприятной, может быть, даже излишне жесткой его критики.

Зарождается понимание необходимости качественно новых взаимоотношений с Советами. Исход весенних выборов в этом году для многих депутатов определялся лакмусовой бумажкой их отношения к аппарату партийного и государственного управления. Ругает кандидат аппарат — значит стóит за него голосовать. Данное обстоятельство, а также неум-

ная политика некоторых партийных комитетов по отношению к новому депутатскому корпусу (а 80% его состава — коммунисты) привели в ряде случаев к скрытой или явной конфронтации этих социальных институтов. Съезд определил и здесь позицию, адекватную реальности,— позицию сотрудничества, поддержки становления Советов как полномочных органов государственной власти.

Почти три четверти делегатов присоединились к тезису о необходимости использования сугубо конституционных форм борьбы за авангардную роль партии в обществе. Более половины участников съезда (56%) поддержали тезис Политического отчета о том, что партия не будет вмешиваться в функции советских органов. Это позволит ей не делить ответственность за те решения Советов, которые принимаются без консультации с КПСС, и получить право на публичную их критику.

Главное противоречие в политических воззрениях делегатов съезда, которое еще не раз будет давать о себе знать, связано с преобразованием отношений собственности в нашей стране, зарождением частного сектора в сфере услуг, сельхозпроизводства и в некоторых других областях экономики. С одной стороны, большинство делегатов и населения считают возможным, а многие и необходимым, развитие частного предпринимательства. Последнее связывается не только с насыщением товарного рынка, но и с появлением и утверждением свободы выбора места и формы приложения главной производительной силы — трудящегося человека. С другой же стороны, многие сопрягают данный процесс с фатальной, по их мнению, неизбежностью безработицы, с эксплуатацией, с перерождением социализма в буржуазный строй. Именно поэтому 45% делегатов подчеркнули опасность сил, толкающих наше общество к капитализму и имеющих в этом шансы на успех. У 70% опрошенных процесс разгосударствления и частичной приватизации собственности жестко связывается с движением общества в сторону капиталистического пути развития. Именно поэтому в делегатской среде окрепло убеждение в необходимости сохранения партийных организаций в производственных коллективах (доля сторонников такого решения выросла за время работы съезда с 71 до 81% опрошенных). Не смещается ли здесь критерий социалистичности? Им же, этим критерием в современном его звучании, являются не формы собственности сами по себе, а то, как они обеспечивают реализацию социальных целей, то есть создают условия для творчества, самореализации личности, для социальной справедливости. Мы сейчас очень хорошо знаем, как не надо делать. В нынешней ситуации полезнее разрабатывать и вести разумную социальную политику в интересах человека, а не спорить о понятиях. По данным наших последних опросов, половина населения этот вопрос для себя уже решила: слова «социализм», «капитализм», «идеология» не вызывают у нее никаких эмоций — ни положительных, ни отрицательных.

Усиление позиций реализма и ответственности за судьбу перестройки участников партийного форума сконцентрировалось в вопросе о лидере партии. Делегатов спрашивали о том, кого персонально они хотели бы выдвинуть в число руководителей партии? Вопрос был открытым, то есть набор фамилий респондентам не предлагался. И данные опроса, и заметное для наблюдателей изменение настроений съезда позволили за несколько дней до выборов спрогнозировать, что большинством делегатов выбор уже сделан.

По состоянию на 6—7 июля М. С. Горбачев имел самый высокий рейтинг, кратно превышающий рейтинг всех других возможных лидеров партии. Голосование подтвердило прогноз. А это означает одно — съезд берет курс на продолжение перестройки, на качественное обновление и общества, и партии.

Это, в свою очередь, нашло полное подтверждение в резолюции по Политическому отчету ЦК КПСС XXVIII съезду партии, в которой под-

черкивается, «что судьба партии, ее исторические перспективы прямо связаны с достижением целей перестройки»[2].

* * *

Таким образом, анализ социологических данных позволяет утверждать, что в общественном сознании значительной части населения, коммунистов и делегатов съезда постепенно крепнет своеобразный феномен — центристское сознание, которое ратует за здравый смысл, взвешенные оценки, согласование интересов всех участников исторического процесса. Пробуждающийся инстинкт самосохранения протестует против крайностей, тем более что их придерживается незначительная, хотя и шумная, часть коммунистов и населения. В этой связи партией еще не упущен шанс перехватить инициативу, собрать под свои знамена все прогрессивные силы. Принятые XXVIII съездом КПСС Программное заявление и Устав партии — свидетельство того, что труднейшие задачи обновления партии, преодоления кризисных явлений во всех сферах общественной жизни будут решены. Залог этому — дальнейшая демократизация и углубление перестройки. Все коммунисты должны понять: «Партия уже живет и работает в другом обществе, и нужна другая, обновленная партия, с другим стилем деятельности»[3].

[2] Правда, 11 июля 1990 г.

[3] Выступление М. С. Горбачева по итогам обсуждения Политического отчета ЦК КПСС XXVIII съезду партии.— Правда, 11 июля 1990 г.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПЛЮРАЛИЗМУ: ПРОБЛЕМЫ, КОНФЛИКТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Становление многопартийности в СССР рассматривалось в Политическом отчете ЦК КПСС XXVIII съезду как свидетельство радикального переустройства политической системы советского общества. Проблемы политического плюрализма актуальны и для стран Восточной Европы, порвавших с авторитарно-бюрократической моделью социализма.

КПСС признает за каждым народом право самостоятельного выбора общественного устройства, образа своей жизни.

Задачи, которые решают народы Восточной Европы, во многом сходны с теми, которые стоят перед нашей страной и обсуждались на съезде КПСС: создание эффективной экономики, становление парламентской демократии и политического плюрализма, формирование гражданского общества и др. С какими трудностями, противоречиями, коллизиями сталкиваются восточноевропейские страны? Как происходит переход от монопартийности к политическому плюрализму? Во многих странах очень болезненно. Не случайно XXVIII съезд выразил товарищескую солидарность с коммунистами, со всеми, кто подвергается политическим преследованиям, моральному террору, и обратился с призывом защитить их честь и права.

Известно, что большая часть бывших правящих партий либо распалась, либо, в значительной мере утратив опору в массах, находится в оппозиции. Почему этим партиям не удалось своевременно провести реформы в обществе и самореформироваться? Какова расстановка политических сил сегодня в этих странах? Какие перспективы у левых партий?

Эти и другие вопросы обсуждались за «круглым столом» «От монопартийности к политическому плюрализму», проведенным журналом «Вопросы истории КПСС» и сектором левых политических партий стран Восточной Европы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В нем приняли участие зав. сектором, канд. историч. наук Т. В. Порфирьева, старшие научные сотрудники, кандидаты исторических наук В. А. Горлов, А. И. Горшков, Р. С. Шароватова, В. Ф. Яворский, научн. сотр. В. В. Кириченко, редактор отдела истории и теории партийного строительства журнала «Вопросы истории КПСС» кандидат исторических наук Ю. В. Тюрин.

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД: СВОЕОБРАЗИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Ю. В. Тюрин. В отчетном докладе на XXVIII съезде КПСС подчеркивалось, что наша страна находится в переходном периоде, когда не закончены ни демонтаж прежней системы, ни тем более — строительство новой. Из своеобразия этого периода вытекают многие задачи, которые встают перед КПСС и влияют на ее взаимоотношения с другими партиями. Что подсказывает нам опыт Восточной Европы? В каком направлении идет ее развитие? С какими проблемами она сталкивается?

Т. В. Порфирьева. События, происходящие в странах Восточной Европы с конца прошлого года, вызывают немало споров. Многие с надеждой и одобрением воспринимают эти изменения именно потому, что этим странам удалось довольно решительно и быстро отмежеваться от сложившейся системы, от всего, что тормозило их развитие, от монополии власти, засилья аппарата, косности мышления, отчуждения личности, давления идеологического догматизма, а Румынии — покончить с деспотическим режимом.

Однако высказываются, и не без основания, опасения, что избранный этими странами путь с ориентацией на рыночную экономику, преобладание частной собственности, на тесные связи с Западом может привести, а в некоторых странах и приводит к обострению социальных противоречий, падению жизненного уровня, безработице, утрате имевшихся социальных гарантий и социальной защищенности и т. д.

Определение направленности этого процесса приобретает не только теоретическое, но и практическое значение. Именно здесь лежит водораздел между политическими течениями, движениями, партиями. Действительно: поворот вправо или влево?

Если рассуждать в традиционном стиле, то поворот от общественной собственности к частной может быть квалифицирован как поворот вправо. Именно так считает политический обозреватель ТАСС А. Кондрашов (см. Диалог, 1990, № 9).

Но если иметь в виду, что это переход от сложившегося в течение нескольких десятилетий тоталитарного режима, подавления инициативы, отчуждения личности от власти и собственности, то любой отказ от всего этого будет означать и означает движение вперед, даже если поиски идут через осмысление и заимствование того, что накопила цивилизация в так называемой противоположной, капиталистической системе ценностей.

Сегодня особенно очевидно, что переход от командно-административной системы в экономике, от монополии вла-

сти, подавления политической и интеллектуальной свободы к демократическому государству и обществу — сложный и противоречивый процесс. Он связан с базисными изменениями—переменами в отношениях собственности, переходом к рынку.

Политическая надстройка, опирающаяся на принципы парламентской демократии, приобретет нужную устойчивость, когда сумеет опереться на соответствующий ей базис,· многоукладную экономику и приоритет человеческих ценностей.

Наконец, особенно сложные проблемы возникают в этот переходный период в духовной сфере, в области социальной психологии, изломанной десятилетиями тоталитаризма и авторитаризма.

Современный политический плюрализм — это начало освобождения людей от авторитарного сознания («разрешено все, кроме политики»), свидетельство растущей политизации масс, которым предстоит пройти долгий тернистый путь от отчуждения личности от политики и власти к реальной демократии, к зрелому демократическому сознанию, к пониманию не только права влиять на принятие решений, выдвигать требования к властям (характерное для наших дней либеральное сознание: «позволено все, что не ведет к смене власти»), но и осознанию равной ответственности граждан за действия избранной народом власти («разрешено все, что не запрещено законом»). Это путь к правовому государству и гражданскому обществу.

А. И. Горшков. Наверно, здесь важно подчеркнуть, что переход от монопартийности или от тоталитарного режима к плюрализму и правовому государству протекает неравномерно и непредсказуемо. Казалось бы, только недавно прошли парламентские выборы в Болгарии и Румынии, где пришли к власти новые политические силы со значительным или подавляющим преимуществом, и почти сразу началась новая волна общественных протестов и стихийных волнений. В других восточноевропейских странах, даже тех, где в меньшей степени ощущалось бремя тоталитаризма, сохранялись демократические традиции и был довольно высокий жизненный уровень, возникает социальная нестабильность и деструктивность. К примеру, в Чехо-Словакии этот период начался с «нежной» революции, выразившейся в массовом выходе людей на площади городов с протестами против разгона и избиения полицией студенческой демонстрации в Праге 17 ноября 1989 г. и в последующем мощном движении за отставку руководства, за демократизацию и обновление общества. Эти лозунги смогли объединить подавляющую часть населения, включая и большинство членов КПЧ, поскольку партийно-государственное руководство дискредитировало себя в глазах не только народа, но и основной массы коммунистов. Этим можно объяснить и скоротечность смены власти, и отстранение КПЧ как правящей партии. Однако с решением вопроса о политическом руководстве напряженность и противоречивость общественных процессов в стране не исчезли.

Проходящие преобразования можно в · целом оценить как прогрессивные. Задачи обновления и демократизации поразному понимаются многочисленными возрожденными «историческими» партиями, новыми общественно-политическими движениями и организациями. Одни, как КПЧ и другие левые силы, решение этих задач связывают с демократическим социализмом, другие решительно противопоставляют социализму свободу и демократию. Политические организации, сориентированные на западные ценности, усиливают антикоммунистические кампании и антисоветизм. Деятельность некоторых партий способствует росту националистических проявлений и сепаратизма среди групп нечешского населения. Левые силы, и прежде всего КПЧ, хотя и получили определенный кредит доверия части населения на прошедших парламентских выборах, однако оказались в оппозиции. Во многом дальнейшее развитие общества зависит от ориентации и популярности мер, предпринимаемых лидерами новых политических сил, пришедших к руководству в результате бурного народного выступления и на основе недавно состоявшихся парламентских выборов.

В. Ф. Яворский. Что касается Болгарии, то характерно, что в этой стране переход от авторитаризма к демократизму осуществляется парламентским путем по инициативе и при активном участии преобразованной в социалистическую партию ранее правящей БКП. Однако процесс демократизации в стране имеет свои сложности.

Несмотря на парламентское большинство и то, что значительная масса населения голосовала за БСП во имя социальной стабильности, подавляющего числа голосов избирателей она не добилась. Причина этого видится в том, что БСП не успела убедить бóльшую часть избирателей в том, что она изменилась принципиально.

И все же, получив 47% голосов и более половины (около 53%) мест в парламенте, БСП завоевала право образовать самостоятельное, то есть однопартийное, правительство. Однако в том, что касается формирования нового правительства, БСП оказалась более чем в сложном положении. После выборов лидеры Союза демократических сил (СДС), других оппозиционных партий категорически отрицают возможность парламентской коалиции с БСП. Отвергается возможность участия СДС в «служебном правительстве» или «правительстве экспертов различных партий и беспартийных», поскольку все это тоже является определенным видом коалиции, а свою роль СДС видит в качестве конструктивной оппозиции в парламенте.

В чем же выход из создавшегося положения? Анализ болгарской печати позволяет вести речь о нескольких вариантах. Один из них сводится к достижению соглашения о создании коалиционного, неоднопартийного правительства национального согласия. Второй вариант — составление самостоятельного однопартийного правительства БСП или СДС, но это, на наш взгляд, может привести к блокированию законодательной деятельности парламента с использованием непрерывных политических акций со стороны партии или силы, находящейся в оппозиции. Есть и третий вариант. Это — создание правительства из нейтральных специалистов, ученых, видных деятелей культуры и т. д. Однако этот вариант потребует предварительного политического согласия о статусе правительства и условиях для его нормальной деятельности. При политическом нейтралитете правительства в нем могли бы принять участие и кандидаты, связанные с какой-либо из политических сил. И последнее, может возникнуть крайне нежелательный вариант, весьма опасный, с непредсказуемыми последствиями. Речь идет об эскалации недовольства нынешним составом парламента и о требовании новых выборов, что может привести болгарское общество к гораздо более сложному политическому и экономическому кризису.

Р. С. Шароватова. Если в ряде стран Восточной Европы процесс обновления и реформ, отхода от старых методов начался внутри партии или в ее руководстве, то в Румынии тоталитарный режим личной власти Чаушеску, система жесточайших репрессий внутри компартии и в обществе исключали возможность такого варианта. Это привело к глубокой дискредитации партии и социализма в стране, вызвало гнев народа против коммунистов.

Новые румынские руководители подчеркивают, что в настоящее время страна находится на этапе перехода к демократии. Пришедший к власти Фронт национального спасения считает главным направлением экономической политики рост благосостояния народа при постепенном переходе к децентрализованной рыночной экономике. Высказываясь за многообразие форм собственности, он заявляет, что оздоровления экономики следует добиваться шаг за шагом (в противовес польскому варианту шоковой терапии). Намечая развитие приватизации, смешанной и частной собственности, ФНС поддерживает непременное сохранение госсектора.

На чей же опыт ориентируется новое руководство страны — на западный, на советский перестроечный? И на Запад (шведская модель, испанская и даже японская), и на связи с СССР, но прежде всего на собственные традиции — экономические, социальные, культурные. В стране продолжается конфронтация. Убедительная победа ФНС не смогла разрядить острую политическую атмосферу в стране, которая по-прежнему остается нестабильной. Именно об этом свидетельствует попытка насильственного государственного переворота 12—13 июня с. г. в Бухаресте.

Оппозиционные правые партии, которые безуспешно добивались переноса срока выборов, сразу после их проведения попытались объявить их результаты недействительными. Правые силы, потерпевшие поражение, заинтересованы в дестабилизации. Пока что многопартийность как явление, возникшее в противовес авторитаризму, неконструктивна.

Ю. В. Тюрин. Какие выводы, уроки можно сделать из этого короткого и бурного периода политического развития восточноевропейских стран?

В. А. Горлов. Первый и, быть может, самый главный, вывод из анализа событий 1989—1990 гг. заключается в том, что происшедшее было закономерным следствием давно назревавших внутренних противоречий в этих странах. Логически следует признать необоснованность утверждений о «руке Москвы» (а этот «фактор» периодически упоминается зарубежными комментаторами).

Мне хотелось бы также обратить внимание на один общий для большинства революций фактор, послуживший во многом катализатором событий. Я имею в виду национальный вопрос во всем многообразии его проявлений. Он тесно связан с проблемами экономического и социального развития, которые, как показала история, командно-административная система оказалась не в состоянии решить. В самом деле, известные события в Тимишоаре начались как выступления венгерского меньшинства; выступления в ГДР против хонеккеровского развитого социализма стремительно приняли форму народного движения за объединение обеих частей Германии; внутриполитическое положение Болгарии и Югославии чрезвычайно осложняли (и это, возможно, еще мягко сказано) проблемы, связанные соответственно с туркоязычным населением и албанским меньшинством. Уже это простое перечисление подтверждает своевременность требований XXVIII съезда КПСС о приоритетном значении кардинального обновления советской федерации.

События в Центральной и Восточной Европе показали, что система командно-административного социализма нежизненна и потому, что в ней отсутствует механизм самообновления и, напротив, чрезвычайно силен «самоубийственный инстинкт» самосохранения; подобное сочетание неминуемо ведет к краху. Безусловно, естественное развитие событий в Венгрии в 1956 г., в Чехословакии в 1968 г. иначе бы сказалось на положении бывших правящих партий; вместе с тем кто возьмется утверждать, что все последние годы руководство ПОРП (в еще более длительной перспективе

СКЮ) не предпринимало попыток перемен? Добавим, что уж Югославия-то и до 1985 г. была гарантирована от иностранного вмешательства. Поэтому я не могу признать полностью корректным в какой-то степени «оправдательный» тезис о «запаздывании партий с переменами». Ведь и нынешнее «запаздывание» КПСС объясняется, на мой взгляд, вполне закономерными факторами — в первую очередь сопротивлением консервативных сил в партии и обществе. Не случайно М. С. Горбачев в Политическом отчете ЦК КПСС XXVIII съезду подчеркивал, что подобные обвинения далеко не правомерны. Вместе с тем съезд показал, что в нашей партии есть воля к обновлению и силы, способные его осуществить.

Т. В. Порфирьева. Важным уроком является неприятие любых форм насилия.

Тяжелые последствия мировых войн, репрессий, экологических и природных катастроф привели к тому, что люди острее, чем раньше, воспринимают нарушения прав и гражданских свобод личности, требуют возмездия по отношению к лицам, принявшим или даже собиравшимся принять решения о насилии.

В. В. Кириченко. К этим выводам, может быть, целесообразно добавить положение, которое высказывает проф. Амстердамского университета Андре Гундер Франк, анализируя уроки событий 1989 г. в Восточной Европе: «Требование демократии носит настолько глубокий и далеко идущий характер, что возникает вопрос о расширении самого понятия «демократия». Необходимо переступить через границы парламентской политической и государственной экономической демократии, утверждать «гражданскую демократию» в гражданском обществе» (Проблемы мира и социализма, 1990, № 5).

ДЕЭТАТИЗАЦИЯ ПАРТИЙ И СУДЬБА ПАРТИЙНЫХ РЕФОРМ

Ю. В. Тюрин. Сегодня хорошо известно, что отличительной чертой авторитарно-бюрократического социализма была монополия компартии на власть. Как отмечалось в Политическом отчете ЦК КПСС XXVIII съезду, многие десятилетия КПСС была приспособлена для обслуживания авторитарно-бюрократической системы. Правящие партии являлись ядром командно-административной системы, и деэтатизация партии являлась необходимым условием обновления общества. Многие партии понимали это еще до 1985 г. и пытались реформироваться. Почему, на ваш взгляд, в большинстве стран эти попытки не удались?

В. А. Горлов. Для человека, занимающегося новейшей историей Югославии, уже само появление в нашем научном лексиконе термина «деэтатизация» является весьма многозначительным, если не сказать симптоматичным. Дело в том, что проблема этатизма применительно к партии и другим общественно-политическим организациям СФРЮ и других социалистических стран, задача его преодоления уже более 30 лет ставятся в документах СКЮ, рассматриваются в трудах его руководителей и политологов, являются постоянной темой в выступлениях партийных функционеров. Вместе с тем (о результатах деэтатизации СКЮ мы поговорим ниже) вплоть до последнего времени югославский «ревизионистский» тезис о сращивании партии с государством, подмене ею последнего являлся с «легкой» руки М. А. Суслова и прочих вольных и невольных его последователей одним из главных объектов критики самоуправленческого социализма.

Причина этой кампании ясна, как ясна и ее бесплодность: критика противников монополии партии на представительство интересов рабочего класса и всех трудящихся, критика тех, кто декларирует неприятие узурпации партией права на власть «от имени рабочего класса во имя рабочего класса» была неизбежна со стороны политиков и обществоведов, обслуживавших сталинско-брежневский унитарный социализм; бессмысленность же и вредность этой кампании достаточно скоро подтвердила сама жизнь. И вот уже Н. С. Хрущев и Л. И. Брежнев встречаются с И. Броз Тито, причем для них готовятся документы, в которых снова и снова — но уже «для служебного пользования» — дается все та же характеристика югославского взгляда на этатизм и проблему деэтатизации.

Картина, казалось бы, ясна, причем написана в привычных, к сожалению, еще и сегодня черно-белых тонах: догматическая КПСС и прогрессивный, решительно порывающий с идеологией и практикой «Краткого курса истории ВКП(б)» СКЮ. Действительность, как это обычно бывает, намного сложнее.

Для того чтобы адекватно оценить проблему, следует обратиться к первым годам существования народной Югославии, попробовать по-новому взглянуть на ее тогдашнее руководство, освободиться, с одной стороны, от инерции «мышления 1948 года», с другой — от нашего неизбывного опасения «обидеть дружественного соседа» при обязательном, конечно, уважении как его, так и исторической правды.

По моему мнению, известный конфликт между Информбюро и КПЮ в значительной степени явился выражением межличностного конфликта двух руководителей во многом одной школы — И. Броз Тито и И. Сталина, самолюбивых и амбициозных главнокомандующих победоносных армий, людей одного поколения, приблизительно равного образования, многолетних деятелей Коминтерна (при всей разности их тогдашнего положения в нем), причем Ко-

минтерна конца 20—30-х годов, стремительно догматизирующегося (решения VII конгресса стали, к сожалению, лишь эпизодом), организации, все более безжалостной не только и не столько к врагам, сколько к союзникам и просто к своим; это был конфликт также двух деятелей Информбюро — наследника Коминтерна, возглавлявших партии, составлявшие его ядро,— недаром номинально штаб-квартира Информационного бюро коммунистических и рабочих партий размещалась первоначально в Белграде.

Безусловно, на общую обстановку влиял и ряд других факторов, среди которых важнейшим был демократический подъем в народе и партии, ставший логическим следствием успешной народно-освободительной войны и революции. Важно, однако, что в результате разрыва руководство КПЮ объективно было поставлено перед необходимостью переиначить свою внешнюю и внутреннюю политику, саму партию в направлении, диаметрально противоположном тому, что мы называем «сталинской моделью» (не считая таких фундаментальных основ, как, например, борьба за мир). Вместе с тем субъективно большинство этих людей, принадлежа своему времени, не могло не наполнить новую форму старым содержанием, что заложило в строящуюся систему ген последующего взрыва. Все дело в том, что эта крутая ломка принципиальных взглядов на социализм и пути его строительства не была обусловлена объективными причинами, связанными с накоплением негативного и позитивного опыта в результате длительного исторического развития.

Общим подтверждением стал нынешний кризис, охвативший СФРЮ и СКЮ, совсем недавно еще единственную в стране партию. События, разворачивающиеся в Югославии в течение последних лет и в особенности нынешнего года, во многом явились результатом разрыва между словом и делом, между самоуправленческой теорией и практикой. Хотел бы при этом отметить, что при всех обнаружившихся минусах югославской модели ей присущ определенный — и, что греха таить, пока еще не достигнутый нами — уровень демократизма (особенно в области производства). Кроме того, народы Югославии объективно имеют перед большинством стран Восточной Европы немалую фору в проведении демократизации — более чем в 40 лет. Об этом свидетельствует и тот факт, что страну в течение всего этого времени не сотрясали кризисы, сравнимые с венгерским (1956 г.), чехословацким (1968 г.), многочисленными польскими и другими. Однако и здесь в конечном итоге сказался «первородный грех» однопартийной системы.

Т. В. Порфирьева. Хотелось бы остановиться на трех моментах. Первый — многие восточноевропейские страны (Польша, Чехословакия, Венгрия, Болгария и др.) после окончания второй мировой войны начинали революционное переустройство общества в условиях политического плюрализма (помимо коммунистических, в этих странах существовали массовые социал-демократические, крестьянские, либеральные, христианско-демократические и другие партии). Складывались условия для иного, чем в Советском Союзе, пути к социализму. Однако этим странам была навязана сталинская тоталитарная модель партии и общества. И это была главная задача созданного Сталиным Информбюро. Острый конфликт с Тито был действительно столкновением амбиций, можно сказать, побочным явлением. К концу 40-х годов в странах Юго-Восточной и Центральной Европы был осуществлен переход от политического плюрализма к тоталитаризму и в результате утвердилась этатистская партия, соединившая функции политического руководства и государственного управления, ставшая постепенно сверхорганом, противостоящим общественным структурам и народным массам.

Нельзя при этом не заметить, что такая концентрация власти позволила провести ускоренную индустриализацию, превратить ранее аграрные страны в индустриально-аграрные, повысить на некоторое время жизненный уровень народа, но постепенно в обществе накапливались противоречия, которые после XX съезда КПСС, то есть краха тоталитаризма, неоднократно приводили к кризисам то в той, то в другой стране.

Второй момент. В Польше, начиная с 1956 г. и по 1980 г., четыре раза возникали конфликты между ПОРП и рабочим классом, ее социальной опорой. Но что при этом важно? Прежде всего то, как изменялось самосознание рабочего класса. В 1956 и 1970 гг. для преодоления конфликта достаточно было смены партийных лидеров. И только к 1976 г. возникло понимание необходимости организованного рабочего движения. С помощью идеологов, не понаслышке знакомых с догматическим марксизмом (некоторые из них были членами ПОРП), возникла «Солидарность», ставшая впоследствии политической альтернативой ПОРП.

Далее, каждый раз после кризисных событий и смены руководителей партийное руководство правильно характеризовало общественные конфликты как кризис доверия масс к партии, делало, казалось бы, правильные выводы, проводило демократизацию, вносило изменения в Устав партии и т. д., но по существу мало что менялось. В 80-е годы партийное руководство призывало партию «вернуться к истокам», отмечало, что «партия та же, но не такая же», однако проводимые партийные реформы не смогли изменить партию, переживавшую кризис теории и идеологии, конфликт со своей главной социальной опорой, кризис организационной структуры, отчуждавшей от партии партийные массы.

Третий момент. ПОРП в январе 1990 г., проводя в партии референдум, сознательно на съезде приняла решение о прекращении своей деятельности и создании новой партии — Социал-демократии Республики Польша. Но этому решению предшествовали события, которые также позволяют сделать обобщение. В мае 1989 г. на выборах в Сейм, несмотря на договоренности «круглого стола», ПОРП не получила 65% мест в парламенте, так как народ не оказал ей поддержки. И следовательно, если у партии есть реальная альтернативная сила и соперничество осуществляется демократически, то партия, утратившая авторитет в массах, обречена.

Все эти выводы не могут быть для нас безразличны, и советские коммунисты не случайно связывают надежды с решениями XXVIII съезда КПСС, так как обновление партии — действительно наша насущная задача.

Кстати, победа «Солидарности» недолго вызывала у масс эйфорию: сегодня мы видим падение авторитета и всех ее лидеров — и самой «Солидарности», и правительства, и Сейма.

Р. С. Шароватова. Жесткая уникальная партийно-государственная система власти сверху донизу была создана в годы режима Чаушеску в Румынии. Это — и обязательное совмещение постов по партийной и государственной и даже общественной линиям; и создание специальных партийно-государственных органов как на национальном уровне, так и на местах. В стране было осуществлено полное сращивание, слияние партии с государственными органами; разработана апологетическая теория об интеграции партии и общества, о партии как центре румынской нации, о деятельности партии изнутри общества. Партия была прикрытием тоталитарного режима.

До декабрьской революции РКП насчитывала 3,8 млн. членов, по «охвату» другой такой партии не было: каждый пятый житель страны — коммунист.

В Румынии мы не имеем очевидных попыток слома диктаторского режима Чаушеску, опиравшегося на деспотический аппарат, существовавший в стране в течение 25 лет. Именно этот невероятный гнет накопил в народе огромную энергию неприятия и гнева, что и привело к кровавым событиям и потрясениям.

Ю. В. Тюрин. Деэтатизация партий на деле произошла после 1985 г., когда события в этих странах стали быстро развиваться. Почему же и после 1985 г. партии не смогли перестроиться?

А. И. Горшков. Да, с позиций сегодняшнего дня мы отчетливо видим, что невозможно было реформировать коммунистическую партию, не изменив политическую систему, ядром которой она являлась. Иной подход к реформе партий был обречен на неудачу. Неоднократные попытки после XX съезда КПСС реформировать коммунистические и рабочие партии в восточноевропейских странах сводились лишь к незначительным изменениям в уставах партий.

Как известно, наиболее радикальная попытка обновить партию во взаимосвязи с политической реформой предпринималась в Чехословакии в 1968 г. Это было стремление демократически настроенных реформистских сил в партии и чехословацком обществе осуществить прорыв не только в теории, но и на практике, преодолеть сектантско-догматические деформации партии, изменить закостенелую политическую систему, провести экономическую, рыночную реформу, учитывая национальные интересы. Речь шла о ликвидации сталинской модели социализма и создании общества демократического социализма, основанного на таких положениях, как приоритет общечеловеческих ценностей над классовыми, замена абсолютной политической монополии широким объединением социалистически ориентированных сил во главе с КПЧ и др. Этот курс руководства КПЧ, возглавляемого А. Дубчеком, поддерживался большинством народа. Вследствие вмешательства извне эта попытка прорыва так и осталась неосуществленной, а последующие шаги по реформированию партии принципиальным образом не меняли сложившийся сталинско-брежневский тип партии.

Даже тогда, когда во второй половине 80-х годов в результате перестройки в СССР и изменения политической обстановки в соседних странах создались благоприятные условия для проведения коренных преобразований в Чехословакии, КПЧ оказалась неспособной начать действительные процессы обновления. Выявилась и неготовность правящей КПЧ к самореформированию, к насыщению своей деятельности новым содержанием, отражающим реальные процессы в стране и общественном сознании. Партийное руководство все больше лишалось поддержки не только трудящихся, но и основной массы коммунистов, отрывалось от их интересов, отдалялось от решения нарастающих проблем в обществе. Неспособность КПЧ к самореформированию и проведению реформы политической системы была обусловлена установившейся монополией партии на политическую власть, сращиванием партийного и государственного аппарата. Глубокая неудовлетворенность людей «административным социализмом», экономической стагнацией, монополией одной партии обострила противоречия, привела к общественному кризису. Движение за обновление общества стало формироваться вне партийных структур. Радикальное реформирование КПЧ произошло лишь после того, как она лишилась руководящего положения в обществе, потеряв доверие большинства народа и существенное влияние в обществе.

Ю. В. Тюрин. А в Болгарии, выходит, удалось партии реформироваться?

В. Ф. Яворский. Тоже с большим опозданием, когда уже чувствовалось приближение бури. Для партии болгарских коммунистов было важно, что партийные реформы возглавили люди, давно видевшие необходимость обновления БКП и в свое время отстраненные от руководства партией.

Начиная с ноября 1989 г., когда на Пленуме ЦК был освобожден от занимаемой должности Т. Живков, пришедшие к руководству новые люди проделали критический анализ допущенных ошибок, деформаций, имевших место преступлений, партия резко осудила их политически и морально, признала справедливость критики со стороны народных масс, сама выступила с инициативой отменить конституционные положения о руководящей роли партии в болгарском обществе. Но еще бо́льшее значение имело то, что БСП сумела начать и продолжает до сих пор перестройку в самой партии. По собственной инициативе, а не под натиском улицы партия начала процесс самореформирования, борьбу за возвращение доверия масс.

БСП отказалась от монополии на власть на своем внеочередном XIV съезде. Она приняла манифест о демократическом социализме в Болгарии, заявила о себе как о современной партии марксистского типа, выступила с инициативой проведения свободных и демократических выборов в Великое народное собрание, создания многопартийной системы, диалога с различными политическими силами, прежде всего с неформальными объединениями, с оппозицией. Без натяжки можно сказать, что по ее инициативе был создан политический институт национального «круглого стола», работа которого способствовала подписанию важных документов, направленных на исключение насильственных действий в политической борьбе и т. д. Словом, партия активно действовала, стремясь к созданию предпосылок для нормальной общественно-политической жизни, мирного перехода к демократии. Существенным моментом в перестройке БСП явилось принятие нового Устава, в котором она отказалась от принципа демократического централизма. Тем самым были созданы условия для свободного развития различных идейных течений, свободной дискуссии. Весьма демократичным путем было принято решение о переименовании БКП. Этому акту предшествовал общепартийный референдум, в котором приняло участие около 90% членов БКП. На основании волеизъявления коммунистов решением Высшего партийного совета от 3 апреля 1990 г. БКП переименована в БСП.

Не менее важным моментом своего реформирования БСП считает прекращение деятельности первичных партийных организаций на предприятиях, в армии, в системе Министерства внутренних дел, во всех государственных учреждениях и построение их по территориальному принципу.

Следует отметить, что на фоне прекращения существования компартий в Восточной Европе БСП не только сохранила свой численный состав, но и значительно его увеличила, достигнув в июне 1990 г. более 1 млн. человек.

Однако все это, по мнению ВПС БСП, еще не означало достижения цели, поставленной на ее XIV съезде,— преобразовать БСП в современную левую марксистскую партию нового типа. По мнению болгарских товарищей, для этого потребуется новая фаза внутрипартийных реформ. Определяющим в ней должно быть не обновление того или иного принципа, той или иной структуры, а преобразование, или, как говорят сами болгары,— «перерастание обновления в преобразование» БСП в новый тип левой марксистской партии, которая в полной мере могла бы отвечать новым реальностям и тенденциям как во внутренней, так и в международной жизни.

Ю. В. Тюрин. Какой негативный опыт бывших правящих партий следует нам учесть? Представляет ли для нас опасность повторение того, что произошло в Восточной Европе, когда коммунистические партии распались или оказались на обочине политической жизни?

В. А. Горлов. Любопытно, что в вопросе о политическом плюрализме в очередной раз и совершенно неожиданно подтвердилась сила ленинского дара предвидения и точности анализа. Неожиданно потому, что еще при В. И. Ленине — в силу различных и, как мы это теперь видим, не только объективных причин — в нашей стране сложилась однопартийная система; вместе с тем именно он в своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» убедительно показал, что любая монополия неминуемо ведет к загниванию. Политическая история СССР, стран Восточной и Центральной Европы показала, что методологическое значение этого ленинского вывода сохраняет свою силу не только при рассмотрении экономических вопросов и не только применительно к иной социально-экономической системе.

Антикоммунистическая кампания в ряде стран Центральной и Восточной Европы показывает, что длительное сохранение структур командно-административной системы, тормозивших экономическое и социальное развитие (а ведь в них в основном были представлены правящие партии!), формирует у среднего обывателя устойчивый образ коммуниста как внутреннего врага. Это позволило оппозиции в большинстве стран региона сплотить под своими знаменами большинство населения и выступить единым фронтом. Это убедительно подтвердили результаты выборов в ЧСФР, Польше, Венгрии, Восточной Германии, Словении и Хорватии; исключение составила Болгария, но и здесь после от-

ставки П. Младенова оппозиция перешла к непарламентским методам захвата власти.

Т. В. Порфирьева. Все правящие партии были очень громоздкими. При огромной их численности они имели довольно жесткую централизованную структуру, сковывавшую инициативу личности. В идейном отношении эти партии были скорее конгломератом различных взглядов, чем сообществом единомышленников. Все это размывало грани между партией и массами, партийными и беспартийными, что мешало партиям выполнять авангардную роль в обществе. Вместе с тем они не смогли в ходе реформ эволюционировать в организацию типа партия — движение, где различия между членами и нечленами не являются существенными.

Показательно, что, когда происходила самоликвидация ПОРП, ВСРП, на их базе возникло несколько партий — партии социал-демократической ориентации (в Польше их две) и партии коммунистической направленности. И все же большая часть бывших коммунистов осталась вне этих новых партий. Это глубокая личная драма многих тысяч людей.

В. В. Кириченко. Вопрос, на котором я хочу остановиться, тоже, вероятно, относится к урокам и связан с рассматриваемой нами проблемой. Многопартийность в ряде стран существовала десятилетия. В Польше, Болгарии, ГДР были, например, крестьянские партии. Но вот что характерно. Почти сразу, как только ПОРП потерпела поражение на выборах в Сейм, Крестьянская, да и Демократическая партии отвернулись от нее. И это объяснимо. Длительное время отношение к этим партиям было как к партиям другого сорта. Право на истину оставалось всегда за коммунистическими партиями. Партнерские отношения только провозглашались. Это была формальная многопартийность, ничем, по существу, не отличавшаяся от однопартийной системы. Может быть, на этом основании наши обществоведы делали вывод о том, что однопартийная и многопартийная системы — равноценные формы социалистического демократизма.

Ю. В. Тюрин. Если продолжить эту мысль, то многопартийная система реально и теоретически должна быть противопоставлена однопартийной системе?

В. В. Кириченко. Да, конечно. И об этом свидетельствует то, что бурный процесс становления новой многопартийности в восточноевропейских странах, да и у нас, обнаружившаяся тяга людей к политическому плюрализму направлены в своей основе против монополии одной партии на власть, истину, информацию и т. д. Но я согласна с высказанной в начале нашего обсуждения мыслью, что сегодняшняя многопартийность (десятки партий во всех странах) является ее низшей фазой развития, отражающей переход от авторитарного к либеральному сознанию, когда происходит критическое переосмысление прошлого, эскалация требований, одновременно она и недостаточно конструктивна.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Ю. В. Тюрин. Каковы перспективы многопартийности в странах Восточной Европы? Можно ли на основе сегодняшних реалий прогнозировать тенденции ее развития?

Т. В. Порфирьева. Многопартийность как закономерность демократического развития, естественно, стала обнаруживать себя по мере демократизации общества, и ее перспективы связаны с необратимостью перемен. Одной из главных тенденций дальнейшего развития политического плюрализма должно быть сокращение числа партий и их консолидация в качестве субъектов политической системы.

Мировоззренческий плюрализм ведет к возникновению даже в странах «победившего атеизма» клерикальных партий, которые неожиданно быстро стали формировать электорат.

Дальнейшее развитие по пути рыночной экономики и усиление социальных противоречий создали предпосылки для роста влияния левых социалистических партий. Еще недавно исчезнувшие ортодоксальные коммунистические партии, по-видимому, снова появятся на политической арене, как это уже случилось в Венгрии, Болгарии и Польше, хотя влияние их, вероятно, долго еще будет слабым.

В. А. Горлов. Что можно сказать о перспективах многопартийности в Югославии и в этой связи о перспективах СКЮ? Прежде всего следует сразу же отметить, что многопартийность стала уже реальным фактом: на сегодня в стране имеется свыше 60 различных партий, и, безусловно, немалое их число окажется не однодневками и включится в политическую жизнь; кроме того, после драматического ухода с XIV съезда СКЮ делегаций Союзов коммунистов Словении и Хорватии вряд ли сегодня, на мой взгляд, можно говорить о реальности сохранения в ближайшем будущем единства СКЮ и даже самого Союза коммунистов Югославии в его прежнем виде. Складыванию сегодняшней ситуации, очевидно, способствовали многие факторы, среди которых можно назвать по крайней мере следующие.

Во-первых, сохранение Союзом коммунистов, по существу, характера монопольно правящей партии (о чем мы уже говорили) при декларировании Э. Карделем, другими теоретиками превращения его в «партию неклассического типа». При этом СКЮ оказался неспособным овладеть экономической ситуацией (до последнего времени), разрешить многолетний межнациональный конфликт в Косове, стабилизировать жизненный

уровень населения, эффективно выполнять свои собственные многочисленные решения, а отдельные его члены, в том числе из числа руководящих кадров, далеко не всегда показывали пример социалистической морали.

Во-вторых, наличие различных интересов у республиканских союзов коммунистов, объективно вытекающих из неравномерного развития республик и краев и отсутствия подлинного общеюгославского рынка. Отсюда — явления так называемого республиканского этатизма, автаркии, различия во взглядах на формы, направления, приоритеты, темпы и т. д. насущных перемен (или даже стремление сохранить выгодное для данной республики status quo). Кроме того, все это усугубляется этническими, религиозными различиями, особенностями исторического развития даже соседних частей страны.

В-третьих, образование различных групп населения со своими, порой несовпадающими или даже противоположными интересами, чему способствовали широкая хозяйственная самостоятельность, развившаяся на основе самоуправления, многоукладность экономики, а также достаточно резкая имущественная дифференциация. Показательна, например, проходившая несколько лет назад на страницах партийной печати дискуссия на тему: «Может ли член СКЮ быть миллионером?» (реальным, а не за счет стремительно удешевлявшегося динара).

Таким образом, мы видим, что кризис СКЮ и образование многопартийной системы были объективно обусловлены и, более того, предопределены. Частичная консолидация Союза коммунистов может быть реальной, на мой взгляд, лишь на путях окончательного закрепления в его Уставе федералистских начал, возможно, с элементами конфедерации. Что касается сохранения им лидирующего положения в обществе, то следует сказать, что на сегодня оппозиционные силы оттеснили коммунистов от власти в самых экономически развитых республиках — Словении и Хорватии. Предстоит нелегкая борьба за единство страны, сохранение (если это еще возможно) СКЮ в качестве общеюгославской политической силы, борьба за избирателей, восстановление морального и политического авторитета. Она не безнадежна, поскольку левые традиции сильны в Югославии, а значительная, если не бо́льшая, часть населения (несмотря на неизбежное в настоящее время движение маятника вправо) сориентирована не на изменение социального строя, а на укрепление и подлинное развитие самоуправленческого социализма.

А. И. Горшков. В процессе перехода от монопартийности к политическому плюрализму в ряде стран политическое развитие возглавили общественные движения: «Демократический форум» в Венгрии, «Солидарность» в Польше, Фронт национального спасения в Румынии, «Гражданский форум» и «Общественность против насилия» в Чехо-Словакии. Они смогли объединить самые различные антитоталитарные силы, выдвинуть общенациональные лозунги и программы, достаточно привлекательные и соответствующие новым ожиданиям большинства народа, и тем самым способствовали политическому пробуждению масс. Насколько прочны эти движения и определяется ли их роль только переходным периодом в этих странах от монопартийности к плюрализму? Ведь эти движения очень разнородны. Выражая мнение большинства людей, они занимают, как правило, умеренно-центристскую позицию. Вероятно, эти движения превратятся в политические партии или разделятся на несколько партий. Сейчас в некоторых из них наметился раскол. Так, определенные трудности вскоре после парламентских выборов в ЧСФР выявились в «Гражданском форуме», который вместе со своим словацким партнером «Общественность против насилия» одержал убедительную победу на выборах. Как известно, это движение объединяет и правых, и левых католиков, и троцкистов, и бывших коммунистов-реформаторов. Вскоре после выборов «Чехословацкая демократическая инициатива», входившая в это движение, вышла из него и провозгласила себя Либерально-демократической партией. Либералы заявили, что лишь самостоятельно они смогут активно участвовать в создании плюралистической политической системы в ЧСФР. Очевидно, что и другие группы «Гражданского форума» в дальнейшем будут стремиться к самостоятельности как политические партии.

Ю. В. Тюрин. Почти во всех странах Восточной Европы недавно прошли выборы, которые показали рейтинг имеющихся партий и движений. Некоторые политические партии не получили достаточной поддержки избирателей и не вошли в представительные органы. В связи с этим что можно сказать о будущем политического плюрализма в этих странах?

Р. С. Шароватова. После принятия Советом ФНС декрета-закона о регистрации и деятельности политических партий и общественных организаций в стране к настоящему моменту зарегистрировано свыше 90 партий. В основном это мелкие партии. Характерной чертой является стремление практически всех политических организаций к демократии, плюрализму, многоукладной экономике при поощрении инициативы и предприимчивости.

ФНС, созданный в ходе революции как организация консолидации, национального спасения, как переходный орган для осуществления руководства страной в трудное время после социального взрыва, с начала февраля, заявив о намерении участвовать в парламентских выборах, стал партией со своим Уставом и Платформой-программой. Вместе с тем

Фронт — это не просто партия, а широкое движение — партия, блок, коалиция нескольких партий. Членами ФНС могут быть не только отдельные лица, но и коллективы. Он не имеет четкой вертикальной организационной структуры: его члены, организации на местах самостоятельны.

Целью ФНС является, как записано в Уставе, преобразование румынского общества на основе ценностей демократии, свободы и достоинства. Прошедшие 20 мая парламентские выборы в Румынии продемонстрировали убедительную победу И. Илиеску и представителей ФНС. И. Илиеску получил более 12 млн. голосов, то есть 85,07%. Места в парламенте распределились следующим образом: Фронт национального спасения — 325 мест; Демократический союз венгров в Румынии — 41 место; Национал-либеральная партия (НЛП) — 38; Экологическое движение Румынии — 13; Национал-цэрэнистская партия (НЦП) — 13; Партия национального единства Румынии — 11; Демократическая аграрная партия Румынии — 9; Экологическая партия Румынии — 9; Социалистическая демократическая партия Румынии — 5; Социал-демократическая партия Румынии — 2; оставшиеся 28 мест разделили между собой союзы, представляющие национальные меньшинства страны, и независимые кандидаты.

А. И. Горшков. Рейтинг политических партий в ходе выборной кампании в восточноевропейских странах определялся прежде всего тем, насколько популярны были лидеры этих партий, а что касается «исторических» партий, он зависел от того, насколько серьезны были их ошибки в прошлом. Это объяснялось тем, что партии, участвовавшие в выборах, имели во многом схожие программы. Они выступали с осуждением имевшегося ранее тоталитаризма, за создание демократической системы с развитой рыночной экономикой и эффективным социальным законодательством. Различия проявлялись лишь в путях достижения этих целей.

В. А. Горлов. Хотел бы добавить, что известную роль играет определенная психологическая усталость от многолетнего проживания в условиях до крайности идеологизированных режимов. Люди устали от идеологии и во многих случаях выбирают не политическую линию, а конкретных лидеров. Так сказать, своеобразное проявление «человеческого фактора».

Ю. В. Тюрин. Не видите ли вы опасность нового тоталитаризма либо под прикрытием формальной многопартийности, как это имело уже место в некоторых странах, либо путем открытого устранения оппозиционных партий? Являются ли каким-либо гарантом в этом отношении законы о партиях, принятые в последнее время в восточноевропейских странах?

А. И. Горшков. Да, для такого утверждения есть определенное основание, например, в Чехо-Словакии. В настоящее время господствующее положение, по существу, на всех уровнях общественно-государственных структур, в том числе и в средствах массовой информации, занимают «Гражданский форум» и словацкая организация «Общественность против насилия». Если смотреть только официальные документы, программные заявления, выступления лидеров этих организаций, то нельзя согласиться с таким утверждением. Выдвигаются лозунги демократии, плюрализма, свободы, прав меньшинств. Однако если говорить о том, как ведут себя эти силы по отношению к другим движениям и партиям, и прежде всего связанным с социалистической ориентацией, то, конечно, нужно отметить их явную нетерпимость. Это подтверждают и прошедшие в стране антикоммунистические и антисоветские кампании, сопровождавшиеся поисками как «внешнего», так и «внутреннего» врага. Например, такие акции, как кампания, направленная на изъятие у КПЧ всего принадлежавшего ей имущества, требование прокурора г. Праги, поддержанное некоторыми политическими партиями, о запрещении деятельности КПЧ, лишение работы людей за принадлежность к компартии. Просматриваются целенаправленные действия на ликвидацию КПЧ, стремление определенных сил взять социальный реванш за прошлое. Не исключено, что может повториться ситуация конца 40-х годов, когда с политической арены страны были устранены, по существу, все оппозиционные политические партии. Теперь тенденция к утверждению новой политической монополии просматривается в деятельности некоторых организаций «Гражданского форума». Принятый закон о партиях носит регистрационный характер и гарантом против монополии любой партии быть не может.

Т. В. Порфирьева. Кстати, даже Лех Валенса, многолетний борец против номенклатурных кадров ПОРП, не раз заявлял уже после прихода к власти «Солидарности», что одна номенклатура заменила собой другую.

Ю. В. Тюрин. Предметом особого интереса для нас не могут не быть левые социалистические партии, возникшие на базе компартий. Сумеют ли они вписаться в формирующуюся новую систему?

Р. С. Шароватова. Думается, что у современных, недавно созданных левых партий есть и перспектива, и «свое» поле деятельности. Курс на создание рыночной экономики, принятие непопулярных мер, сопряженное с безработицей, снижением жизненного уровня населения, дифференциация общества, появление менее обеспеченных слоев населения — эти и другие социально-экономические тенденции обусловливают потребность в партиях, наиболее последовательно защищающих идеи социальной справедливости. Хотя есть опасность для этих

партий превратиться в выразителя интересов только социально слабых, ущемленных слоев.

Анализ программных документов этих партий показывает, что они не ограничивают своей деятельности задачами популистского направления. В политической сфере прослеживается ориентация на создание политических институтов демократического социализма. Это правовое государство на основе широкого национального согласия; введение народных референдумов и других форм непосредственной демократии; свободно избранный парламент; разделение законодательной, исполнительной и судебной власти; политический плюрализм, свободная состязательность различных политических организаций и течений; конституционные гарантии защиты существующих национальных, религиозных и прочих меньшинств; самостоятельность местного и регионального самоуправления.

В экономической сфере это структурная перестройка на основе рыночных механизмов, реформы собственности и подключение к современным процессам научно-технической революции и открытость внешнему миру.

Большое значение в программных документах придается вопросам развития культуры, науки, обновления моральных ценностей.

Партии поддерживают идею создания общеевропейского дома, высказываются за сотрудничество с коммунистическими партиями, с партиями Социалистического Интернационала.

А. И. Горшков. Знакомство с уставами ряда левых политических партий восточноевропейских стран дает определенное представление о типе современной партии социалистической ориентации. Это прежде всего достаточно толерантная, открытая партия для левых сил — организация свободомыслящих людей. Не монолит, а свободное объединение на основе плюрализма взглядов, течений и платформ, не выходящих за рамки Устава и Программы, имеющих общую цель — демократический социализм. Организация без жесткого централизма, на принципах широкой демократии или демократического единства. В этих уставах нет положения о свободе фракций в партии. Решения в ней принимаются на основе мнения большинства, однако даются широкие гарантии и права, уважающие мнение меньшинства. Организационные принципы должны обеспечить ее жизнеспособность именно как партии парламентского типа, она должна иметь гибкую организационную структуру, развитую по горизонтали (организации, клубы по месту жительства, по интересам, по профессиям и т. д.), что дает возможность оперативно реагировать на изменения внешних факторов. Партия имеет сравнительно небольшой аппарат из профессионалов, но принятие основных решений принадлежит партийным массам, и прежде всего первичным партийным организациям. Левая политическая партия ориентируется на людей труда, средние слои, молодежь, научно-техническую и творческую интеллигенцию.

Ю. В. Тюрин. И последний вопрос — об оппозиции. Опыт парламентской демократии в европейских странах свидетельствует о том, что оппозиция — составная часть механизма многопартийной политической системы. Придает ли оппозиция устойчивость системе или она деструктивна?

В. Ф. Яворский. Оппозиция может быть и деструктивной, и конструктивной. Зависит это от того, совпадают ли главные стратегические цели правящей партии и ее оппозиции. Если совпадают, то между ними идет борьба из-за форм, методов, путей развития к общей цели, и тогда оппозиция конструктивна. Если же нет, тогда речь идет о смене курса, завоевании власти, приходе новых сил.

А. И. Горшков. Среди оппозиционных партий в ряде восточноевропейских стран оказались и бывшие правящие коммунистические и рабочие партии. Так, в ЧСФР КПЧ хотя и добилась определенного успеха на парламентских выборах (получила около 14% голосов) и представлена в парламенте страны, однако не вошла в состав правительства и оказалась фактически в оппозиции. Некоторые руководители правящей коалиции подчеркивают, что в демократической стране должна быть оппозиция. Как заявляют руководители компартии, ее роль будет конструктивной, направлена на улучшение качества принимаемых законов и решений, она не будет тормозить темпы прогрессивных преобразований в стране.

Материал «круглого стола» подготовил к печати Ю. В. ТЮРИН.

ПИСЬМА Н. И. ПОДВОЙСКОГО И. В. СТАЛИНУ И Л. Д. ТРОЦКОМУ О ВСЕВОБУЧЕ И ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РЕСПУБЛИКИ (1922 г.)

Предлагаемые вниманию читателя два письма Н. И. Подвойского долгие десятилетия пролежали на архивной полке. На документах нет никаких виз или резолюций адресатов. Тот факт, что оригиналы не публиковались, отнюдь не свидетельствует о том, что они не представляют исторической ценности как источники. Напротив, письма поднимают важные, актуальные для своего времени вопросы военной и политической подготовки молодежи до прохождения службы в рядах Красной Армии, другие практические шаги по организации допризывного обучения, системы Всевобуча в целом.

Первое письмо, написанное И. В. Сталину 30 января 1922 г., в котором звучит просьба о предоставлении работы в военном ведомстве, осталось без ответа, что в то время само по себе означало отрицательное отношение к заявлению. Второе, посланное Л. Д. Троцкому (от 13 декабря 1922 г.), содержит подробный план организации военного воспитания молодежи. Однако введение с середины 20-х годов понятие «троцкизм» обрекло и это письмо на длительное «молчание».

Оба документа вобрали в себя накопленный за четыре года деятельности Красной Армии итог наблюдений и опыта Подвойского в области военного строительства при использовании системы Всевобуча. Компетенция Подвойского позволила ему коротко, в сжатой форме изложить свой взгляд (далеко не бесспорный) на проблему. Ведь вся сознательная жизнь Подвойского в советское время была связана со строительством и руководством вооруженными силами Республики. Сразу после победы Великой Октябрьской социалистической революции, 9 (22) ноября 1917 г., постановлением СНК он назначается заместителем наркома по военным делам, а в декабре 1917 г. — наркомом (по должности — председателем Особого совещания) [1].

Много сил отдал Н. И. Подвойский организации боевых соединений Красной Армии, оснащению ее военной техникой. Его подпись как народного комиссара по военным делам стоит под Декретом об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) от 15 января 1918 г. При этом особое внимание Николай Ильич обращал на профессиональную выучку бойцов и командиров, их дисциплинированность.

В течение 1918—1920 гг. Ленин неоднократно беседовал с Подвойским по вопросам создания красной конницы милиционно-территориальных войск, культурно-просветительной работы в воинских частях; заслушивал его доклады о состоянии вооруженных сил Республики, задачах строительства Красной Армии, об организации глубокой разведки [2].

Заслуги Подвойского в организации и создании Красной Армии, в руководстве ее отдельными армиями на ряде фронтов гражданской войны, его личная храбрость и мужество были высоко оценены Коммунистической партией и Советским правительством. Весной 1923 г. ВЦИК наградил его орденом Красного Знамени.

В конце 1919 г. Н. И. Подвойский был назначен начальником Главного управления всеобщего военного обучения территориальных войск (Всевобуча). Публикуемые документы освещают драматический эпизод, связанный с освобождением его от должности. Служебная записка, адресованная Троцкому, написанная в эмоциональной, полной горечи форме, вместе с тем характеризует Подвойского как крупного для своего времени знатока военного дела.

При образовании Высшего военного совета (ВВС) Республики, сосредоточившего в своих руках функции верховного командования вооруженными силами (март 1918 г.), Н. И. Подвойский был назначен членом этого Совета. С перехо-

[1] См. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. М., 1974, с. 50, 81, 107, 110.

[2] См. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 6. М., 1975, с. 155, 161—162, 178; т. 9. Июнь 1920 — январь 1921. М., 1978, с. 338.

дом к комплектованию Красной Армии на основе воинской повинности для контроля за созданием военных комиссариатов, формированием и обучением войсковых частей 24 апреля 1918 г. была образована Высшая военная инспекция (ВВИ), председателем которой назначен Подвойский. Наделенная чрезвычайными полномочиями, она сыграла значительную роль в создании Красной Армии.

Работа инспекции на местах давала Подвойскому обширный материал, анализируя который он внес немало предложений в ЦК РКП(б), ВЦИК, СНК по совершенствованию военной организации Советского государства. Подвойский явился одним из инициаторов создания единого органа руководства оперативной деятельностью войск. Это предложение было поддержано многими военными работниками. Таким органом стал Революционный военный совет Республики, в состав которого вошел и Подвойский (сентябрь 1918 г.— июль 1919 г.). В октябре 1918 г. Высшая военная инспекция разработала предложения, на основе которых в декабре 1918 г.— апреле 1919 г. была осуществлена реформа военкоматов[3]. Подвойский вносил и другие предложения. Часть из них была принята, часть оказалась несвоевременной. В частности, на X съезде РКП(б) по вопросу о реорганизации вооруженных сил Республики Подвойский выступил за немедленный переход к милиционной системе. Проект был отвергнут. X съезд РКП(б) решил, не отказываясь в принципе от милиционной системы, сохранить кадровую Красную Армию.

Опыт организации военного воспитания и образования молодежи до вступления ее в ряды Красной Армии Подвойский связывал с тем, что эта программа положительно влияет как на организацию военной подготовки молодежи, так и на политико-воспитательную работу, деятельность РКСМ и профсоюзов в культурно-просветительной области, а также способствует образовательной и просветительной работе органов Наркомпроса и Наркомздрава. Причем эта подготовка осуществлялась без отрыва молодежи от учебы и работы и проходила по месту жительства, что избавляло государство от дополнительных расходов на содержание казарм и материальное обеспечение обучаемых. Перевод Всевобуча в подчинение аппарата штаба РККА Подвойский считал ошибочным; свое мнение он сообщил Троцкому.

Подробно представлена в письме проблема Всевобуча, разработанная Подвойским еще в 1920 г. в ряде трудов («О милиционной организации Вооруженных Сил Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». М., 1920; «Доклад Народного комиссара по военным делам тов. Н. И. Подвойского Временному Украинскому рабоче-крестьянскому правительству и III Всеукраинскому съезду Советов». Харьков, 1919, и др.). Суммировав самое ценное, обобщив программные положения Всевобуча, автор рассказал о его целях и задачах, организационных формах, плане выполнения, перспективах. Он подробно остановился на таких ключевых аспектах работы, как военная подготовка, физическое воспитание, политическая грамотность обучающихся в системе Всевобуча. Это был конкретный документ, предлагавший конструктивный план, который включал в себя как территориально-милиционные органы Всевобуча, так и регулярные воинские части. В целом в публикуемых документах рассматривается возложенная на Всевобуч задача в области нового военного строительства. Она соединяет этот вопрос с хозяйственным и культурным устройством РСФСР.

Характерно, что в письмах не анализируются позиции противников милиционной системы. В основном это были военные профессионалы. Последние, доказывая низкую боеготовность милиционной армии, выдвигали соображения о невозможности дать достаточную военную подготовку при милиционной системе, отмечали трудности и медленность мобилизации, обнаженность границ, приводили некоторые хозяйственные причины, которые Подвойский, однако, относил в других своих работах к второстепенным. Его позиция однозначна: преимущество милиционной системы состоит в том, что в мирное время рабочие, находясь в милиционных частях, не порывают связи с фабрикой и производительным трудом. В постоянной же армии находящиеся в ней рабочие совершенно от фабрики отрываются. Милиционная система достигает слияния военного дела с трудом[4].

И потому с такой горечью Подвойский в своем обращении к Сталину ставит вопрос, целесообразно ли ему уходить из военного дела, которому отдал годы и все свои силы. Впрочем, в семейном архиве Подвойских сохранились копии десятков писем, направленных Николаем Ильичом в 1923, 1928, 1930 гг. и неоднократно в 1937—1939 гг. И. В. Сталину, В. М. Молотову, А. А. Жданову, Л. М. Кагановичу, А. А. Андрееву. Во всех них звучала просьба предоставить работу по специальности. В 1939 г. в одном из писем Сталину он писал: «Вследствие серьезной болезни (грудная жаба) значительное время я был оторван от государственной работы. Сейчас я в силах выполнять любые задачи, которые ЦК возложит на меня. Конечно, больше всего тянет меня к делу укрепления оборо-

[3] См. Степанов Н. Военно-организаторская деятельность Н. И. Подвойского.— Военно-исторический журнал, 1980, № 2, с. 67—68.
[4] См. ЦГАСА, ф. 65, оп. 13, д. 12, л. 5—8.

ны, делу коммунистического воспитания кадров Красной Армии. В этом именно плане я работал во время болезни, начав разработку вопросов начального периода строительства Красной Армии». Ответа на это письмо, как, впрочем, и на предыдущие, не последовало.

В конце 1934 г. тяжелая болезнь (сказывались годы тюрем, ранения, полученные им в Ярославле еще в дни первой российской революции, контузия в годы гражданской войны, чрезмерная перегрузка работой) — несколько повторных микроинфарктов — вывела Н. И. Подвойского из строя. Врачи запретили ему работать. Поэтому решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР ему был предоставлен вначале полуторагодичный отпуск, а затем назначена персональная пенсия союзного значения.

А. С. СМОЛЬНИКОВ,
кандидат исторических наук

Ниже впервые публикуются два письма Н. И. Подвойского. Подготовил документы к печати ст. науч. сотр. Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, канд. историч. наук **А. С. Смольников.** Примечания к тексту писем даны в конце публикации.

Редакция журнала «Вопросы истории КПСС»

ВОПРОС, ПРЕДЛОЖЕННЫЙ СЕКРЕТАРЮ ЦК РКП(б) И. В. СТАЛИНУ

30 января 1922 г.

Целесообразно ли и в интересах ли партии и военного строительства, чтобы я ушел из военного дела, не участвовал в нашем военном деле [1], основы которого заложил и в котором специализировался на учебной работе, и притом в период, когда система Всевобуча [2] и милиционной организации [3] Вооруженных Сил становится в основу нашего военного дела, становится краеугольным камнем организации Вооруженных Сил РСФСР, и когда дело физической культуры (связанный с нею Спортинтерн) [4], заложенное Всевобучем и руководимое мною с его Высшим и местными Советами физической культуры, пока более всего связано с военным строительством?

Я не могу дать партии больше, чем могу, но я не хочу давать ей меньше, чем могу. Поэтому необходимо устранить все, что мешает мне дать партии столько, сколько я могу, и так, как я могу.

ЦГАСА, ф. 65, оп. 13, д. 115, л. 76—76 об.
Рукопись публикуется впервые

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ РЕВВОЕНСОВЕТА РЕСПУБЛИКИ Л. Д. ТРОЦКОМУ

13 декабря 1922 г.

Трехлетний опыт организации и проведения военного воспитания и образования молодежи до вступления ее в ряды Красной Армии говорит за то, основывает это воспитание и образование на физической культуре, неразрывно связывает его с политическим воспитанием и хозяйственной деятельностью молодежи. Эта программа теснейшим образом связывает организацию военной подготовки молодежи с политико-воспитательной работой и организацией РКСМ, с культурно-просветительной работой профсоюзов, а также с образовательной и просветительной работой органов Наркомпроса и Наркомздрава. Работа этих организаций и госорганов по воспитанию и образованию молодежи распределена между общественными организациями и органами тех ведомств, которые [имеют] функции подготовки молодежи для обороны Республики. На основании всего этого построена система допризывной подготовки, в которой организации не государственного порядка играют громадную и незаменимую роль.

Проведение же допризывной подготовки [5] без отрыва молодежи от обычных ее занятий, ведение занятий по физической культуре и военных

в местах жительства людей избавляет государство от расходов по содержанию казарм, содержанию обучаемых, содержанию административно-хозяйственных аппаратов управления и заведывания всем этим.

По возвращении своем из-за границы, после лечения[6], я узнал о решении Реввоенсовета[7] установить единую систему и организацию в воинском воспитании и обучении и для этого ввести Всевобуч в рабочий аппарат штаба РККА. Это решение Реввоенсовета предуказывало перестройку существующей системы допризывной подготовки на чуждых этой системе началах. Если бы это случилось, мы могли бы иметь единую надуманную систему подготовки, целого разрушения продиктованной жизненными возможностями действующей системы допризывной подготовки молодежи, проверенной тремя Всероссийскими годичными отчетными совещаниями идейных ответственных местных руководителей допризывной подготовки и на практике уже давшей большие результаты, засвидетельствованные командующими войсками, отзывами Главкома[8], его инспекционных комиссий[9], а также авторитетными местными комиссиями, проверяющими подготовку допризывников.

В настоящее время мы имеем две системы и организации военного воспитания молодежи: 1) систему допризывной подготовки, проводимой территориально, внеказарменно, не отрывая молодежь от обычных ее занятий, чем и определяется система этой подготовки, и 2) систему подготовки молодежи в воинских частях, построенных на прямо противоположных основах. Наличие этих двух систем показывает: 1) что без коренного пересмотра основ нашего военного строительства нельзя осуществить единство системы и организации воинского воспитания и обучения; 2) что действующая наша военная система позволяет установить только программное единство такого воспитания и обучения, но не единство систем и тем самым не единство органов.

Чтобы устранить ошибку в решении вопроса о Всевобуче, я на второй день по возвращении из-за границы послал вам телефонограмму о необходимости экстренного моего свидания с вами. Встречи с вами я не добился за вашей занятостью на конгрессе Коминтерна. Пришлось обратиться к Главкому, Начштабу РККА[10] и вашему заместителю[11]. С Главкомом и Начштабом после надлежащего их ознакомления с работой Всевобуча мы сошлись, а на содержании работы Всевобуча в настоящее время, как и в отношении конструкции аппарата Всевобуча, методов его работы вашего заместителя мне не удалось убедить.

После этого я снова начал звонками по телефону добиваться свидания с вами. Мне этого до сего дня не удалось добиться. Но взамен разговора со мной вы провели в Политбюро ЦК, без предупреждения меня, постановление[12], которое нельзя не рассматривать как игнорирование всего трехлетнего опыта Всевобуча и тем самым игнорирование меня, руководившего этой работой.

Я не знаю, как и почему случилось так, что я, который создал оправдавшую себя систему допризывной подготовки, был лишен права защищать ее в интересах того советского военного строительства, которое,— я вынужден здесь об этом напомнить,— мною было заложено и в котором я со дня его закладки принимаю активнейшее и творческое участие, что, по моему разумению, наложило на меня за него весьма большую ответственность, которая никем и ничем не может быть с меня снята. Но я думаю, что в интересах военного строительства в целом, основные вопросы допризывной подготовки не могли и не должны были разрешаться без того, кто три года в этой области руководил созидательной работой.

Разве кем-либо может оспариваться моя компетенция в решении вопросов Всевобуча после совершенной Всевобучем работы, после того, как Всевобучу за три последние года своей работы удалось:

1) сделать допризывную подготовку одним из крупнейших и прочнейших устоев обороны Республики;

2) превратить допризывную подготовку в надежнейший фундамент Красной Армии в военном, культурном и политическом отношении;

3) создать сеть школ по подготовке организаторов инструкторов допризывной подготовки и физической культуры;

4) организовать и провести подготовку молодых контингентов 1901 и 1902 гг. на указанных в начале письма основах, причем подготовку 1902 г. повести не только по общей программе для службы молодежи в пехоте, но и по специальной программе для службы ее в специальных войсках;

5) ввести еще большую систематичность и программность, обещающие дальнейшую успешность, в проводимую подготовку следующего возрастного контингента молодежи 1903 г.;

6) организовать обработку в физическом отношении как названных контингентов, так и младших возрастов;

7) организовать физическое воспитание и образование контингентов, находящихся в рядах Красной Армии.

Я остановился на всем этом не только потому, чтобы подтвердить свое право на решение всех основных вопросов Всевобуча, но и для того, чтобы еще нагляднее подчеркнуть, что если Всевобуч сделал больше, чем от него требовалось и можно было ожидать при скудости предоставляемых ему до сих пор сил и средств, совершая свою работу при самой неблагоприятной обстановке, то этими своими успехами Всевобуч обязан — я это сугубо подчеркиваю — своей системе, своей организации и методу работы, которые дали ему возможность органически связывать с его программной и организационной работой наши местные партийные, комсомольские, профессиональные организации и соответственные гос[ударственные] органы.

Только работа по системе Всевобуча могла создать отмеченное уже на местах глубокое, здоровое, революционизирующее движение в гуще пролетариата и крестьянства: 1) в пользу советского военного строительства; 2) в пользу физической культуры трудящихся; 3) общей культуры и образования; 4) в пользу массового элементарного политического воспитания молодежи.

Все это говорит за то, что было бы большой ошибкой рассматривать значение, систему и работу Всевобуча.

После сказанного вы, конечно, понимаете, что я добивался свидания с вами и пишу вам это письмо не с тем, чтобы разрешать персональные вопросы. Я хочу добиться только одного: такого разрешения вопроса о Всевобуче, которое бы обеспечило системе Всевобуча заслуженное ею место в нашем военном строительстве, для того, чтобы тем была дана Всевобучу возможность сыграть заслуженную им роль в нашем военном деле.

Я надеюсь, что это мое письмо устранит все случайно впутавшееся в решение вопроса о Всевобуче и откроет возможность решить его на основании богатейшего и жизненного опыта Всевобуча и соображений, вытекающих из стоящих ныне очередных задач военного строительства.

Как создатель оправдавшей себя системы Всевобуча и как ответственный участник военного строительства еще раз заявляю о своей исключительной заинтересованности в судьбе Всевобуча.

Экстренное свидание необходимо не для меня, а для дела.

ЦГАСА, ф. 65, оп. 13, д. 115, л. 1—2 об.
Публикуется впервые

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Письмо было адресовано И. В. Сталину в тот период, когда встал вопрос об отстранении от руководства военным строительством Н. И. Подвойского.

[2] Всевобуч (всеобщее военное обучение) — военная подготовка трудящихся Советской Республики, а также система ведавших ею учреждений в 1918—1923 гг. Введен согласно декрету ВЦИК 22 апреля 1918 г. «Об обязательном обучении военному искусству» для подготовки боевых резервов и пополнения Красной Армии. Проведение Всевобуча возлагалось на Наркомат по военным делам, в школах — на органы Наркомата просвещения.

[3] Имеется в виду территориально-милиционная система устройства вооруженных сил, основанная на содержании воинских соединений и частей в мирное время с минимальным количеством кадровых военнослужащих (главным образом командного состава) и обучении в этих соединениях и частях приписанного к ним временного состава. При такой системе военнообязанные (резервисты) рядового и младшего начальствующего состава состоят на учете и обучаются методом вневойсковой подготовки и краткосрочных учебных сборов в территориально-милиционных формированиях, расположенных вблизи мест их проживания. В СССР применялась в сочетании с кадровой системой в 20—30-е годы.

[4] Спортинтерн — Красный спортивный интернационал (КСИ) — международное объединение рабоче-крестьянских организаций физического воспитания, основан под эгидой Коминтерна 22 июня 1921 г. в Москве. Н. И. Подвойский был председателем Спортинтерна в 1921—1923, 1924—1927 гг. Организация объединяла спортсменов СССР, а также рабочие спортивные общества Австрии, Венгрии, Великобритании, Германии, Голландии, Греции, Италии, Норвегии, Польши, США, Франции, Финляндии, Чехословакии, Швейцарии, Швеции и др.

Спортинтерн внес определенный вклад в укрепление интернациональных связей пролетариата, в усиление борьбы с фашистской опасностью, создание революционных спортивных организаций пролетариата.

[5] Допризывная подготовка — военное обучение молодежи допризывного возраста (15—17 лет) с целью подготовки к службе в Вооруженных Силах. В СССР допризывная подготовка существовала во время гражданской войны с апреля 1918 г., а также в 1923—1962 гг.

[6] Решением Оргбюро ЦК РКП(б) от 16 июня 1922 г. Н. И. Подвойскому предоставлялся полуторамесячный отпуск для лечения за границей. С 20 июля по 28 октября он проходил санаторный курс лечения в Германии.

[7] Революционный военный совет СССР (РВС СССР) — коллегиальный орган высшей военной власти, созданный 28 августа 1923 г. вместо Революционного военного совета Республики. РВС СССР разрабатывал и через систему центральных военных органов осуществлял мероприятия по обороне страны, строительству вооруженных сил, поддержанию их в боевой готовности. Упразднен постановлением ЦИК СССР от 20 июня 1936 г.

[8] Главком (главнокомандующий) — речь идет о Главнокомандующем вооруженными силами Республики в 1919—1924 гг. С. С. Каменеве (1881—1936).

[9] С января 1922 по апрель 1924 г. Инспекция Красной Армии и Красного Флота способствовала ускорению организации Красной Армии, созданию на местах органов военного управления и контроля за формированием и обучением воинских частей и соединений.

[10] Штаб РККА возглавлял в 1919—1924 гг. П. П. Лебедев (1872—1933), одновременно (с марта 1923 г. по февраль 1924 г.) член РВС Республики.

[11] Речь идет о Э. М. Склянском (1892—1925) — члене КПСС с 1913 г., в октябре 1918 — марте 1924 г. заместителе председателя РВС Республики, члене Совета Обороны.

[12] Имеется в виду заседание Политбюро ЦК РКП(б) 23 ноября 1922 г. с участием В. И. Ленина, на котором среди других обсуждался вопрос о начальнике Всевобуча и частей особого назначения (ЧОН) Н. И. Подвойском.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РАЗВИЛКА ВЕСНЫ 1918 г.

Г. А. БОРДЮГОВ, В. А. КОЗЛОВ,
кандидаты исторических наук

ОТ РЕДАКЦИИ

В Политическом отчете Центрального Комитета КПСС XXVIII съезду партии отмечалось, что в соответствии с решением ЦК сейчас работает авторский коллектив по созданию «Очерков истории КПСС», и выражена надежда, что в них с научной честностью и объективностью, на строго документальной основе будет воссоздана правдивая картина жизни и борьбы партии (см. Правда, 3 июля 1990 г., с. 3). Внимание высшего партийного форума к проблемам истории КПСС, отразившееся также в ряде других материалов съезда, явилось новым стимулом к тому, чтобы продолжить начатую в № 6 и 7 нашего журнала за этот год публикацию материалов из «Очерков истории КПСС». Тексты эти носят предварительный характер, и каждый читатель вправе высказать свои замечания и пожелания как по их содержанию, так и по стилю изложения.

ПРОСТРАНСТВО ВЫБОРА

В один из весенних дней 1918 г. Ленин долго не мог найти рабочий клуб в Бауманском районе Москвы. Все улицы были переименованы. Даже местные жители путались в старых и новых названиях. А хозяева хвастались: «Это что... посмотрите, как все дворы, все сады и скверы разгорожены, как они обобществлены». Ленин расхохотался: «Рано, товарищи, рано! Придется вам опять все заборы на место поставить» [1].

Образ поставленных на место заборов, своего рода символ теоретических и практических поисков большевиков весной 1918 г., довольно трудно соотнести с концепциями изначальной заданности, «доктринальной предопределенности» политики «военного коммунизма», корни которой ищут в марксистском утопизме руководителей Октябрьского переворота. Неужели вся послеоктябрьская деятельность большевиков и в самом деле может быть выражена лаконичным определением «утопия у власти»?

Думаем, что Ленин и его единомышленники вряд ли ограничились бы простыми сомнениями в исторической справедливости подобных оценок. Наверное, они предельно заострили бы, если угодно, даже гиперболизировали свое понимание ситуации: весной 1918 г. (вплоть до начала чехословацкого мятежа и создания комбедов) большевики стояли накануне нэпа, а вовсе не «военного коммунизма». Их неоднократные ссылки на апрель 1918 г. как на историческую предтечу новой экономической политики многие сегодня предпочитают не вспоминать или же не принимать всерьез. Наверное, потому, что уверенность в сокрушительной силе доктрины явно невосприимчива к действительной сложности и неоднозначности действий правящей партии, постоянной борьбе двух тенденций в ее политике и практике, к колебаниям политических весов между ориентацией на «штурмовой», непосредственный переход к новому строю и став-

[1] От Февраля к Октябрю. (Из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1957, с. 366.

кой на опосредующие пути, «переходные мостки» к социализму в отсталой мелкокрестьянской стране.

В первые месяцы Советской власти явно доминировала идея «непосредственного перехода к социализму без предварительного периода, приспособляющего старую экономику к экономике социалистической» [2]. Эта идея, безусловно, повлияла на целый ряд практических, а на самом деле лишь «декретных», декларативных действий большевиков. «Если вы припомните,— говорил впоследствии Ленин,— те заявления, официальные и неофициальные, которые делала наша партия с конца 1917 г. и до начала 1918 г., то увидите, что у нас было и тогда представление о том, что развитие революции, развитие борьбы может пойти как путем сравнительно кратким, так и очень долгим и тяжелым. Но при оценке возможного развития мы исходили большей частью, я даже не припомню исключений, из предположений, не всегда, может быть, открыто выраженных, но всегда молчаливо подразумеваемых,— из предположений о непосредственном переходе к социалистическому строительству» [3].

Однако весной 1918 г. начался пересмотр политики, в котором, как утверждал впоследствии Ленин, уже угадывались туманные контуры будущего нэпа. Еще определеннее высказался об этом в декабре 1921 г. Л. Б. Каменев. Он вообще считал, что ничего неожиданного, ничего принципиально нового, ничего, что было бы «вдруг» выдумано весной 1921 г., в нэпе нет. «Неужели же мы, когда в октябре 1917 г. сделали революцию,— говорил он,— не знали, что громаднейшая часть, больше 80% населения в России, сидит на земле, живет от земледелия и что она не прошла той социалистической выучки, которая дается крупной промышленностью, промышленной индустрией. Конечно, это мы знали...» [4].

Знали большевики и то, что в мелкокрестьянской стране строить социализм придется иначе, чем это мог бы сделать пролетариат в Англии или Америке: «центр постройки» будут составлять особые взаимоотношения между рабочими и крестьянами.

Если все это было ясно с самого начала, то почему тогда на следующий же день после взятия власти не начали с того, что в 1921 г. получило название новой экономической политики?

Пока продолжалась война — главный дестабилизирующий фактор в хозяйственной жизни страны,— предпринять что-либо подобное было невозможно. Только выход из войны, заключение Брестского мира позволили сделать первый черновой набросок долговременной экономической и политической программы, соединяющей устремленность к социалистическим целям с грубой прозой реальной российской действительности.

На первый взгляд это утверждение может показаться странным. Слишком сильный удар по производительным силам страны нанес «похабный» мир. Он оторвал от России в ее довоенных границах промышленные области Польши, Прибалтийского края, самые плодородные области Украины и Донецкого района. Было потеряно 40% промышленного производства, 90% сахарной промышленности, громадные хлебные районы, до 70% чугунолитейной промышленности [5].

О каких же возможностях новой политики можно говорить в такой ситуации?

Прежде всего о тех, что связаны с демилитаризацией экономики. Заключение мира давало надежду резко сократить расходы на армию, существенно ограничить ее потребность в централизованном снабжении продовольствием и предметами промышленности. Численность армии, этой тяжелой гири, висевшей на ногах государства, многократно умень-

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с 199.
[3] Там же, с. 197.
[4] IX Всероссийский съезд Советов. 23—28 декабря 1921 г. Стенографф. отчет. Бюл. № 2, с. 31.
[5] См. Известия Народного Комиссариата по продовольствию, 1918, № 4—5, с. 55.

шилась. Весной 1918 г. на демаркационной линии против полуторамиллионных вооруженных сил Германии находилась 300-тысячная армия, состоявшая главным образом из красногвардейских отрядов[6]. Огромная «военная дыра» непроизводственных расходов, а она поглощала до 60—70% всего производства[7], уже не засасывала безвозвратно ресурсы в той мере, как это было раньше.

Но как долго могла продлиться передышка? Этого не знал никто. В том числе и Советское правительство. То, что от него действительно зависело, оно делало: попыталось путем дипломатических маневров продлить передышку, использовать ее для разработки антикризисной программы, пересмотра старых догм и романтических иллюзий. Только комбинированное нападение буржуазии, по мнению Каменева, привело к тому, что «три года мы не хозяйничали и наши соображения о хозяйстве, о городской и сельской промышленности отступали на задний план перед интересами войны и победы»[8]. Если бы большевики получили возможность приступить к немедленному осуществлению своих планов, то они, по мнению Каменева, ушли бы далеко от того положения, в котором оказались в 1921 г.

Даже при самом благоприятном стечении обстоятельств большевикам не удалось бы быстро совершить глубокий переворот в политике — такой же стремительный и эффективный, как в 1921 г. За недолгие весенние месяцы мирной передышки совершить столь серьезную историческую работу было невозможно: мешали и отсутствие — совершенно неизбежное в тех условиях — развернутой практической программы социалистического строительства, фрагментарность и значительная доля неизжитых иллюзий и элементов утопизма в исходных представлениях, и нестабильность международного и внутреннего положения России. Объективные условия для выработки новой политики еще не созрели окончательно, хотя уже заявили о себе (наметилось даже и практическое движение в этом направлении). «Субъективный фактор» — не только масса, но и партийное руководство — еще находился в процессе мировоззренческих поисков, переживал кризис идеализированных представлений о социализме.

В этом кризисе не было ничего странного, поскольку значительную часть партии после Октября 1917 г. составляли люди, для которых переход от капитализма к социализму казался легким и быстрым. Такая установка создавала оптический обман в восприятии действительности, вынужденные или декларативные шаги Советской власти казались прямой дорогой к социализму, а многие повороты и зигзаги политики просто не замечались. По наблюдениям генерала А. И. Верховского (записавшегося добровольцем в Красную Армию в феврале 1918 г., при наступлении немцев на Петроград), настроение красноармейцев в ту пору было определенное: «Выкинем немца! Раздавим помещика и буржуя! Сразу станет рай на земле!»[9].

Особые отношения с будущим и вытекающая из этого ориентация на спрямленные действия, на штурм и натиск являлись обязательным атрибутом революционной психологии. Сторонники революции, особенно из колеблющихся мелкобуржуазных слоев, в своей огромной массе не могли думать иначе, как «просто и бесхитростно». Любой другой образ будущей жизни, не окрашенный в простые и светлые тона, вытолкнул бы их из лагеря революции в стан обывателей, лишил необходимой для борьбы энергии.

---

[6] См. Кляцкин С. М. На защите Октября. М., 1965, с. 150, 155.

[7] См. Резолюция Первого Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. М., 1918, с. 6.

[8] IX Всероссийский съезд Советов, с. 31—32.

[9] Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959, с. 403.

Мужество предвидения было у немногих, мужество, основанное на революционном оптимизме, поддерживало всех. Коммунисты-рабочие с дореволюционным стажем не раз, наверное, вспоминали свои мечты про «расчудесную жизнь», где нет ни царей, ни богачей. Но жить с такими представлениями становилось все труднее. Экономический кризис, разруха, непредвиденные осложнения, стихийное, неуправляемое развитие экономических и политических процессов порождали колебания, неверие в собственные силы.

Перед лидерами партии снова встал вопрос: «Что делать?»

До весны 1918 г. модель действий большевиков выстраивалась достаточно просто: прорываем цепь капиталистических государств, играем роль запала мировой революции. Изменение ситуации, Брестский мир выдвинули на первый план вопрос о достаточности формационных предпосылок нового строя. И большевики, и их оппоненты знали, что в России, как в отсталой стране, легче начать революционные преобразования, но труднее довести эти преобразования до конца. Революция в развитых капиталистических странах естественным образом сняла бы проблему достаточности формационных предпосылок, выпрямила бы переход к социализму, однако начать революцию, взять и удержать власть там было неимоверно труднее. И дело не в зачумленности или испорченности пролетариата Европы, а в том, что там, как говорил Ленин, «нет во главе власти ни идиотов, вроде Романова, ни хвастунов, вроде Керенского, а есть серьезные руководители капитализма, чего в России не было»[10].

«Мы не закрываем глаза на то,— скажет впоследствии Ленин,— что нам одним... в одной стране социалистической революции своими силами всецело не выполнить». Но тот, кто просто отворачивался от происходящей в России социалистической революции, указывая на явное несоответствие сил, был, по мнению Ленина, похож на «застывшего человека в футляре, не видящего дальше своего носа, забывшего, что нет ни одного исторического переворота, сколько-нибудь крупного, без целого ряда случаев несоответственности сил. Силы растут в процессе борьбы, с ростом революции»[11].

Но сколько их было, этих сил?

Пролетариат России малочислен, да и вообще рассчитывать только на него нельзя было даже в более развитых капиталистических странах. В России же громадную массу населения составляли крестьянство, а также мелкобуржуазные городские слои. Источником новых революционных сил мог стать только союз с крестьянством, прежде всего с беднейшей его частью. Декрет о земле сблизил с большевиками крестьянские массы. По «теории» на очередь должен был встать вопрос о сроках и формах перехода крестьянского хозяйства в социализм, приближением к которому считался рабочий контроль в промышленности. Однако большевики «из принципиального курса на крупное земледелие не сделали ни на минуту книжной, сектантской доктрины»[12]. В январе 1918 г. на III съезде Советов, принявшем новый декрет о социализации земли, коммунистическая фракция уступила левым эсерам в вопросе уравнительного распределения земли по едокам, хотя и дополнила закон положениями об общественной обработке земли, создании коллективных форм ведения хозяйства. В реальной же жизни эти положения «проваливались», обнаруживали свою несостоятельность, хотя бедняки и создавали коммуны, вставали на путь социальных экспериментов на базе помещичьих хозяйств.

[10] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 269.

[11] Там же, с. 382—383.

[12] Спундэ А. П. Смольный 24—26 октября 1917 года.— В кн.: В дни Октября. Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л., 1982, с. 317.

К весне 1918 г. проблема союза с крестьянством приобрела иной характер. В условиях, когда первая волна вооруженного сопротивления эксплуататоров была остановлена, когда казалось, что гражданская война (в тех формах, как она досталась еще от дооктябрьских времен) прекращена, Советская власть осталась лицом к лицу с огромной мелкобуржуазной стихией, совершенно несоциалистической по своим настроениям и взглядам. Это достаточно отчетливо показали расхождения в восприятии ранее объединявшего всех трудящихся лозунга «Грабь награбленное!». Ленин понимал его как экспроприацию экспроприаторов, за которой должно последовать: «награбленное сосчитай и врозь его тянуть не давай», а нарушителей дисциплины, которые будут тянуть к себе прямо или косвенно, предлагал сурово наказывать[13]. Мелкий собственник ничего этого не хотел. Для него лозунг «Грабь награбленное!» означал: растащить национальное достояние по своим избам, чердакам и подвалам. Именно с таким собственником («некий маленький чумазый, число ему миллион»[14]), готовым пустить все под откос, большевики остались один на один. И сердцевина хода революции в этот момент, по мнению Ленина, перемещалась в плоскость борьбы пролетарской дисциплины и организованности со стихией мелких собственников. Вопрос формулировался предельно жестко: либо диктатура пролетариата, либо диктатура Наполеонов и Кавеньяков на мелкобуржуазной основе[15].

Каким же образом можно было овладеть мелкобуржуазной стихией и удержать страну от движения вспять? Пустить в дело винтовки, как предлагали некоторые анархисты-коммунисты? Но такое решение Ленин отвергал из-за его полной нелепости и непонимания того, к чему винтовка служит[16]. Тем более что он прекрасно видел, как мелкобуржуазная стихия вовлекает в свой круговорот часть рабочего класса и трудового крестьянства. Россию нельзя было удержать ни простым грабежом, ни винтовкой[17]. И то и другое могло привести ее лишь к развалу, с последующим очень мучительным возрождением капитализма в его самых отсталых формах.

Ленин не раз возвращался к основному тезису меньшевиков о том, что, раз признано несоответствие экономических возможностей и политической силы, не надо было брать власть. Такой подход, считал он, был бы непоправимой ошибкой, потому что полного «соответствия» вообще не может быть ни в развитии природы, ни в развитии общества: «...Только путем ряда попыток,— из которых каждая, отдельно взятая, будет односторонняя, будет страдать известным несоответствием,— создастся цельный социализм из революционного сотрудничества пролетариев *всех* стран»[18]. Одновременно Ленин предупреждал об опасности крикунов и фразеров, которые «позволяют себя увлечь «яркой» революционностью, но на выдержанную, продуманную, взвешенную, учитывающую и труднейшие переходы революционную работу не способны»[19].

Ленин тоже признавал, что для социализма необходимы определенные материальные, политические и культурные предпосылки. По его мнению, одна группа предпосылок после победы Октября в России появилась — передовая политическая надстройка. Что касается предпосылок иного рода (материальное осуществление экономических, производственных, общественно-хозяйственных условий)[20], то их явно не хватало. Однако это не смущало Ленина. В идеале «вторая половина» — разви-

---

[13] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 270.
[14] Там же, с. 264.
[15] См. там же, с. 298.
[16] См. там же, с. 272.
[17] См. там же, с. 274.
[18] Там же, с. 306.
[19] Там же, с. 306—307.
[20] См. там же, с. 300.

тые производительные силы Европы — должны были появиться в результате победы мировой революции. Ленин еще абсолютно уверен в ее близком приходе, хотя и не берется заранее составлять «календарь революций». Пока же «вторую половинку» социализма можно позаимствовать, опираясь на опыт других стран. Прежде всего имелись в виду организационные формы, уже найденные, в частности, в Германии (например, государственный капитализм). Перспективу возможного использования госкапитализма на российской почве и открыл для себя Ленин еще в конце марта 1918 г., при работе над первым вариантом «Очередных задач Советской власти».

Ленин считал, что дорога к государственному капитализму и к социализму лежит через одну общую станцию. Название ее — «общенародный учет и контроль за производством и распределением продуктов». Эта общая точка знаменует собой некий исторический перекресток, на который рано или поздно должна была выйти страна[21]. За счет форсированного движения в этом исторически прогрессивном направлении решились бы как стратегическая задача «дотягивания» формационных предпосылок социализма, так и проблема возрождения экономики страны, обуздания мелкобуржуазной стихии. Идея опосредующего звена — государственного капитализма — в перспективе вела Ленина и к более широкой концепции переходных мостков, промежуточных ступеней на пути к социализму, длительности самого переходного периода.

Этот теоретический, программный, стратегический анализ шел в рамках сиюминутной политической прагматики, одновременно обобщая и подталкивая практические решения и действия. А они должны были в конечном счете привести к разработке эффективной антикризисной программы. Для этого нужно было ответить на два вопроса. Что изменять в экономике и системе управления хозяйством? Достаточно ли у государства, еще находящегося в стадии «хаоса и энтузиазма», сил и возможностей для того, чтобы провести в жизнь свою программу экономических преобразований? Одно упиралось в другое, шел поиск основного звена политики Советской власти, того, что Ленин называл «гвоздем момента». Именно в это время он указывает на изменение приоритетов в деятельности партии. Имеется в виду положение о первенстве экономики над политикой, сформулированное в первоначальном варианте статьи «Очередные задачи Советской власти»[22]. Этот новый вектор движения в условиях мирной передышки неизбежно должен был вызвать кадровые передвижки. Рядом с выдвинутыми революцией агитаторами и массовиками должны были встать и другие люди, способные «учиться социализму... у руководителей трестов»[23].

У руководства партии и в правительстве складывается определенное разделение труда по разработке новой концепции политического и хозяйственного управления. Ленин как политик сосредоточивался прежде всего на проблемах власти, государственности, упорядочения общественной жизни. Руководители хозяйственных наркоматов, финансовых органов вплотную занимались проработкой экономической стороны новой концепции. В такой связке рождалась антикризисная программа — программа усиления государственного регулирования экономики в сочетании с приостановкой наступления по тем направлениям, где не удавалось «переварить» захваченное в процессе национализации, с упором на приведение в действие властных (теперь сказали бы — административно-командных) инструментов воздействия на экономику.

Ядро этой программы составили наработанные Лениным в интервале март — май 1918 г. идеи, известные как «Очередные задачи Советской

[21] См. там же, с. 301.
[22] См. там же, с. 130.
[23] Там же, с. 137.

власти». Заключенная в них «необычная», по словам Ленина, постановка вопроса[24] затем развертывалась и уточнялась. Многие формулировки рождались в результате непосредственной полемики с единомышленниками и оппонентами. Выступление Ленина 29 апреля и работа «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности», опубликованная в первой декаде мая,— одно из красноречивых свидетельств тому. Острая полемика подтолкнула Ленина прежде всего к непосредственному анализу проблемы государственного капитализма особого рода.

В концепции оздоровления экономики на принципах государственного капитализма на первый план, естественно, выдвигалось государство вообще, прочная и стабильная центральная власть в особенности. Целесообразность такой программы признали спустя годы и непримиримые идейные противники русского большевизма. «В 1918 году, когда России грозил хаос и анархия,— писал по этому поводу Н. А. Бердяев,— в речах своих Ленин делает нечеловеческие усилия дисциплинировать русский народ и самих коммунистов. Он призывает к элементарным вещам, к труду, к дисциплине, к ответственности, к знанию и к учению, к положительному строительству, а не к одному разрушению, он громит революционное фразерство, обличает анархические наклонности, он совершает настоящие заклинания над бездной. И он остановил хаотический распад России, остановил деспотическим, тираническим путем. В этом есть черта сходства с Петром»[25].

Однако для того, чтобы судить о возможностях и тенденциях развития событий весной 1918 г., надо прежде всего понять, может быть, даже почувствовать, зачем и почему понадобился стране «деспотический, тиранический путь», или, как говорил сам Ленин, «беспощадная диктатура».

Весной 1918 г. перспективы конструктивной, созидательной работы по наведению элементарного порядка в экономике, общественной жизни, организационному строению власти приоткрылись перед страной, напоминавшей избитого до полусмерти человека. Главный дестабилизирующий фактор — война — перестал действовать на весьма неопределенный срок. Никаких гарантий успеха политики международного лавирования не было. Предельно остро стояли внутренние проблемы, не только порожденные тяжелым наследием прошлого, но и возникшие (или обострившиеся) уже после Октября 1917 г., в первые месяцы Советской власти. Все это максимально сужало пространство выбора, в котором шел поиск новой политики.

ХЛЕБНАЯ МОНОПОЛИЯ ИЛИ ВОЛЬНЫЙ РЫНОК?

Идет голод. Именно так кратко и недвусмысленно сформулировал Ленин основную угрозу, которая надвигалась на Россию в весенние месяцы 1918 г.[26]. Та многотысячная аудитория, которая слушала Ленина 7 апреля 1918 г. на митинге в Алексеевском манеже, знала об этом не понаслышке. Особенно остро угроза голода чувствовалась в Москве, Петрограде, других промышленных центрах, политическое состояние которых напрямую зависело от положения дел с продовольствием. Продовольственная проблема стала мощным фактором политической борьбы еще со времен царского правительства, но предшественники большевиков у руля государственного руководства так и не смогли найти ее удовлетворительного решения. В конце концов продовольственная проблема превратилась в угрозу голода.

В разных местах она ощущалась по-разному, но общая тревога чувствовалась повсюду. Например, из Новгородской губернии, хотя она не

[24] См. там же, с. 241.
[25] Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990, с. 95.
[26] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 214.

представляла собой «сплошную голодную массу», а некоторые крестьяне еще имели хлеб до нового урожая, уже шли сообщения о том, что голод «провел своей костлявой рукой по многим уездам, где посеял смерть. ...Голод охватил население, оно мечется, как в огне, и ищет себе выхода»[27]. Сводка из Ярославля заканчивалась словами о том, что губерния вступает в «полосу возможного голода»[28].

На какое-то время острота голода была снята за счет резкого сокращения потребностей армии. Если до заключения Брестского мира она исчислялась 20 млн. пудов в месяц, то на апрель 1918 г. было занаряжено лишь 5 млн. пудов. При общем хлебном наряде на апрель в 35 млн. пудов облегчение было очень существенным. Даже левые эсеры, протестовавшие против Брестского мира, вынуждены были признать: в настоящее время мы получаем по $1/4$ фунта хлеба, но если бы продолжалась война, может быть, не имели бы и этого. Однако ситуация по-прежнему оставалась предельно сложной. Достаточно сказать, что наряды на хлеб в действительности удавалось выполнять лишь на треть[29].

Постоянный срыв плановых нарядов на хлеб свидетельствовал о том, что провозглашенная еще Временным правительством в марте 1917 г. и подтвержденная большевиками в январе 1918 г. хлебная монополия почти не действовала. Более того, от индивидуального мешочничества (самостоятельные поездки населения для покупки или обмена продовольствия в хлебные районы страны), начавшегося после введения Временным правительством хлебной монополии, наметился переход к тому, что современники называли «коллективным мешочничеством». Не останавливаясь перед нарушением законов и распоряжений центральной власти, местные продовольственные комитеты закупали хлеб, сено, масло и другую продукцию по ценам, значительно превышавшим твердые, вывозили хлеб без нарядов, заключали контракты на закупку и отправку хлеба губерниям, не включенным в планы снабжения, вступали в сепаратный товарообмен[30]. Аналогичным образом поступали и фабзавкомы промышленных предприятий. Они, естественно, стремились к улучшению продовольственного снабжения своих рабочих. Вступая в самостоятельные отношения с деревней, коллективы предприятий действовали, по сути дела, как коллективные собственники средств производства, использовали для обмена на хлеб фабричные запасы, часть произведенной продукции и т. п.

«Свободная игра экономических сил» явно ломала принципы государственной хлебной монополии. Но продовольственное положение страны, даже если бы удалось продлить мирную передышку весны 1918 г., все равно требовало сохранения этих принципов, по крайней мере до нового урожая. Возможно, что хлебную монополию потребовалось бы оставить и на более продолжительное время. Почему? Потому что страшна была не свобода хлебной торговли. Страшны были анархия, спекуляция. Их первопричина заключалась не в желании «нехорошего» хлебодержателя спекулировать и поступать как вздумается. В конце концов всякая спекуляция, это уродливое дитя оскудевшего рынка, имеет свои границы, когда спрос в общем приспособлен к предложению. Их первопричина была и в «ножницах» цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, и в недостатке хлеба, и в обесценении рубля, и в расстройстве транспорта. Массовый наплыв мешочников, как индивидуальных, так и «коллективных», до предела увеличивал нагрузку на транспорт, уже разрушенный войной и революцией, приводил к скоплению огромных масс людей на железнодорожных станциях, осложнял пе-

[27] Известия Народного Комиссариата по продовольствию, 1918, № 2—3, с. 6.
[28] Там же.
[29] См. Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 4-го созыва. Стенограф. отчет. М., 1920, с. 86, 244.
[30] См. Известия Народного Комиссариата по продовольствию, 1918, № 1, с. 8.

ревозку продовольственных грузов и вообще ставил под удар централизованное снабжение городов. Если бы даже кому-то и захотелось перевести снабжение городов на принципы мешочничества, то транспорт просто не выдержал бы «перевозки при каждом пуде или двух пудах хлеба добавочного пассажира»[31], того напора беспорядочной и хаотической массы людей, которая отвлекалась на выполнение самоснабженческих функций. А если дело транспортировки хлеба, включая перевозочные средства, предоставить свободному предпринимателю? Для тех условий ответ был известен: остаток вагонов и паровозов служил бы не голодному потребителю, а интересам барышников.

В апреле 1918 г. воображение многих реалистически мыслящих общественных деятелей, даже тех из них, кто отнюдь не считал себя сторонником большевиков, рисовало апокалипсическую картину голодного исхода городского населения в случае немедленного перехода к свободной торговле. «...Достаточно подумать только о том, что может случиться при отмене монополии,— говорилось на Втором чрезвычайном всероссийском съезде рабочей кооперации,— чтобы отказаться от этой мысли... Из голодных местностей, которые сейчас стеснены в своих непосредственных действиях, хлынет масса в те области, которые имеют хлеб. Это будет такой громадный наплыв желающих получить хлеб, такая громадная масса туда направится, что на местах создастся невероятная, безмернейшая конкуренция, вследствие которой цены так вздуются, что по сравнению с ними теперешние цены покажутся раем»[32].

Когда в Наркомпроде кипели страсти по поводу свободной торговли, ее сторонники выдвинули такой аргумент: пусть государство остается в роли регулирующего фактора свободной торговли, оно лишь не должно будет брать на себя все функции хлебной торговли и подавлять частную инициативу[33]. Возможно, этот аргумент и сработал бы, если бы перед глазами наркомпродовцев постоянно не стояла картина хлебного регулирования периода Временного правительства. А она доказывала, что «государство, раз вмешавшись в отношения хлебного рынка, в интересах ли фиска или населения, принуждено ходом вещей не ослаблять, а усиливать это вмешательство, до монополизации заготовок и распределения включительно»[34]. Стоявший на противоположных политических позициях меньшевик П. Н. Колокольников также, хотя и по другим причинам, считал неосуществимым в ближайшее время переход к свободной торговле. Выступая на Втором чрезвычайном съезде рабочей кооперации, он подчеркивал, что свобода торговли не может быть достигнута в России «безболезненно для рабочего класса», особенно в настоящее время, когда «надвинулась массовая безработица, когда эта массовая безработица бросила на произвол судьбы десятки тысяч людей»[35].

Не случайно при всех расхождениях мнений по различным вопросам продовольственной политики, в том числе по кардинальным, стратегическим, ни одна из социалистических партий, входивших во ВЦИК, не выступала против хлебной монополии. Они прекрасно понимали, что ситуация складывается самым неблагоприятным образом, что в поход против хлебной монополии идут как несознательные массы, так и заинтересованная в возврате к прежним условиям своего существования буржуазия. Ни одна советская партия (а среди них были и левые эсеры, и меньшевики, и анархисты) не высказывалась за свободную торговлю. Этого лозунга они не выдвигали, осознавая его несбыточность в данный момент.

[31] Там же, № 14—15, с. 69.
[32] Второй чрезвычайный всероссийский съезд рабочей кооперации (30 марта — 4 апреля 1918 г.). Стенограф. отчет. М., 1918, с. 104.
[33] См. Известия Народного Комиссариата по продовольствию, 1918, № 2—3, с. 3.
[34] Там же.
[35] Второй чрезвычайный всероссийский съезд рабочей кооперации, с. 113.

Впоследствии представители некоторых этих партий, оказавшихся вне Советов, выступивших против Советской власти, откажутся от этой позиции и будут использовать лозунг свободной торговли в чисто политических целях. Но в апреле 1918 г., когда они еще входили во ВЦИК, этого лозунга никто из них не выдвигал.

Тем не менее борьба за проведение хлебной монополии часто не встречала поддержки населения. Напротив, оно всячески сопротивлялось преследованию мешочников. В резолюции общего собрания граждан одной из волостей Владимирской губернии, направленной в Совнарком в марте 1918 г., подчеркивалось, что «мнение о мешочниках как о мародерах до глубины души оскорбляет голодных», что «рецепт избавления от голода путем расстрела голодных мешочников и сосредоточения дела продовольствия в центрах областных и губернских в недалеком будущем приведет к голодным бунтам, так как всякие центральные органы давно потеряли доверие народа»[36]. Получалось очень своеобразное сочетание, когда по совершенно разным мотивам сиюминутные интересы населения, как бы мы их сегодня ни называли — шкурные, эгоистические и т. д., совпадали с интересами мелкой и крупной буржуазии, стремившейся вернуть свободную торговлю, устранить хлебную монополию государства.

В чем же дело? Почему население так активно поддерживало мешочников?

Прежде всего потому, что, по оценкам экспертов (точными данными в то время никто не располагал), мешочничество давало до половины, а то и более всего потребления хлеба в непроизводящих губерниях России[37]. Парадокс же заключался в том, что надежды на мешочничество были оправданы только при сохранении гарантированного минимума продовольствия. Не будь этого гарантированного минимума, настроение населения резко изменилось бы. Боязнь и неуверенность в завтрашнем дне были общим психологическим явлением. Не случайно в Ярославской губернии общая тенденция была такова: «...К нам вези что хочешь, а от себя ничего не дадим, так как может оказаться, что у самих не хватит»[38]. Во Владимирской губернии даже имеющие хлеб стремились непременно получить государственный паек, пусть часто и ничтожный. Крестьяне откровенно говорили: «...Съедим свой хлеб и пайка не получим, что тогда делать?»[39].

Перейти целиком на начала вольного рынка при высоких ценах не соглашался никто. Наоборот, в большинстве губерний искали самые различные способы, чтобы увеличить количество хлеба по государственным нарядам. В одних случаях, как правило, в критические моменты, проводились реквизиции излишков у лиц, которые имели при внезапно производимом «учете» запасы хлеба, либо самовольно захватывался транзитный хлеб, отцеплялись проходящие через губернию вагоны с продовольствием. В других случаях на местах прибегали к различным хитростям. Например, в Иваново-Кинешемском районе наряды на хлеб составлялись по общему количеству едоков, но хлеб часто распределялся только между действительно голодающими, не имеющими никаких собственных запасов. В Костромской губернии отдельные волости и даже села самостоятельно, вне плана снабжения, закупали по нескольку вагонов хлеба и делили его иногда между всеми голодающими, иногда между денежными участниками закупки[40].

Выбор способов обеспечения населения хлебом во многом определялся тем, в каком положении, сравнительно благополучном или тяже-

[36] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, ф. 265, л. 8.
[37] См. Известия Народного Комиссариата по продовольствию, 1918, № 2—3, с. 11.
[38] Там же, с. 9.
[39] Там же.
[40] См. там же, с. 9—10.

лом, бедственном, находилась та или иная губерния. Заготовительная кампания 1917/18 г., например, в Западной Сибири и Таврии прошла успешно потому, что там имелись значительные мануфактурные запасы для обмена на хлеб[41]. Часто в одной и той же губернии наблюдались районы с диаметрально противоположным состоянием снабжения. Но при всей калейдоскопичности картины снабжения самостоятельные закупки или другие способы получения продовольствия использовались не вместо плановых поступлений хлеба, а вместе с ними. При всем уповании на мешочничество, при всех нападках на организацию продовольственного дела население голодающих районов не хотело лишиться твердой базы — гарантированного государственного снабжения хлебом.

Это обстоятельство учитывали в выборе продовольственной политики не только деспотичный большевистский монополист — Наркомпрод, но и его оппонент — рабочая кооперация. Возражая сторонникам свободной торговли на Втором чрезвычайном съезде рабочей кооперации, И. И. Егоров говорил: «При современной разрухе, при неуверенности, что каждый из нас может съесть столько, сколько требует его желудок, что вы нам рекомендуете: уничтожьте эту нормировку, уничтожьте все то, что дает возможность каждому из нас и в особенности рабочему классу право на жизнь. Уничтожьте право на жизнь слабых, уничтожьте право на жизнь неимущим — вы рекомендуете уничтожить право на жизнь тех, у которых вследствие безработицы, вследствие общей дезорганизации не будет возможности заплатить за фунт хлеба 4,5 или 6 руб.»[42].

Нарастающая угроза голода накануне нового урожая практически не давала времени для размышлений. Лишь относительно благоприятное стечение обстоятельств в марте — апреле 1918 г. (мирная передышка, сокращение расходов на армию и т. п.) еще оставляло возможность для выбора. Речь, разумеется, не шла о выборе между хлебной монополией и свободной торговлей. Опыт всех предшествующих правительств в России показал, что в экстремальных условиях этот выбор однозначно совершается в пользу хлебной монополии. Речь могла идти лишь о различных формах хлебной монополии: продразверстка и продовольственная диктатура — на одном полюсе, государственное регулирование хлебного рынка — на другом. В марте — апреле 1918 г. большевики склонялись именно к этому последнему варианту.

Ход событий привел к тому, что государство было вынуждено фактически вступить в конкурентную борьбу на хлебном рынке. Борьбу как с коллективными мешочниками, так и с индивидуальными. Одновременно оно вступало в своеобразную конкуренцию и с советскими органами власти на местах, которые тоже нередко превращались в коллективных мешочников, с различными кооперативными организациями. Конечно, чисто административным способом обеспечить конкурентоспособность, ограничить деятельность советских коллективных мешочников, сделать более прочной тонкую, постоянно рвавшуюся пленку хлебной монополии, под которой бушевала стихия рыночных отношений, было невозможно.

Какие же меры вели к этой цели?

Наиболее эффективная из них — обеспечить стабильность рынка промышленных товаров, а значит, вернуть крестьянам заинтересованность в «живых деньгах», уверенность в том, что эти деньги можно отоварить. Первым шагом к решению этой задачи должен был стать контроль за ценами, то, что не сумело сделать Временное правительство. Определенные меры по контролю за ценами на промышленные продукты были предприняты. Однако удержать жестко фиксированные цены на продукцию промышленности государству никак не удавалось. Если ме-

[41] См. там же, с. 10.
[42] Второй чрезвычайный всероссийский съезд рабочей кооперации, с. 128.

талл посылался в деревню через кооперативы, например, по 4 руб. за пуд обрезков, то местные кооперативы продавали его по 8—9 руб. Стали посылать по 8 руб., местные кооперативы повысили цену до 12 руб., а спекулянты до 24 руб.[43]. Такого рода посредничество накладно отражалось на крестьянском населении. Оно, естественно, пыталось обходить твердые цены на хлеб и делало это небезуспешно. Цены вольного рынка порой в десять и более раз были выше государственных. Хлебная монополия, как и во времена Временного правительства, продолжала хромать на одну ногу (фиксированные цены на хлеб и нефиксированные цены на промышленные товары), и это существенно ее подрывало. Надо было искать другие пути.

Обесценение рубля, нежелание крестьян продавать хлеб по твердым ценам за бумажки привело к тому, что процесс обмена между городом и деревней натурализировался. Государству оставалось либо принять новые правила игры — уже реально существующий товарообмен между городом и деревней, в том числе и на вольном рынке, либо прибегнуть к насилию по отношению к держателям хлеба. Никаких других способов регулирования в тот момент не было. Учитывая, что ситуация еще не обострилась до предела, сохранялись ограниченные возможности для поиска именно экономических способов выхода из тупика. Таким особым способом государственного регулирования рыночных отношений в условиях хлебной монополии, развала финансовой системы и разрухи в промышленности стал переход к особой форме взаимоотношений с деревней — товарообмену.

ОГОСУДАРСТВЛЕНИЕ ИЛИ АНАРХО-СИНДИКАЛИЗМ?

Весной 1918 г. решение значительного числа экономических проблем в той или иной мере упиралось в состояние промышленности, в рост производительности труда именно в промышленном производстве. От этого зависели возможности государства и на хлебном рынке, и в области нормализации денежного обращения, и в целом выхода из тяжелейшего экономического кризиса, в котором находилась страна. Если развитие сельского хозяйства в силу его мелкокрестьянского характера в известном смысле подчинялось законам саморегуляции и, таким образом, его можно было стимулировать, увеличивая предложение промышленных товаров и повышая тем самым заинтересованность крестьян в сдаче хлеба, то в промышленности дело обстояло несколько иначе.

В первый период национализации, период «хаоса и энтузиазма» основная масса промышленного и торгового капитала вообще не была национализирована. Этот процесс затронул лишь «нервные центры и систему кровообращения» народного хозяйства. В результате были захвачены командные высоты в экономике (в известном смысле эта ситуация похожа на ту, которая сложилась в 1921 г., при частичной денационализации промышленности, передаче предприятий в аренду и т. д.).

При этом большевики исходили из того, что если бы капитал в этой ситуации продолжал функционировать в промышленности и торговле, то, оставаясь капиталом, то есть орудием эксплуатации, он в то же время подчинялся бы регулирующему воздействию государства и возвращал бы часть прибавочной стоимости этому государству в виде налога. Таким образом, открылась бы возможность, как признавал экономист Л. Крицман, «пользуясь вожжами кредита и транспорта», организовать «народное хозяйство *руками капитала*»[44]. Эта тенденция действительно имела место, более того, очень серьезно обсуждался вопрос о раз-

[43] См. Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва, с. 57.

[44] Крицман Л. Героический период великой русской революции. (Опыт анализа т. н. «военного коммунизма»). М., 1925, с. 40.

личных формах сотрудничества государственного и частного капитала в рамках госкапиталистических форм.

Организацию народного хозяйства, основанную на сотрудничестве капитала и пролетариата, большевики склонны были оценивать как переход от капитализма не к социализму, а к «своеобразной производительной кооперации», при широко развитом в хозяйственной жизни применении самодеятельности масс. Но поскольку это не устраняет анархии производства, считали они, необходимо стремиться к внесению «социалистической планомерности в хозяйственную жизнь», к тому, чтобы «облечь ВСНХ экономической властью пролетариата»[45]. Следовательно, перспектива вырисовывалась достаточно отчетливо. В то же время сам принцип сотрудничества и взаимодействия с российским капиталом на время переходного периода не исключался, предпринимались даже определенные шаги в этом направлении.

Сама по себе национализация промышленных и торговых предприятий в первые месяцы после революции проводилась центральной властью как карательная мера, применяемая лишь в отдельных случаях. По данным П. А. Богданова, к 15 мая 1918 г. по всей стране было национализировано всего 254 предприятия. Из них более 50% приходилось на долю горно-металлургической и металлообрабатывающей отраслей[46]. Причем во многих случаях национализация проводилась, во-первых, как ответ на неисполнение предпринимателями декрета о рабочем контроле и, во-вторых, из-за самовольного закрытия предприятий их владельцами; значительная часть промышленного и торгового капитала не экспроприировалась, а только ставилась под рабочий контроль[47].

Отсутствие у центральной власти достаточных возможностей для проведения более широкой национализации при стихийном порыве снизу привело к тому, что этот процесс носил, в сущности, неподготовленный, хаотический характер, и, по мнению Богданова, напоминал «не планомерное собирание государством отдельных отраслей промышленности, а собирание отдельных предприятий»[48]. Уже тогда было ясно, что, национализируя и беря в свои руки предприятия, большевики шли не на улучшение производства, а на его ухудшение, на снижение производительности труда. Это происходило прежде всего потому, что капиталисты в новых условиях политического и экономического строя вести и поддерживать производство были не в состоянии. Что касается рабочих, то у них не было пока ни опыта, ни умения для того, чтобы это делать. Можно было прийти на работу, но не работать, потому что было сырье, но не было топлива или, наоборот, было топливо, но не было сырья. Это увеличивало и без того колоссальные расходы на содержание рабочих без оправдания их результатов трудом. Но государство шло на эти расходы вне связи с производительностью труда. Если у крестьянина были какие-то большие или меньшие резервные фонды для поддержания своего существования, то рабочий, живущий исключительно на зарплату, ничего этого не имел.

Переходный период болезненно ударил по промышленности, выбивая подчас из нормальной колеи целые отрасли. В этих условиях форсирование национализации означало бы дальнейшее падение производительности труда, неоправданное повышение цен на продукты промышленности, а значит, все большее переложение центра тяжести на плечи крестьянства. Никаких обстоятельств, диктовавших форсирование национализации, не было. Апрель 1918 г. знаменателен поэтому приостановкой этого процесса, «перевариванием» даже того немногого, что Со-

---

[45] Известия Народного Комиссариата по продовольствию, 1918, № 14—15, с. 69.
[46] См. За 5 лет. Сборник ЦК РКП. М., 1922, с. 237.
[47] См. Милютин В. К вопросу о национализации промышленности.— Народное хозяйство, 1918, № 5, с. 5.
[48] За 5 лет, с. 237.

ветская власть получила. Ленин формулирует текущую задачу однозначно: не столько экспроприация экспроприаторов, сколько учет, контроль, дисциплина[49]. Всякой рабочей делегации, которая приходила в СНК и жаловалась на то, что фабрика останавливается, Ленин говорил: «...Вам угодно, чтобы ваша фабрика была конфискована? Хорошо, у нас бланки декретов готовы, мы подпишем в одну минуту»[50]. Но тут же спрашивал, а сумеют ли рабочие взять производство в свои руки и подсчитать, что производят? Знают ли связь своего конкретного производства с внутренним и международным рынком? Ведь ни в большевистских, ни даже в меньшевистских книжках про это еще не написано[51]. Надо было пройти определенные промежуточные ступени, которые позволили бы рабочим коллективам овладеть тем, чему в свое время научились организаторы трестов, «купцы и деляги».

По более поздним оценкам Крицмана, идея обучения у своего классового противника искусству вести предприятие «была идеей, несомненно, утопической»[52]. Почему? Да потому, что «ни капиталист не соглашался функционировать в целях обучения пролетариев искусству управления предприятием, ни органы рабочего контроля не могли в условиях режима пролетарской диктатуры ограничиться контролем. Рабочий контроль оказался поэтому — в силу своей половинчатости *неудачным* — рабочим управлением»[53].

В апреле 1918 г. могло еще казаться, что, поскольку гражданская война в тех формах, как она досталась большевикам с дооктябрьского периода, завершена и крупный капитал подавлен, обучение у капиталистов возможно. Однако, учитывая реальное соотношение сил, мы сегодня не можем не видеть следующее. У российских капиталистов постоянно сохранялась надежда на вмешательство международного капитализма, ориентация на возможность возврата всей полноты политической власти. Уже поэтому они не способны были пойти на компромисс, считая, что если можно вернуть себе все, то есть ли смысл соглашаться на получение части и укреплять тем самым Советскую власть.

Идея обучения была утопической и с другой точки зрения. Капиталисты не имели реальной возможности влиять на производство, когда практически всем распоряжались фабзавкомы, а рабочие не считались с экономической целесообразностью. Очень часто они принимали решения, которые еще больше ухудшали и без того сложное положение. В числе таких мер, возникших стихийным порядком, стало введение повременных форм оплаты труда. Принимались и более решительные действия, разрушавшие производство. Н. К. Крупская вспоминала: «В первое время заводские организации очень легко отпускали рабочих с фабрики на разные собрания. Помню такой случай. Пришла ко мне раз в Наркомпрос работница... Я ее спрашиваю, в какой она смене работает... «У нас никто сегодня не работает. Вчера общее собрание было, у всех дел домашних много накопилось. Ну и проголосовали не работать сегодня. Что же, мы теперь хозяева»[54].

Кто же должен был решать вопросы, связанные, например, с правилами внутреннего распорядка, с нормированием труда на предприятиях, которые перешли в собственность государства, и на предприятиях ненационализированных? Огромная роль в этой ситуации отводилась профсоюзам. Как отмечал А. Лозовский, в этот момент вообще довольно

[49] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 199.
[50] Там же, т. 36, с. 258.
[51] См. там же.
[52] Крицман Л. Указ. соч., с. 41.
[53] Там же.
[54] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10-ти т. Т. 2, М., 1989, с. 302—303.

трудно было провести грань между производственным союзом и органом управления соответствующим производством[55]. Безусловно, ситуация двоецентрия, когда профсоюзные и хозяйственные органы (ВСНХ, губсовнархозы и т. д.) управляли производством и ни один не был целиком ответствен за него, долго длиться не могла. Особенно по мере нарастания производственной анархии на предприятиях. Но первые положения о трудовой дисциплине начали разрабатываться профсоюзами совместно с хозяйственными органами.

Таким образом, сложилась своеобразная ситуация, когда государство, еще не располагая всеми предприятиями, через профсоюзы расширяло сферу своего влияния на промышленность. Логика экономической целесообразности подталкивала большевиков к этому. Ждать, пока все развалится, они не могли. Не случайно с начала 1918 г. серьезно обсуждался вопрос об огосударствлении профсоюзов, то есть о передаче им управления промышленностью, превращении их на этой почве в органы государственной власти[56]. Тогда эта идея встретила резкое сопротивление внутри профдвижения, хотя и не по всему его фронту.

К чему в конечном счете привели первые шаги национализации?

Были уничтожены все органы защиты капиталистической эксплуатации. На их место пришли органы пролетарской диктатуры. Это развязало, как выражался Крицман, «до того подавленную классовую волю пролетариата и привело к стихийно-хаотическому преодолению капиталистической эксплуатации, к *стихийно-хаотической* пролетарской *национализации снизу,* стихийно-хаотической не в абсолютном смысле слова, а лишь в смысле отсутствия централизованного единства, в смысле независимости отдельных выступлений»[57].

Наметилась тенденция буквально понимать лозунг «фабрики — рабочим», то есть как переход каждого отдельного предприятия в руки рабочих этого предприятия, как «социализацию» фабрик по аналогии с социализацией земли, при которой земля переходила в пользование обрабатывающих ее крестьян[58]. Эта кооперативно-синдикалистская (по мнению многих большевиков) тенденция воспринималась как проявление мелкобуржуазного влияния на пролетариат. Она нигде не получила перевеса. На местах производилась все-таки форменная национализация, т. е. осуществлялся перевод предприятий в руки государства.

В результате этого ВСНХ «очутился среди хаотической массы отдельных предприятий, требующих от него помощи». Это обстоятельство вызывало «совершенно случайный характер работы центра»[59]. В такой ситуации, естественно, заработали компенсаторные экономические механизмы. В конце 1917 — начале 1918 г. в разрушенном войной и революцией народнохозяйственном комплексе начался стихийный процесс утверждения новых рыночных связей, появились новые субъекты рыночных отношений.

Прежде всего это были производственные коллективы фабрик и заводов, объединения предприятий, которые из-за слабости центральной власти фактически имели возможность распоряжаться национализированной и муниципализированной собственностью как групповой. В рыночных отношениях участвовали также центральные и местные органы власти и их продовольственные подразделения, кооперация, частнокапиталистические предприятия, крестьянские хозяйства. Отношения между всеми перечисленными экономическими субъектами строились в той или

---

[55] См. За 5 лет, с. 193.
[56] См. там же.
[57] Крицман Л. Указ. соч., с. 39.
[58] Там же.
[59] Известия Народного Комиссариата по продовольствию. 1918, № 14—15, с. 69.

иной мере на коммерческих началах, все они вели конкурентную борьбу на рынке за более выгодные условия продажи и купли товаров[60].

Фактически в этот период действовали две тенденции. Во-первых, тенденция к национализации в форме огосударствления собственности, когда работник вступает в прямые отношения с государством, во-вторых, тенденция к накоплению элементов групповой собственности в «кооперативно-синдикалистской форме», как тогда о ней говорили. Взаимно перекрещиваясь и взаимно погашая друг друга, эти две тенденции могли привести к реализации экономически эффективного принципа коллективного распоряжения государственной собственностью.

Однако концепция социализма как государственно-капиталистической монополии, обращенной на пользу всего народа[61], оказалась невосприимчивой к «кооперативно-синдикалистской» или «анархо-синдикалистской» стороне этого единого процесса. Не случайно еще в марте 1918 г. при обсуждении в СНК вопроса о положении водного транспорта на Волге Ленин осудил предложение о передаче национализированных судов в собственность профсоюзов, подчеркнув, что такого рода стремления и попытки не имеют ничего общего с социализмом. «Задача социализма,— говорил он,— переход всех средств производства в собственность всего народа, а вовсе не в том, чтобы суда перешли к судовым рабочим, банки к банковским служащим»[62]. В апреле в тезисах «Основные положения хозяйственной и в особенности банковой политики» он ставит задачу безусловной и беспощадной борьбы «против синдикалистского и хаотического отношения к национализируемым предприятиям» и настойчивого проведения «централизации хозяйственной жизни в общенациональном масштабе»[63].

Полное неприятие тенденции к самостоятельному распоряжению национальной собственностью закрывало дорогу к поиску способов соединения интересов работника, коллектива и государства. Между тем органичное развитие этого процесса в более или менее нормальных условиях могло привести к установлению регулируемых государством новых форм связи как между относительно самостоятельными предприятиями, так и между этими предприятиями и деревней, к созданию особого рода рынка. Но большевики в то время вообще не разделяли тенденции возрождения рыночных отношений и поэтому отнеслись отрицательно к самой возможности возникновения и такого рынка. Они этого вопроса «совершенно не ставили»[64]: ведь социализм в его окончательном виде мыслился как строй безрыночный.

Весной 1918 г. Ленин видел, что идет обособление производственной деятельности. Каждая фабрика, артель и земледельческое предприятие являются теперь в смысле демократических основ Советской власти самостоятельной коммуной с внутренней организацией труда[65]. Новые субъекты производственных отношений определены. Но как будут строиться взаимоотношения между ними? Кто и что будет определять результаты их практической деятельности и в повышении производительности труда, и в экономии человеческого труда, сбережения ресурсов? Обезличенный рынок? Нет. Теперь, пишет Ленин в «Очередных задачах Советской власти», когда фабрики и заводы почти перестали быть частной собственностью и перестанут быть таковой в самом ближайшем будущем, гигантское значение приобретает «сила примера» трудовой коммуны, «решающего лучше, чем какие бы то ни было другие способы, ор-

---

[60] См. Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва, с. 56.
[61] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 192.
[62] Там же, т. 35, с. 411.
[63] Там же, т. 36, с. 218.
[64] Там же, т. 44, с. 199.
[65] См. там же, т. 36, с. 147—148.

ганизационные задачи»[66]. Причем сила примера должна стать «в первую голову моральным, а затем — и принудительно вводимым образцом устройства труда в новой Советской России»[67]. Роль сравнения результатов возьмет на себя пресса, статистика.

Какой механизм будет действовать в таком случае в отношении нерентабельных предприятий, не поддающихся «силе примера»? Ленин предусматривает и этот вариант: они будут выдвигаться на черную доску социалистическими партиями и будут либо переводиться в разряд «больных» предприятий, которые придется лечить путем особых мер, либо будут переведены в разряд штрафованных, которые подлежат закрытию, а их участники — определенной каре по приговору народного суда[68]. Ставится также вопрос о том, что социализм не устраняет соревнования в экономической области, но отказывается от конкуренции, являющейся лишь извращенной формой соревнования[69]. Но в постановке вопроса отсутствовало четкое понимание того, как будет работать этот рычаг в его «не зверских, а в человеческих формах», что будет побуждать «самоуправляющиеся коммуны» действовать так, а не иначе.

В целом большевики ориентируются на регулирование экономической жизни из одного центра, на сужение сферы действия рыночных отношений, иными словами — на прямое огосударствление. Эта идея уводила некоторых большевиков далеко влево. Правда, реальный процесс еще не вывел большевиков на действительно тотальное огосударствление. Возможности поиска у них сохранялись.

Но если экономическая жизнь регулируется из одного центра, если рынок не действует, то что же могло побуждать рабочих эффективно управлять производством и государством, стимулировать высокую производительность труда? Их классовая сознательность?

Чрезмерное упование на сознательность рабочих действительно было характерно для большевиков в то время. Многие из них считали, что «использование самым глубоким образом нарастающего сознания масс» должно стать основой движения к новому строю, источником «главнейших доходов»[70]. Речь, конечно, не шла только об уповании на голую сознательность. Да и реальная действительность отнюдь не вселяла в этом отношении больших надежд. Значит, государство должно было заставить рабочих работать в их же собственных интересах. Но, вставая на этот путь, государство неизбежно должно было не уменьшить, а в определенном смысле увеличить меру отчуждения трудящихся от средств производства и встать на путь непосредственных отношений «государство — работник», на путь убеждения и принуждения, которое в перспективе должно было приучить людей хорошо работать. Материальный интерес включается в новую систему координат, но включается лишь в индивидуальной форме. Само же производство организовано по другому принципу: в реальной экономике участвует не отдельный человек, а группы, коллективы людей. И вот это опосредующее звено группового интереса, в том числе и материального, выпадает из рассуждений. Теряется важнейшая связующая нить между интересами личности и интересами государства, и на место опосредующего группового интереса неизбежно ставится принуждение.

Идея группового материального интереса, который соотносился бы с реальными формами организации промышленности, где субъектом деятельности являются все-таки коллективы предприятий, в рассуждениях большевиков отсутствовала. Складывается разрыв между экономическими интересами рабочего класса и их политической деятельностью.

[66] Там же, с. 148—149.
[67] См. там же, с. 148.
[68] См там же, с. 149.
[69] См. там же, с. 150—151.
[70] См. Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва, с. 147.

Может ли в таких условиях кухарка научиться управлять государством, а рабочий — своим собственным предприятием? И вообще можно ли население страны каким-то образом отучить от рыночных отношений, от купли-продажи и перевести процесс регулирования этих экономических взаимоотношений в иную плоскость, контролируемую государством?

В самой большевистской партии были силы — «левые коммунисты»,— которые активно противились предложениям Ленина, касающимся политики в отношении труда и заработной платы, постепенности национализации торговли и промышленности, соглашения с капиталистами и т. д. Они осудили эти предложения как открывающие путь к господству финансового капитала, к развитию бюрократической централизации, к лишению местных Советов независимости, к отказу от идеи «государства-коммуны». Опасения эти имели реальные основания. Но ведь и Ленин был прав, когда настаивал на том, что в мучительном переходе от капитализма к социализму главная забота — отстоять промышленность и наладить производство путем использования опыта капитализма [71].

А может, нереальный в конкретной обстановке весны 1918 г. отказ «левых коммунистов» от любого компромисса со старым порядком и требование максимальной национализации и социализации производства содержал в себе конструктивный теоретический заряд на перспективу? «Левые коммунисты» ориентировались на децентрализацию управления, на производственную демократию. Однако, поскольку в их представлениях (так же, как и у сторонников Ленина) отсутствовала идея рынка, оставалось совершенно неясным, что будет побуждать рабочих, самостоятельно управляющих предприятиями, хозяйствовать целесообразно, что будет измерителем тех или иных экономических действий. И «левые коммунисты» уповали не на реальные интересы рабочих, а на их сознательность и отчасти на принуждение. И они не схватили сути стихийного процесса массового творчества — выход на новую форму рынка, в частности на основе коллективного распоряжения собственностью.

В итоге весной 1918 г. в рамках партии не сложилось альтернативной программы, которая бы в принципе соотносила социалистический идеал с рынком. Рынок отвергался и «левыми коммунистами», и теми, кто шел за Лениным. Первые схватили лишь внешние формы стихийного процесса («производственная демократия»), способного привести к тому, что между национализированными предприятиями, поступившими в производственное пользование трудовых коллективов, установились бы рыночные формы связи. Ленин ухватил необходимость и целесообразность обучения у капиталистов, использования госкапиталистических форм. Однако ни у тех, ни у других не было соотнесения перспектив движения с рынком Именно в этой сфере в период мирной передышки весны 1918 г., пожалуй, было сделано меньше всего, причем в тот момент, когда национализация еще не была завершена и даже наполовину не состоялась, когда проблема рынка стояла чрезвычайно остро. Дилемма «огосударствление» или «анархо-синдикализм», по сути дела, разрешалась как антагонистическое противоречие. В данном случае это предрешило судьбу «анархо-синдикализма». Действительный путь, тот, на который только сегодня выходит общество, заключается не в уничтожении одной из этих противоположностей, не в их абсолютизации, а в том, что Ленин называл соединением противоположностей. В апреле 1918 г., на понимание этой идеи выйти не удалось. Развал промышленности толкал на путь ужесточения военно-хозяйственной централизации; экономический кризис в сочетании с «безрыночной» доктриной — в сторону огосударствления. В анархо-синдикалистской волне, захлестнувшей промышленность, было гораздо больше «анархии», чем «синдикализма».

(Продолжение следует)

[71] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 140, 190.

«НЕПЕРСПЕКТИВНАЯ» ДЕРЕВНЯ: ОТ ДОМЫСЛОВ К ИСТИНЕ

И. В. РУСИНОВ,
доктор экономических наук

Случается, что из широкого комплекса сложных, связанных между собой проблем развития сельского хозяйства высвечивается одна, на первый взгляд не определяющая, и вокруг нее разворачиваются бескомпромиссные споры. Именно такая судьба постигла на рубеже 1988—1989 гг. проблему гибели многих тысяч «неперспективных» деревень в нашей стране, причем в основном в плане резкой полемики между писателями, публицистами и учеными.

Один из зачинщиков полемики, писатель А. Салуцкий, утверждал при этом, что «анализ нашей недавней аграрной истории позволяет сделать такой вывод: путь развития села, который привел к нынешним аграрным трудностям, зародился в среде ученых и проектировщиков в конце 60-х годов, начал осуществляться на практике в 1971—1972 годах, а в 1975—1976 годах получил новое, очень солидное научное обоснование. Именно в то время сотни миллиардов рублей капиталовложений, подчиняясь рекомендациям большой науки, были инвестированы в неверном направлении...» [1].

К этому серьезному выпаду историческая, философская, экономическая науки оказались неподготовленными. Некоторые согласились с данной позицией [2], но большая часть наших видных ученых сошлась во мнении о том, что идея разделения деревень на перспективные и неперспективные была впервые обнародована в 1962 г. в изданных ЦНИИЛ градостроительства «Методических указаниях по составлению схем планировки сельскохозяйственных регионов» [3]. На самом же деле, как нам представляется, все обстояло совершенно иначе.

* * *

Еще в начале 50-х годов была выдвинута идея создания на селе так называемых агрогородов. Р. Медведев в своей работе «Н. С. Хрущев. Политическая биография» обратился к статье Хрущева, опубликованной в «Правде» 4 марта 1951 г. Говоря о реакции на закрытый циркуляр ЦК, где объявлялась ошибочной содержащаяся в статье идея развертывания строительства агрогородов, Р. Медведев пишет: «Он (Хрущев.— *И. Р.*) был уязвлен, но ему не оставалось ничего, как признать ошибку. Только много позднее Хрущев добился отмены обвине-

---

[1] Салуцкий А. «Сценарий будущего» и его судьба.— Московская правда, 19 января 1989 г.

[2] См., например: Староверов В. О монополизме в науке и необходимости отваги.— Московская правда, 5 февраля 1989 г.

[3] См. Богомолов О., Никонов А., Шаталин С., Бунич П., Петраков Н., Гордон Л., Римашевская Н., Ядов В. Перестройка и нравственность.— Советская культура, 14 февраля 1989 г.

ний, содержащихся в циркуляре ЦК 1951 года. Но к идее «агрогородов» он уже никогда не возвращался»[4].

С этим утверждением, однако, нельзя согласиться. Если вопросами укрупнения колхозов Хрущев не переставал заниматься в союзном масштабе с 1950 г., то к строительству агрогородов и, естественно, необходимому при этом сселению «неперспективных» деревень он фактически активно приступил в 1957 г., сразу после вывода из Президиума ЦК и Центрального Комитета КПСС Г. М. Маленкова, Л. М. Кагановича, В. М. Молотова, не разделявших его взгляды по данному вопросу. Логика представлений Хрущева о повышении уровня обобществления производства, коммунистическом будущем села вела к укрупнению колхозов, совхозов и органически связанному с этим строительству на селе крупных объектов производственного и непроизводственного назначения со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая и ликвидацию так называемых «неперспективных» деревень.

Но сама идея создания агрогородов принадлежит не Хрущеву. Многие историки и экономисты, говоря об альтернативе сталинской коллективизации, обычно — и вполне справедливо — ссылаются сегодня на труды А. В. Чаянова, Н. Д. Кондратьева, в которых защищались ленинские принципы добровольности, последовательности, долговременности в осуществлении кооперирования сельского хозяйства. Но во второй половине 20 — начале 30-х гг. в научном мире широко обсуждалась и другая альтернатива: довольно скорое по времени создание аграрно-индустриальных комбинатов (АИК) и индустриально-аграрных комбинатов (ИНАК). И в том и в другом случае их внутренняя структура представлялась в двух вариантах: при первом допускалось сохранение хозяйственной самостоятельности (очевидно, урезанной) колхозов, совхозов, строительных организаций, предприятий по переработке сельхозсырья и продукции, а также энергетических мощностей, культурно-бытовых учреждений. Имелось в виду установление между ними партнерских взаимоотношений. Второй вариант подразумевал, что все объединяемые хозяйства будут управляться из единого центра: иметь единый промфинплан и баланс, централизованные учет и отчетность. В этом случае АИК и ИНАК должны были представлять собой обобществленное крупное предприятие, а отдельные колхозы и совхозы исчезали совсем.

С 1926 г. эти вопросы постоянно обсуждались и дискутировались в журнале «На аграрном фронте», в газетных статьях и брошюрах. В 1931 г. Аграрный институт Коммунистической академии и Научно-исследовательский колхозный институт издали книгу Я. Никулихина «Индустриализация сельского хозяйства СССР». Тогда же Сельхозгиз выпустил книгу А. Алова-Лапскера «Аграрно-индустриальные комбинаты». В обеих книгах речь шла о создании подобных комбинатов и организации их деятельности[5]. «Вместо двух десятков миллионов крестьянских хозяйств, вместо 150—200 тыс. главным образом мелких колхозов и нескольких тысяч совхозов,— писал Никулихин,— мы можем иметь в начале 1940-х гг. всего только несколько тысяч крупных индустриально-аграрных и агроиндустриальных комбинатов»[6]. Трудно представить себе, сколько сотен тысяч сел и деревень оказались бы в таком случае «неперспективными» и подверглись разрушению, сколько бы миллионов крестьянских дворов стронулись с насиженных мест фактически за десяток лет. О необходимых при этом огромных средст-

[4] Медведев Р. Н. С. Хрущев. Политическая биография.— Дружба народов, 1989, № 7, с. 139.

[5] См. Семин С. И. Экономические основы аграрно-промышленных комплексов. М., 1973, с. 69.

[6] Никулихин Я. Индустриализация сельского хозяйства СССР. М.—Л., 1931, с. 85.

вах на капитальное строительство тогда никто не задумывался. Считалось, что у крестьян они есть.

Но, по-видимому, эти идеи не были поддержаны руководством партии и страны. Вместо намечавшегося создания в 1930 г. более 300 аграрно-индустриальных комбинатов фактически были созданы лишь единицы [7].

В 1933—1949 гг. колхозы страны были весьма стабильными по своим размерам и относительно небольшими предприятиями. Они объединяли в среднем по стране жителей одной-двух деревень, 70—80 колхозных дворов и около 600 га пашни [8]. Это, в общем, отвечало требованиям примерного Устава сельскохозяйственной артели, утвержденного СНК и ЦИК СССР 1 марта 1930 г. В те годы партия контролировала этот процесс. В постановлении ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» отмечалось: «Нарушается Устав сельскохозяйственной артели... где прямо сказано, что батраки, бедняки и середняки *такого-то села* (подчеркнуто нами.— *И. Р.*) *«добровольно* объединяются в сельскохозяйственную артель» [9]. Думается, что прежде всего именно на этой основе мог развиваться органически единый тип коллективного хозяйства, накрепко связанный и с землей, и с местожительством крестьян и имевший немалые перспективы развития в плане самоуправления и коллективного творчества масс. XVI съезд партии осудил создание «под видом колхозов-«гигантов» безжизненно-бюрократических организаций, построенных на началах командования» [10].

Конечно, колхозная деревня была деформирована в условиях господства административно-командной системы управления в стране уже в 30-е годы. Но думается, что сохранение стабильности размеров сельскохозяйственных артелей вплоть до конца 40-х годов помогло избежать еще бóльших бед в сельском хозяйстве, а может быть, и скоротечного разрушения деревни. Командная система не рассматривала тогда укрупнение колхозов и совхозов в качестве необходимого средства подъема их экономики и решения продовольственной проблемы. И даже в первые послевоенные годы, когда встала задача укрепления разрушенных войной и обезлюдевших колхозов, партия и правительство не пошли по пути их массового укрупнения.

Однако к началу 1950 г. предостережения на сей счет были забыты отдельными партийными лидерами, что не сразу получило должную оценку со стороны всего верхнего эшелона власти. В аграрной политике все явственнее начинала пробиваться идея необходимости укрупнения сельскохозяйственных артелей путем их слияния. 30 мая 1950 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле» [11]. Это постановление, как показывает анализ выступлений Н. С. Хрущева в тот период, отразило его взгляды и, как можно предполагать, готовилось при его активном участии.

Уже вскоре после своего избрания первым секретарем МГК и МК КПСС (декабрь 1949 г.) Хрущев развернул бурную деятельность по укрупнению колхозов, которая, очевидно, и отразилась в постановлении ЦК. В пользу данного предположения свидетельствует его выступление 7 марта 1950 г., то есть за 3 месяца до принятия постановления, перед избирателями Калининского избирательного округа Москвы. В нем Хрущев весьма подробно рассказал об уже проводимой

[7] См. Семин С. И. Указ. соч., с. 73.
[8] См. Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. М., 1960, с. 58—59.
[9] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. 9-е изд., доп. и испр. М., 1984, с. 102.
[10] Там же, с. 163.
[11] См. там же, т. 8. М., 1985, с. 214—217.

в этом плане работе в сельском хозяйстве столичной области. «Преимущество крупного хозяйства,— говорил он,— доказано учением Ленина и Сталина и блестяще подтверждено богатым опытом колхозов (когда? — *И. Р.*). Только крупное колхозное хозяйство имеет все возможности наиболее рационально применять машины, широко использовать достижения науки, применять удобрения, подымать производительность труда, развивать все отрасли колхозного производства и давать наибольшее количество товарной продукции»[12]. Далее следовали отдельные примеры. Среди них особо выделялся колхоз «Труд» Загорского района Московской области, который объединил 14 (!) сельскохозяйственных артелей и стал, «естественно», работать лучше. Но анализа, подтверждающего эффективность, целесообразность развернувшегося процесса укрупнения, в речи не было, да и не могло быть. Ведь шел всего третий месяц новой кампании.

Н. С. Хрущев отождествлял процессы укрупнения хозяйств с социалистическим обобществлением труда и производства. Он мог, например, констатировать, что если на молотилке «МК-1100» требуется единовременно работать 26—30 колхозникам, то использовать ее в «мелком» хозяйстве невыгодно[13]. Но при этом игнорировал возможность замены ее менее трудоемкой или даже автоматической молотилкой. Тем более он был далек от идей интеграции или межхозяйственной кооперации на уровне небольших самостоятельных предприятий. Именно Хрущев стал, по сути, проводником того второго варианта организации АИК или ИНАК (выражаясь терминами 30-х годов), который предполагал полную утрату самостоятельности входящих в них предприятий, колхозов, совхозов при их слиянии, укрупнении.

Надо сказать, что И. В. Сталин и тем более Г. М. Маленков, видимо, поддавшиеся в 1950 г. «простоте» варианта решения задачи подъема колхозного производства, предложенного Хрущевым, очень скоро от этого фактически отреклись. Первый из них в «Экономических проблемах социализма в СССР» (1952 г.) вообще не коснулся данного вопроса. Ссылаясь на ленинский «кооперативный план», он говорил о необходимости «развивать всемерно индустрию и подвести под колхозы современную техническую базу крупного производства, причем *не экспроприировать их* (подчеркнуто нами.— *И. Р.*), а, наоборот, усиленно снабжать их первоклассными тракторами и другими машинами»[14]. Ни в коем случае не идеализируя позицию Сталина, высказывавшегося о невозможности продажи техники МТС колхозам и исходившего из представления о переходе в перспективе к прямому продуктообмену между городом и селом, следует в то же время напомнить, что поглощение колхозного сектора государственным он воспринимал именно как экспроприацию колхозов[15].

Еще более решительная позиция по рассматриваемому здесь вопросу содержалась в Отчетном докладе XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), с которым выступил Маленков. Среди недостатков в руководстве сельским хозяйством прежде всего отмечалось, что «отдельные наши руководящие работники, особенно в связи с проведением укрупнения мелких колхозов, допускали неправильный, потребительский подход к вопросам колхозного строительства. Они предлагали форсированно осуществить массовое сселение деревень в крупные колхозные поселки, пустить все старые колхозные постройки и дома колхозников на слом и создать на новых местах крупные «кол-

[12] Хрущев Н. С. Речь на собрании избирателей Калининского избирательного округа города Москвы 7 марта 1950 года. М., 1950, с. 18.
[13] См. там же.
[14] Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952, с. 14.
[15] См. там же, с. 17.

хозные поселки», «колхозные города», «агрогорода», рассматривая это как важнейшую задачу организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Ошибка этих товарищей состоит в том, что они забыли о главных производственных задачах колхозов...» [16]. Это вполне определенная позиция, резко контрастирующая с точкой зрения Хрущева. В том же докладе ставилась задача «обеспечивать дальнейший рост материального благосостояния колхозного крестьянства» [17].

Потребовались решения сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, чтобы осуществление этой задачи обрело реальную основу. В постановлении Пленума намечалось «в течение двух-трех лет повысить обеспеченность всего населения нашей страны продовольственными товарами и вместе с тем обеспечить всей массе колхозного крестьянства более высокий уровень материального благосостояния» [18].

Однако уже в докладе 23 февраля 1954 г., то есть всего спустя полгода, Хрущев говорит о необходимости в ближайшие 2—3 года «в достатке удовлетворить растущие потребности населения нашей страны в продовольственных продуктах и обеспечить сырьем легкую и пищевую промышленность» [19]. Как видим, во втором случае изменилась целевая установка аграрной политики: «выпало» важное положение о повышении материального благосостояния колхозников. В дальнейшем как одно из звеньев намечаемой программы рассматривалось укрупнение колхозов и совхозов, строительство крупных сельских поселков по городскому типу и связанная с ним борьба с «неперспективными» селами и деревнями.

Исходной посылкой массового сселения в связи с этим так называемых мелких деревень, не говоря уже о хуторах, стало укрупнение колхозов. Начатое еще в 1950 г., оно развивается форсированно. Выделение вплоть до 1965 г. каких-то этапов этого сселения представляется все же надуманным. Укрупнение происходило постоянно, хотя, очевидно, и неравномерно. Качественные изменения, вызванные этим процессом, постепенно нарастали, преобразуя всю производственную и социальную инфраструктуру села.

Заметим, что в 1933—1949 гг. распределение колхозов по числу колхозных дворов было весьма стабильным. Так, удельный вес колхозов, имеющих по 100 колхозных дворов, сократился за это время с 76,8% до 74,8%. В 1950 г. (начало укрупнения колхозов) эта цифра составляла уже 36,9%, в 1953 г.— 21,4%, в 1959 г.— 10,7% и, наконец, в 1965 г.— 4,3%. Затем этот процесс несколько замедлился. Наоборот, удельный вес колхозов, имеющих свыше 300 дворов, в период с 1933 по 1949 г. понизился с 2,9% до 2,2%. Но уже в 1950 г. возрос до 13,9%, в 1953-м составил 21,5%, в 1959 г.—44,3%, а в 1965-м — 57,8% и, наконец, в 1970-м — 59,4% [20].

Надо полагать, что именно в 1950—1953 гг. начал разрушаться артельный тип коллективного хозяйства, накрепко связанный и с землей, и с местожительством крестьян и имевший при благоприятных условиях немалые перспективы развития. Причем все это сопровождалось нарушением принципа добровольности. Особенно интенсивно шло укрупнение в 1957—1960 гг., когда с лица земли ежегодно исчезали около или более 10 тыс. укрупненных ранее колхозов. Последние приобретали новое качественное состояние — специализированных или аг-

[16] Маленков Г. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). 5 октября 1952 г. М., 1952, с. 55.
[17] См. там же; см. также с. 57, 69, 78 и др.
[18] КПСС в резолюциях и решениях..., т. 8, с. 304.
[19] Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 1. М., 1962, с. 228.
[20] См. Сельское хозяйство СССР. М., 1960, с. 53; Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. М., 1971, с. 490. (Подсчет автора.)

ропромышленных комплексов. В 1963 г. осталось всего около 39,5 тыс. колхозов против 123,7 тыс. в 1950 г. и 236,9 тыс. в 1940 г.[21]. «Программа», предвосхищенная еще Я. Никулихиным, вступала в свою завершающую стадию. При этом указание В. И. Ленина о том, что «превосходство крупного производства в земледелии имеет место лишь до известного предела» [22], было предано забвению.

Это укрупнение колхозов, очевидно, не было проявлением концентрации производства, каким его обычно представляли официально. В объединенных колхозах не существовало единой организации земельной территории, продуктивный скот размещался во многих населенных пунктах относительно мелкими группами, как правило, в не предназначенных специально помещениях. Сами колхозы охватывали нередко не один десяток населенных пунктов, часто удаленных друг от друга на многие километры. Порой они укрупнялись до границ целого административного района, якобы в интересах облегчения управления.

Руководство объединенных колхозов отдалялось от масс, а самую демократичную и, очевидно, эффективную форму управления артели — общее собрание колхозников — пришлось «для пользы дела» заменить собранием их представителей. Оперативность решений, принимаемых такими собраниями, упала. Пошатнулись основы самой колхозной формы хозяйствования, собственности. Проводимая при укрупнении централизация организационной и инженерной служб сорвала их с конкретных производственных участков, переместив в центр хозяйств. Вместе с техникой и без нее люди стали уходить от своих полей, пастбищ, скота, бросали родные деревни. Эффективность производства в подавляющем большинстве укрупненных хозяйств упала и была в целом наиболее низкой. Колхозы же относительно небольших размеров в разных регионах страны (за немногими исключениями) имели наиболее высокий уровень сельскохозяйственного производства и наивысшие темпы его роста [23].

Укрупнение коснулось и совхозов. В 1954—1962 гг. их размеры увеличились в среднем примерно в три раза. Наши исследования тех лет показали, что на рубеже 50—60-х годов наиболее крупные совхозы, особенно нуждавшиеся в дополнительных средствах для углубления специализации и концентрации производства, совершенствования землепользования, развертывания жилищного строительства, получали в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий относительно меньшие суммы капитальных вложений, чем остальные. Они распределялись, как правило, по принципу «каждому Сеньке по шапке», независимо от того, каков совхоз. Между тем в Ленинградской области различия в размерах совхозов достигали семикратной величины. Убыточность их возрастала по мере укрупнения. В той же последовательности ухудшались результаты и всей их деятельности [24]. Крупные и крупнейшие совхозы особенно слабо вели жилищное и культурно-бытовое строительство. Их обеспеченность непроизводственными основными фондами и кадрами была значительно ниже, чем в остальных, что во многом объяснялось отливом людей при организационной ломке хозяйств.

Как известно, одновременно осуществлялось массовое преобразование колхозов в совхозы. Официальная версия: по решению общих собраний колхозников с целью использовать преимущества более зрелой формы собственности для совершенствования управления и ускорения

[21] См. Сельское хозяйство СССР. М., 1960, с. 50; Сельское хозяйство СССР. М., 1971, с. 479.

[22] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 111.

[23] См. Оптимальные размеры колхозов. М., 1970, с. 30, 31.

[24] См. Хозяйственный расчет в колхозах и совхозах. М., 1965, с. 241—242. (Подсчет автора.)

развития сельскохозяйственного производства. Но выглядит эта версия весьма неубедительно.

В самом деле, объясним ли такой феноменальный взрыв «сознательности» колхозников: в 1956—1960 гг. было преобразовано в совхозы почти в 12 раз больше колхозов в среднегодовом исчислении, нежели в 1955 г., а затем — значительно меньше[25]. Притупилась сознательность? Дело было не в этом. Прокатилась очередная кампания, а найти ей объяснение можно было всегда.

Нас пытались уверить тогда в том, что колхозники сами стремились преобразоваться в рабочих совхозов, поскольку в этом случае они получали бы гарантированную оплату труда и пользовались государственным централизованным пенсионным обеспечением, чего в колхозах тех лет еще не было. На самом деле пути укрепления колхозного строя и в целом социального развития деревни деформировались вовсе не по желанию самих колхозников, а в угоду догмам, утверждающим сверхэффективность «крупнопромышленного» типа производства, якобы связанного с ним упрощения управления сельским хозяйством и огосударствления ради этого всего и вся.

Такого рода укрупнения и реорганизации, как и следовало ожидать, обернулись трагедией для села. Жители тысяч деревень лишались перспектив стать подлинно самоуправляемыми коллективами, а рабочие места́ большинства из них теперь оказывались разбросанными, как правило, по всему массиву укрупненного колхоза или совхоза. Таким образом, «объективно» вставал вопрос о строительстве крупных центральных усадеб и «неперспективности» подавляющего числа сел и деревень.

Все это требовало коренной перестройки производственной и социальной инфраструктуры села. Управлять из одного центра (а иного командная система не допускала) работой жителей многих, порой десятков деревень, ферм было весьма трудно, если не невозможно. Немалые опасности таила теперь и многозвенная система управления в условиях отсутствия хозрасчетных отношений, но не меньшие — перспектива укрупнения сел, ферм и соответственно изменения севооборотов. Это вело к фактическому обесценению основной массы существующих жилых, животноводческих построек, требовало практически полного обновления основных производственных и непроизводственных фондов, крупных капиталовложений. Ликвидация же многих населенных пунктов вела фактически к забросу отдаленных сельскохозяйственных, в том числе пахотных, угодий. Не случайно, если за период 1940—1963 гг. размеры колхозов по числу колхозных дворов увеличились в 5,1 раза, то по площади сельскохозяйственных угодий — лишь в 4,2 раза, а по площади пашни — в 4,8 раза[26]. Возникшая пешеходная недоступность или труднодоступность дальних угодий требовали больших затрат на дорожное строительство, перемещение техники и рабочей силы в места их нового функционирования. В то время общество не располагало необходимыми ресурсами для масштабного проведения подобных работ и тем более неспособно было осуществить их скоротечно.

В речи на Пленуме ЦК КПСС 25 декабря 1959 г. Н. С. Хрущев раскрыл программу строительства в колхозах и совхозах, разительно отличавшуюся от той, которая излагалась им на XX съезде партии, когда много и аргументированно говорилось о развертывании индивидуального строительства на селе, использовании для этого необходи-

[25] См. Тюрина А. П. Социально-экономическое развитие советской деревни. 1965—1980. М., 1982, с. 145.

[26] См. Сельское хозяйство СССР. М., 1960, с. 58; Народное хозяйство СССР в 1963 году. Стат. ежегодник. М., 1965, с. 342. (Подсчет автора.)

мых и разнообразных ресурсов [27]. Прошло менее четырех лет — и утверждалось иное. «Конечно,— отмечалось в речи,— сейчас нельзя навязывать колхозникам, например, многоэтажные дома. Они не привыкли к этому. Но нам самим надо держать курс на это, не сегодня, так завтра мы подойдем к этому вопросу вплотную. Содержание многих разбросанных жилищ обходится дороже, чем собранных в одно место». И далее: «Речь идет о том, чтобы взамен старого села, сложившегося в условиях единоличного крестьянского хозяйства, построить новое, социалистическое село», в котором «наряду с хорошими хозяйственными постройками должны быть удобные жилые дома, школы, интернаты, клубы, столовые, больницы, дома для престарелых, предприятия бытового обслуживания, бани и другие» [28]. Сама по себе идея культурно-бытового строительства на селе, разумеется, заслуживала поддержки. Но... трактовалась она, по сути, в духе прежних предложений об агрогородах. Изложение программы переустройства села завершалось следующими словами: «Вот, например, на окраине Москвы по Можайскому шоссе стоят два дома. В этих двух домах живет несколько тысяч человек. Можно построить один такой дом и разместить в нем всех жителей большого колхоза, они могли бы жить, как москвичи» [29].

Сегодня это вызывает улыбку, а тогда говорилось всерьез.

В августе 1960 г. в своей родной Калиновке Хрущев вернулся к этой идее, посоветовав «перейти от строительства маленьких домиков к строительству многоэтажных домов, но не выше пяти этажей... В будущем именно в таком направлении станут развиваться наши села» [30]. Отсюда следует, что перспектива развития индивидуального строительства на селе практически исключалась, хотя впоследствии в отдельных случаях и давались указания разумно подходить к решению этих проблем [31]. Но в целом картина жилищного строительства на селе представлялась абсолютно однозначной.

При реализации этих идей авторы районных планировок, пришедшие, как правило, из городских проектных организаций, руководствовались лишь одним критерием: относительной дешевизной квадратного метра жилплощади по сравнению с индивидуальными домами. Подобный критерий переносился и на оценку размеров ферм (ското-мест), полей севооборотов без всякого учета наличия технологического обеспечения подобной «концентрации» производства.

Такой виделась тогдашнему руководству партии и страны программа развития села. Разумеется, не только партийный лидер несет за это ответственность. Ведь предложения, направленные на ликвидацию «неперспективной» деревни, не встречали возражений ни на пленумах ЦК, ни в правительстве, ни в руководстве отраслью. Административно-командная машина работала без перебоев. Нельзя снять ответственности за происходившее и с ученых-экономистов, которые не видели или не находили в себе мужества видеть пагубность политики, приводившей к исчезновению тысяч деревень.

* * *

Как же отнеслись к данной проблеме сами руководители колхозов и совхозов? На том же, декабрьском (1959 г.) Пленуме ЦК выступил П. А. Прозоров — с 1924 г. председатель колхоза «Красный Октябрь» Кировской области, один из зачинателей колхозного движения. Как

[27] См. Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 2. М., 1962, с. 207—212.
[28] Там же, т. 4. М., 1963, с. 101.
[29] Там же, с. 102.
[30] Там же, с. 157, 158.
[31] См. там же, с. 345—346.

дисциплинированный (нужна ли такая «дисциплина»?) коммунист, Прозоров приветствовал укрупнение колхозов, в результате которого размеры его хозяйства теперь уже достигали прежней Вожгальской волости — 48 тыс. га и включали 137 (!) населенных пунктов. Он уверял, что именно благодаря этому валовая продукция сельского хозяйства объединенного колхоза возросла после 1953 г. вдвое. Комплексная бригада проектировщиков «Россовхозпроекта» уже успела разработать проектное задание застройки колхоза, по которому на всей огромной территории должно было оставаться всего 6—7 населенных пунктов с комфортабельными двухэтажными (на 8—16 квартир) и четырехэтажными (на 30—40 квартир) домами, несколько крупных ферм на 800 коров и одна на 1200. И это среди лесов, рек, речек и болот северного Нечерноземья [32]!

«Основания» все те же — относительно меньшая стоимость одного ското-места, широкие возможности механизации. Отметим, однако, что ее исходная база была просто ничтожной: доение коров (к общему их поголовью) было механизировано всего на 10% в 1960 г. и на 27% в 1965 г., раздача кормов — соответственно на 4% и 3%, а очистка помещений от навоза — на 8% и 9% [33]. Для революционного изменения положения дел в животноводстве еще не было необходимых мощностей машиностроения. Ценнейшая побочная продукция животноводства — навоз обрекался на разложение у стен животноводческих помещений, куда его едва успевали вывозить. Возникали тяжелейшие проблемы транспортных коммуникаций для подвоза кормов, вывоза продукции. Строительство подобных ферм, как показал последующий опыт, растягивалось на многие годы, если вообще когда-то завершалось. Потери капиталовложений, материалов, продукции были огромны.

И тем не менее П. А. Прозоров в выступлении на Пленуме ЦК успел кое в чем предвосхитить заключительное слово Н. С. Хрущева. Он заявил о необходимости составления схем районных планировок в стране по образцу колхоза «Красный Октябрь» как о первоочередной задаче [34]. Трудно поверить в это, но опытный колхозный вожак фактически вступал в борьбу с «неперспективными» селами. К сожалению, не только он поддался иллюзиям или не смог противостоять нажиму сверху.

...Декабрьский (1959 г.) Пленум ЦК записал в своем постановлении: «Необходимо, чтобы проектные организации сейчас приступили к разработке схем районных и внутрихозяйственных планировок. В этих схемах должны быть предусмотрены перспективы развития и специализация сельскохозяйственного производства, рациональное размещение производственных и общественных зданий, жилых массивов, электрификация, водоснабжение, дорожное строительство и связь, дальнейшее развитие населенных пунктов колхозов и совхозов» [35]. Программа проектирования и строительства агрогородов и сселения «неперспективных» деревень была практически узаконена.

При подведении итогов специальных исследований ВНИЭСХа и Института экономики АН СССР по определению оптимальных размеров социалистических сельскохозяйственных предприятий и их внутрихозяйственных подразделений, проведенных в 1961—1964 гг., его авторы констатировали, что «в целях более рационального использования капитальных вложений сельские населенные пункты по своему хозяйственному значению подразделяются на три основные группы: а) поселки

[32] См. Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, 22—25 декабря 1959 года. Стенограф. отчет. М., 1960, с. 365, 366—367.
[33] См. Сельское хозяйство СССР. М., 1971, с. 415.
[34] См. Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, 22—25 декабря 1959 года, с. 363—369.
[35] Там же, с. 440.

перспективные, в которых производится строительство зданий всех типов и полное благоустройство; б) относительно крупные поселки при крупных животноводческих фермах...; в) *неперспективные поселки, в которых не разрешается никакого нового строительства* и которые постепенно переносятся в другие»[36] (курсив наш.— *И. Р.*). Развертывание соответствующего строительства прямо связывалось с реализацией решений декабрьского (1959 г.) Пленума ЦК КПСС и предусмотренной Программой партии (1961 г.) конечной цели радикального преобразования сельских поселений — приблизить культурно-бытовые условия жизни в деревне к городским условиям[37].

К чести авторов соответствующего раздела монографии «Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий» (проф. И. А. Бородин и канд. экономич. наук В. А. Свободин) следует сказать, что они отметили много крупных недостатков в практике составления схем районных планировок: их расстыковку со спецификой сельского хозяйства и расселения, частую необоснованность перспективной специализации сельскохозяйственного производства колхозов и совхозов, увлечение гигантоманией в области проектирования и строительства сельскохозяйственных предприятий и населенных пунктов. Так, в крупном Кагарлыкском районе Киевской области проектировалось создать лишь один (!) населенный пункт. В Карпинском районе Молдавии проектировались хозяйства, втрое превышавшие оптимальные размеры. В республике предусматривалось ликвидировать такие значительные населенные пункты, как село Тырново с числом жителей 1954 человека, село Карпач — 1930 человек и др. В Ординском районе Пермской области проектировались хозяйства, имеющие по 20 тыс. га пашни[38]. И так практически по всей стране, не считаясь с особенностями земледелия в ее различных регионах.

Критикуя в заключительном слове на мартовском (1962 г.) Пленуме ЦК КПСС секретаря Смоленского обкома партии П. А. Абрасимова, считавшего необходимым электрифицировать все населенные пункты области, Хрущев утверждал, что «прежде всего надо проявить максимальную заботу об электрификации производства в колхозах и совхозах, дать энергию на молочные фермы, механизировать доение коров, приготовление кормов и другие трудоемкие процессы. Но мы не можем пока ставить задачу электрифицировать буквально все мелкие населенные пункты и хутора, которые достались нам в наследство от Столыпина —царского министра, проводившего хитрую политику укрепления царизма путем рассредоточения населенных пунктов и насаждения хуторов»[39].

«Неперспективные» деревни страны обрекались на прозябание без электричества в быту. И это в условиях широкого распространения в те годы телевидения, электробытовой и отопительной техники. Думается, что относительно быстрый рост доли дворов колхозников, пользовавшихся электричеством (но с ограничением) в 1958—1964 гг.,— с 30% до 68%[40], был в значительной степени связан с укрупнением колхозов и деревень, в центрах и перспективных поселениях которых начала концентрироваться основная часть населения. Но это еще более способствовало стиранию с лица земли многих деревень.

Аналогичная политика проводилась и по другим направлениям капиталовложений, выделяемых на производственное и социально-куль-

[36] Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. М., 1965, с. 109 (Рукопись была сдана в набор в середине 1964 г.).
[37] См. там же, с. 112.
[38] См. там же, с. 113, 114.
[39] Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 6. М., 1963, с. 468.
[40] См. Народное хозяйство СССР в 1965 г. Стат. ежегодник. М., 1966, с. 402.

турное строительство на селе. И результат ее не замедлил сказаться. В одиннадцатой пятилетке населением сельской местности было построено жилых домов за свой счет и с помощью государственного кредита в 3,7 раза меньше, чем в шестой (1956—1960 гг.). Если в шестой пятилетке на их долю приходилось 81,5%, то в одиннадцатой — всего 30,5% от объема общей (полезной) жилой площади. Объем строительства жилья в сельской местности сократился за указанный период на 28%[41]. Заметим, что если в 1953—1958 гг. происходил, хотя и медленно, среднегодовой рост численности колхозников, принимавших участие в работе колхозов (в расчете на двор),— с 1,29 до 1,33, то после этого она стала неуклонно падать: до 1,19 в 1964 г., до 1,16 в 1970 г., до 1,04 в 1980 г.[42].

Такому ходу событий способствовало и бурное развитие панельного домостроения в городах, результаты которого деревня ощутила сполна. Резко упало производство кирпича. Если в 1950—1958 гг. оно увеличилось в 2,8 раза, то к 1960 г.— лишь на 24% и после некоторого сокращения в 1963 г. превзошло уровень 1960 г. в 1965 г. на... 4%[43]. Со второй половины 50-х годов строительство небольших кирпичных заводов местного значения попросту запрещалось, многие из них стали просто-напросто жертвой нового панельного типа строительства, которое еще не скоро пришло в деревню. Она оставалась и без других нужных строительных материалов, в том числе кровельных, например, черепицы. Производство ее увеличилось с 1,8 млн. $м^2$ кроющей поверхности в 1945 г. до 28,3 млн. $м^2$ в 1955 г. и до 51,1 млн. $м^2$ в 1960 г., но сократилось в 1965 г. до 20,1 млн. $м^2$ и в 1980 г.— до 0,6 млн. $м^2$[44]. Рост производства шифера далеко не покрывал эти потери, потому что он, как и цемент, и пиломатериалы, был фондируем «сверху». Деревня осталась без местной базы производства стройматериалов.

Политика по отношению к «неперспективным» деревням продолжалась и в последующие годы, когда у руководства партией стал Л. И. Брежнев. Корни некогда могучего дерева были подрублены. Возврат к крестьянской деревне сделался практически невозможным. Это очень важно понять тем, кто сейчас готов пожертвовать колхозами ради арендаторов, фермеров. Откуда взять сегодня тем же арендаторам действительно сотни миллиардов рублей на срочное переустройство деревни, включая жилье и производственные помещения, да и как возродить растраченные в ходе этой эпопеи навыки индивидуального крестьянского хозяйствования?

15-летний, исторически скоротечный процесс укрупнения колхозов и совхозов «перемалывал» производственную и социальную инфраструктуру советской деревни и мешал нормальному ходу воспроизводства общественного сельскохозяйственного продукта. В 1965 г. в результате укрупнений 544 колхоза страны имели свыше 75 деревень, 475 — от 31 до 75, 726 — от 21 до 30, 1016 — от 16 до 20, 2613 — от 11 до 15, 7369 — от 6 до 10 деревень и т. д. Число колхозов с одним населенным пунктом составило всего 5590, или 15,4 % (здесь, конечно, наблюдались большие различия по регионам страны)[45].

Ущерб от проводимых в 1950—1965 гг. скоропалительных, неподго-

[41] См. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбил. стат. ежегодник. М., 1987, с. 509. (Подсчет автора.)

[42] См. Сельское хозяйство СССР. М., 1960, с. 52, 450; Сельское хозяйство СССР. М., 1971, с. 479; Народное хозяйство СССР в 1980 г. Стат. ежегодник. М., 1981, с. 254. (Подсчет автора.)

[43] См. Народное хозяйство СССР. Стат. сборник. М., 1956, с. 58; Народное хозяйство СССР в 1963 г., с. 183; Народное хозяйство СССР в 1965 г., с. 217. (Подсчет автора.)

[44] См. Народное хозяйство СССР в 1965 г., с. 219; Народное хозяйство СССР за 70 лет, с. 185.

[45] См. Народное хозяйство СССР в 1965 г., с. 405, 412. (Подсчет автора.)

товленных мероприятий по укрупнению колхозов, совхозов, строительству агропромышленных комплексов и сселению деревень был колоссален и многолик. Миллионы крестьян были поставлены перед фактом предстоящего или действительного разрушения их хозяйств.

Из укрупнения колхозов делались и поспешные выводы об изменении районирования. Так, в одной из речей (1962 г.) Хрущев утверждал: «Не ясно ли, что в этих условиях (значительного укрупнения колхозов.— *И. Р.*) административное деление на мелкие районы утрачивает свое значение... Сложившееся районирование ныне уже себя изжило... Производственные управления (которые были созданы накануне.— *И. Р.*), видимо, и станут основой нового административного деления области, края, республики»[46]. И все это говорилось под аплодисменты. Решение сложнейшего комплекса проблем территориального районирования подменялось при этом чистейшим администрированием с самой утилитарной целью: «В производственных управлениях имеются инспектора-организаторы, за ними закреплены определенные колхозы и совхозы. Инспектора-организаторы несут ответственность за состояние производства»[47]. В поисках структурного подразделения, умеющего все организовать и ответить за все участки производства в колхозах и совхозах, командная система разрушала не только сельскохозяйственные предприятия, но и районирование страны.

К «неперспективным» деревням в одночасье прибавились и «бесперспективные» райцентры. В то время нередко можно было наблюдать едва ли не паническую эвакуацию отсюда аппарата советских и партийных органов со всеми их атрибутами и недоумевающие, тревожные лица остающихся в безвестии относительно своей судьбы жителей бывших райцентров.

Не уверен, что нынешнее поколение историков сможет доподлинно воспроизвести все происходившее в те годы.

Влияние чисто производственных факторов на судьбы деревни тех лет здесь специально не рассматривается. Оно было также негативным[48].

* * *

На рубеже 50—60-х годов победу в сельскохозяйственной политике одержал волюнтаризм. Это обернулось тяжелыми последствиями для семилетки 1959—1965 гг., когда объем валовой продукции сельского хозяйства возрос по отношению к уровню 1958 г. не в 1,7 раза, как намечалось, а всего на 11,5%, то есть в 6 раз меньше, чем по плану, в среднегодовом исчислении (почти в той же пропорции увеличилось за эти годы население страны). Прирост валовой продукции к предшествующему году в 1953—1958 гг. в среднегодовом исчислении составил 44,5 млрд. руб., а в 1959—1964 гг. лишь 13,6 млрд. руб., то есть уменьшился более чем в три раза. При этом на рубль прироста валовой продукции приходилось в 1953—1958 гг. 0,56 руб. капиталовложений, а в 1959—1964 гг.— уже 3,3 руб.[49]. Такова была цена перестройки села. Тогда и начался здесь марш затратной экономики.

В последующем программы социального развития села не выполнялись, а значит, разрушенное возобновлялось лишь частично. И, справедливо заметила председатель передового колхоза «Победа» Гомель-

---

[46] Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 7. М., 1963, с. 63.

[47] Там же, с. 59.

[48] См. об этом подробнее: Вопросы истории КПСС, 1988, № 9, с. 35—49.

[49] См. Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 3, М., 1962, с. 323; Народное хозяйство СССР в 1965 г., с. 7, 260, 536. (Подсчет автора.)

ской области Н. И. Трус, «деревня без тыла (а это прежде всего нормальные условия для нормальной жизни) — уже давно не работница, а сегодня — тем более... Чтобы ожить, надо прежде всего выжить... Будь моя воля, я бы все силы и средства (понимаю, они давно на пределе возможного, и все же нет иного пути) бросила на сельское строительство. На укрепление сельских подрядных организаций... На создание крепких сельских строительных кооперативов при одном незыблемом условии — у них не должно быть ни малейших проблем со снабжением стройматериалами, причем по госценам, а не втридорога»[50].

Село устало от экспериментов, непрерывного командования, некомпетентного вмешательства, шараханья из стороны в сторону. Нам представляется, что оно еще не готово в настоящий момент для массового внедрения фермерских, арендных или индивидуальных крестьянских хозяйств. Однако уже сегодня (и это закономерно) создается база для их развития, основу которой в юридическом плане заложили принятые Верховным Советом СССР Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о земле[51].

Наше сельское хозяйство страдало, как правило, не от нехватки реформ, а от неумения руководства разных уровней прислушаться к голосу масс. Этот недостаток присущ и современной экономической науке, аграрной политике. При таком положении вещей реформаторство сверху вольно или невольно вело и ведет к безответственности аппарата, ибо само по себе создает видимость активной его работы. Так было во время «великого» десятилетия Н. С. Хрущева, так может оказаться и ныне. И тогда совершенно справедливо на первый план выдвигалась программа предоставления хозяйственной самостоятельности колхозам и совхозам, то есть раскрепощения крестьянства, создания экономического механизма само- и централизованного управления (что, заметим в скобках, в принципе не исключало, а скорее предполагало возможность выделения индивидуальных крестьянских хозяйств и, во всяком случае, создавало реальную основу для перевода колхозов и совхозов на подлинный хозрасчет). Но ленинский лозунг «Не сметь командовать!» неизменно рушился под прессом аппаратного девиза «Мы за добровольность! Но не допустим стихии!». И снова начиналось руководящее творчество аппарата, которое не изжито и сегодня.

Не колхозы и совхозы виноваты, что желание крестьянина быть хозяином на земле, жить «по всем крестьянским правилам» оставалось нереализованным, что сегодня после многократных экспериментов они оказались, как правило, разбалансированными по основным видам своих ресурсов: трудовых, материально-технических, финансовых. Практически всем не хватает современной техники, многим — средств. Стали реальностью явные. порой труднопреодолимые диспропорции между наличием земли и рабочей силы, скота и кормов. Этому особенно способствовала односторонняя специализация хозяйств. Надо поэтому ясно видеть, что предоставление хозяйственной самостоятельности колхозам и совхозам — не изначальная акция перестройки, а один из ее решающих результатов, достижение которых стало бы немыслимым без их делового контакта с развивающимися фермерскими хозяйствами, внедрения арендных коллективов. Естественно, что предоставление колхозам и совхозам хозяйственной самостоятельности может сопровождаться их разукрупнением и, во всяком случае, будет связано с серьезной ломкой структур посевов, выбраковкой части скота, продажей ненужной техники, консервацией значительных массивов земель. Только на таком пути могут быть созданы действительно жизнеспособные

[50] Савельева Л. Последние из крестьян.— Известия, 12 октября 1989 г.
[51] См. Правда, 7 марта 1990 г.

колхозы, совхозы, кооперативы, имеющие возможность (и обязанные) работать на принципах хозрасчета, самоокупаемости и могущие накормить население страны уже в ближайшем десятилетии.

Продавать, передавать или сдавать в аренду вновь образуемым крестьянским хозяйствам, как нам представляется, следует именно те излишки ресурсов, которые не смогут быть использованы в общественных хозяйствах. Этот путь способствовал бы уничтожению изживающего себя ненормального явления — так называемого шефства города над деревней в разных сферах сельскохозяйственной деятельности. Вопросы о внутрихозяйственных формах организации производства должны решать лишь сами колхозы и совхозы.

Но только на этом пути еще не удастся использовать все ресурсы, особенно землю, а тем более возможности развития индивидуального крестьянского (фермерского) хозяйства, арендных коллективов. Здесь немалую роль должно сыграть незамедлительное превращение бывшего Минводхоза СССР из пожирателя народных денег в подлинно строительную, подрядную организацию на селе. Именно она должна заняться активной консервацией потенциальных и реальных излишков пашни и других сельскохозяйственных угодий, способствуя коренному улучшению земель, повышению их плодородия, созданию культурных лугов и пастбищ. Пора уже покончить с мелиоративными системами со 100-летним (!) сроком окупаемости вместо 3—5 лет по плану.

Как подчеркнул XXVIII съезд КПСС, революционная перестройка общества, решение продовольственной проблемы невозможны без коренного улучшения положения крестьянства, всей деревни. «Необходимо развивать многообразные формы собственности, утверждать право крестьян на владение землей, выбора способа хозяйствования на основе добровольности, способствовать обеспечению полной самостоятельности и равных экономических условий колхозам, совхозам, крестьянским и личным хозяйствам, арендным коллективам...»[52] — сказано в резолюции съезда «О положении крестьянства и реализации аграрной политики КПСС».

Еще недавно председатель горьковского колхоза имени Ленина делегат XIX Всесоюзной конференции КПСС М. Г. Вагин, видимо, поддавшись настроению части ученых и аппаратных работников, писал о том, что колхозник, не желающий хорошо работать, «строит козни соседу-арендатору: портит технику, посевы, подливает в молоко химикаты или керосин». Тогда он высказался за то, что надо «всеми силами и средствами» формировать крестьянина-фермера. А смысл существа будущих колхозов и совхозов сводил лишь к созданию ими благоприятных условий для хозяйствования фермеров-арендаторов[53]. Но уже через полтора года он решительно отмежевался от этой, разумеется, ошибочной позиции и в статье «Гляжу на наше поколение» твердо сказал: «Колхоз... по своей природе предприятие демократичное». И далее: «При всем, что грабило нас государство, давило планами, символическими ценами на продукцию, устояли, поняли великую истину. Она в том, что колхоз крестьянина раскрепощает, дает широкие возможности улучшать условия труда и быта... Развяжите нам руки, обеспечьте свободу, которую обещаете индивидуальным хозяйствам. Тогда и посмотрим, куда, за кем пойдет деревня»[54]. Добавим, деревня, которую никто уже не решится назвать «неперспективной».

[52] Правда, 13 июля 1990 г.
[53] См. Вагин М. Г. Советский фермер? Почему бы нет? — Правда, 4 июля 1988 г.
[54] Правда, 24 января 1990 г.

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ПАРТИИ (1945—1955 гг.)*

С. А. КИСЕЛЕВ,
кандидат исторических наук

До конца 30-х годов большинство людей верило, что к тому времени, когда внутриатомная энергия станет подвластна ученым, с войнами будет покончено навсегда. Поэтому атом ассоциировался с надеждой на лучезарные перспективы.

Первая волна этой научной революции подкралась незаметно, так что практически никто не понял, что произошло. Быстрота, с которой она явилась миру, привела к возникновению критической ситуации, ставшей следствием трагической случайности исторического масштаба. Деление урана было открыто как раз в то время, когда Гитлер захватил власть.

Паника охватила ученых, когда первые военные успехи Гитлера сделали вероятной возможность покорения им всех стран. Физики, эмигрировавшие из Европы, знали, что спасения не было бы, если бы фашистская Германия первой создала атомное оружие.

Однако эпилогом войны стали американские атомные взрывы в Японии. С тех пор на все надежды и перспективы человечества легла мрачная тень ядерного «гриба». В сознании людей атомная энергия связывалась уже не столько с «золотым веком», как раньше, а прежде всего со «страшным судом». Человечество давно вынесло обвинительный приговор американским бомбардировкам Хиросимы и Нагасаки.

Как отразилось появление атомного оружия на политическом мышлении? Почему эти взрывы не осветили тогда тупики конфронтационного пути развития человечества, а, наоборот, ослепили его, парализовав интеллект политиков?

Зарубежная и советская историография богата основательными исследованиями различных аспектов зарождения и развития американской внешнеполитической мысли, в том числе и в верхних эшелонах администрации США, по проблемам атомного оружия. На этом фоне резко бросается в глаза низкий уровень осмысления советскими специалистами, особенно историками КПСС, внешнеполитического курса партии, и прежде всего ее руководства, по данному вопросу в 1945—1955 гг. Отдельные стороны этой проблемы схематично затрагивались в работах, написанных в разные периоды, а специального исследования в свете нового мышления пока нет[1].

В статье сделана попытка проанализировать процесс развития пред-

* Эта статья может быть использована как консультация для историков партии вузов страны.

[1] См., например, Гусев М. Борьба Советского Союза за сокращение вооружений и запрещение атомного оружия. М., 1951; Кудрявцев Д. И. Борьба СССР за разоружение. М., 1954; Борьба Советского Союза за разоружение. 1946—1960 гг. Под ред. В. А. Зорина. М., 1961; Хайцман В. М. СССР и проблема разоружения. 1945—1959. М., 1970; Рогов С. М. Советский Союз и США: поиск баланса интересов. М., 1989.

ставлений об атомном оружии во внешнеполитическом мышлении советского политического руководства 1945—1955 гг. Как они превращались в основу стратегического курса внешнеполитической деятельности Советского Союза на запрещение и уничтожение ядерного оружия? Не забывая о негативном влиянии политики «холодной войны», развязанной империалистической реакцией, автор делает акцент на том, что же мешало собственно внешнеполитической мысли партии выявить новые пути и средства эффективного осуществления этого курса, гибко и наступательно противодействуя маневрам его противников.

* * *

Родословная нового мышления, истоки понимания того, что ядерная война не может и не должна быть средством достижения политических, экономических и идеологических целей, берут свое начало в августе 1945 г. Всполохи первых ядерных взрывов пробудили новое мировосприятие.

В осмыслении генезиса этого явления большое научное и политическое значение принадлежит анализу внешнеполитического мышления партии первого ядерного десятилетия. Оно выступало одной из отправных точек поведения Советского Союза на международной арене, влияя на приоритеты внешней политики.

К сожалению, эта грань деятельности партии, вобравшая в себя всю совокупность теоретических представлений о тенденциях и факторах межгосударственных отношений и условиях решения международных проблем во второй половине 40-х — начале 50-х годов, долгое время выпадала из советской историографии как самостоятельный научный срез. Причины кроются главным образом в том, что к внешнеполитическому мышлению в целом еще совсем недавно подходили как к некоему довольно стабильному состоянию, а не как к процессу, меняющемуся и прогрессирующему.

Негативными последствиями такого подхода явились прежде всего сглаживание и выпрямление самого исторического процесса, что приводило к тому, что в нем признавались лишь те изменения, которые подтверждали одномерную схему развития мира как неуклонного, повсеместного изменения соотношения сил в пользу социализма.

Такой метод мостил дорогу только апологетическому восприятию внешней политики Советского Союза. А оно заводило в тупик общественное сознание, не позволяя понять, почему же нам «вдруг» понадобилось новое политическое мышление. Не случайно, что этот решительный поворот в 1985 году породил определенную растерянность в общественном сознании, которое оказалось не подготовленным к нему как к естественному результату прежних исканий.

За долгое время мы настолько срослись с догматическими шорами, что любая попытка избавиться от них поначалу расценивалась чуть ли не как отречение от нашей теории. Дурной пример оказался на редкость заразительным: к такому же образу мыслей привыкли и многие западные политологи. В связи с этим едва ли удивительна их реакция на новое политическое мышление — они видят в этом отказ КПСС от марксизма-ленинизма[2]. А другими немарксистскими исследователями на Западе оно было поспешно истолковано как конъюнктурный шаг поверхностного характера[3].

Так или иначе, но в таких трактовках, даже если допустить известную политическую предвзятость, проступало также непонимание нового

[2] См. Osteuropa, 1986, № 7, S. 520.

[3] См. Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche- und internationals Studien, (Köln), 1987, № 12, S. 2—6.

политического мышления КПСС как процесса внутреннего развития самой внешнеполитической мысли партии в ядерный век. Выступая на международном форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества», М. С. Горбачев подчеркнул, что «мы выстрадали **новое мышление**, которое призвано ликвидировать разрыв между политической практикой и общечеловеческими морально-этическими нормами»[4]. Понять это — значит увидеть движение мысли во времени, увидеть, как пробивались ростки нового мышления, как испытывался и сохранялся мотив общественного прогресса, гуманизации международной жизни и избавления человечества от страха перед ядерной угрозой.

Отношение к атомному оружию во внешнеполитическом мышлении Коммунистической партии формировалось под воздействием многих факторов. Не последнюю роль играли в этом процессе те противоречивые узлы, которые стягивали в тот период картину международной жизни. Одни из них выступали наглядно и были быстро и правильно осмыслены. Другие действовали подспудно и только со временем обнаруживали себя.

Развитие мира во второй половине 40-х годов оказалось на пересечении двух мощных, но различных по своей природе объективных потоков. Оно испытывало, с одной стороны, потрясение от первых толчков научно-технической революции, а с другой — ощущало нарастающий пульс социального обновления мира. Такое стечение обстоятельств превратилось в ту скрытую пружину, действие которой определяло дальнейшую судьбу человеческой цивилизации.

Жизнь поставила перед политической мыслью проблему, основная трудность решения которой заключалась в нетрадиционности ситуации. Она требовала умения рассуждать, не прибегая к клише, взятым из старых учебников. Однако эта мысль, как уже не раз случалось в мировой истории, не смогла сразу постичь всю присущую новизне диалектику. Поэтому она расценила новые моменты не как сигнал расставания с прежними взглядами, а как призыв к их укреплению.

Прогресс естественных наук опережал развитие внешнеполитического мышления Запада. Способность его политиков обобщить все имевшиеся научные данные или хотя бы получить о них представление, чтобы выработать адекватные решения, оказалась предельно ограниченной.

Американские и английские правящие круги, овладев первыми сведениями о громадной разрушительной силе атомной бомбы, поспешили их тут же засекретить. Им казалось, что созданное оружие, и особенно монопольное владение им,— перст провидения для неограниченного возрождения традиционной империалистической политики.

В этом отношении своего рода прелюдией стала речь У. Черчилля 16 августа 1945 г. В ней впервые проступили силуэты того видения мира, которое шесть месяцев спустя обрело свою законченность в его выступлении с кафедры Фултонского колледжа. Вот ее фрагменты, посвященные оценке значения атомной бомбы: «Мы присутствуем при возникновении нового фактора человеческих отношений и... мы обладаем могуществом, которому нельзя противостоять... С этого момента наш взгляд на будущее изменился»[5]. У. Черчиллю тогда даже не пришла в голову мысль о запрещении использования этого чудовищного оружия, но зато он был уверен в том, что американская атомная монополия призвана возместить все прежние потери в мировой политике.

Обладание атомной бомбой лишало политическую мысль Запада понимания того, что это оружие не несет с собой укрепления влияния в мире какой-либо группы государств, а грозит непредсказуемой деформа-

[4] Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 4. М., 1987, с. 381.
[5] The War Speeches of Winston S. Churchill. Vol. 3. London, 1952, p. 514.

цией всей системы международных отношений и цивилизации в целом. Уверенность, стремительно поднятая вверх соблазном быстрого успеха, парализовала движение внешнеполитического мышления Запада. Оно даже отдаленно не допускало мысли, что военная сила как средство решения межсистемных противоречий в ядерный век может не просто утратить свое былое значение, но и, превратив обе системы в заложников самого ядерного оружия, кардинально изменить классические представления о национальной безопасности.

Мир шагнул в ядерный век, но СССР и США вступили в него разными путями. Это обусловило и различие во взглядах на атомное оружие. Если в мировоззрении западных политиков оно все больше вписывалось в сознание как неотъемлемый элемент мировой политики, страх перед которым должен был открыть двери для мирового господства, то во внешнеполитическом мышлении КПСС утверждалась иная доминанта.

Сам по себе факт появления оружия небывалой разрушительной мощи был чреват рецидивами насильственной дестабилизации международной обстановки. Это обстоятельство сразу же предопределило вектор работы человеческой мысли: буквально накануне подписания капитуляции милитаристской Японии были раскрыты основные черты внешнеполитического мышления КПСС в подходе к атомной бомбе. Примечательной была и форма, красноречиво свидетельствовавшая о том, как дорожило советское политическое руководство союзническими отношениями, сложившимися в годы войны. Чтобы не нанести ущерба их международному авторитету, оно избрало для выражения своих взглядов такой широко практикуемый знак косвенной критики, как анализ комментариев иностранной печати. Шаг в этом направлении был сделан в журнале «Новое время», поместившем первый в советской печати материал по проблеме атомного оружия. В статье было однозначно выражено отрицательное отношение к появившимся на Западе скороспелым выводам, продиктованным определенными политическими расчетами[6]. Советское руководство решительно выступило против того, чтобы рассматривать атомную бомбу как инструмент решения противоречий между государствами различных социальных систем, на что толкали человечество реакционные круги, открыто требовавшие, чтобы Соединенные Штаты «обеспечили себе господство над всем миром, угрожая другим народам атомными бомбами»[7].

Еженедельник подчеркивал, что «открытие атомного оружия делает еще более настоятельной мобилизацию всех прогрессивных сил для обеспечения прочного мира и надежной безопасности великим и малым народам. Вместе с тем для всякого здравомыслящего человека очевидно, что это открытие отнюдь не разрешает политических проблем ни внутри отдельных стран, ни в международном масштабе»[8].

Таким образом, меньше чем через месяц после атомной бомбардировки Японии у руководства КПСС сложилось четкое представление, что большая разрушительная сила атомного оружия делает недопустимым рассмотрение его в качестве средства решения политических противоречий. Развивая эти взгляды, оно предостерегало бывших союзников от самообольщения тем, что они владеют секретом атомного оружия, указав, что «попытки использовать это достижение науки, чтобы терроризировать постоянной угрозой нападения другие страны, неизбежно вызвали бы еще невиданную в истории гонку вооружений»[9].

Однако Запад не реагировал на эти предостережения. Советскому

[6] См. Новое время, 1945, № 7(17), с. 14.
[7] Там же, с. 15.
[8] Там же, с. 18.
[9] Новое время, 1945, № 11(21), с. 17.

политическому руководству не оставалось ничего более, как прямо и открыто поднять вопрос об атомной бомбе в контексте задач по укреплению послевоенного мира, о недопустимости развязывания гонки вооружений в этой области [10].

Предложения нашего руководства не внесли перемен в образ мысли Запада. Ядерная эйфория не только нарастала, но и еще теснее стала переплетаться с набиравшими силу тенденциями к оттеснению Советского Союза от овладения секретом атомного оружия, разрушению положительного опыта сотрудничества и доверия, накопленного в годы войны.

Американская администрация продолжала хранить молчание по поводу необходимости обсуждения с СССР проблем атомного оружия. Более того, она делала все, чтобы недоверие переросло в напряженность. «Состояние, что эта разрушительная мощь находится в нашем распоряжении, мы рассматриваем как божественный знак» [11],— заявлял Г. Трумэн. Подспудно в его выступлениях звучала мысль, что Запад не нуждается более в равноправном сотрудничестве всех союзных держав. А первое обсуждение атомной проблемы на международном уровне было проведено демонстративно без участия СССР. На встрече 15 ноября 1945 г. руководители США, Англии и Канады высказались за целесообразность немедленного установления международного контроля над всей областью атомной энергии [12], хотя тут же подчеркнули свои сомнения в плодотворности такого шага.

На этом фоне обнадеживающим событием стало принятие 24 января 1946 г. решения Генеральной Ассамблеи ООН об учреждении комиссии для рассмотрения проблем, возникших в связи с открытием атомной энергии [13]. Оно открывало политические возможности решения и проблемы атомного оружия. Гарантией успеха на этом пути могло быть лишь укрепление доверия между великими державами. Между тем наперекор этому курсу шел другой, связанный с нагнетанием недоверия, усилением подозрительности и отчуждения среди вчерашних союзников.

5 марта 1946 г. в Фултоне У. Черчилль прямо заявил, что над миром нависла непосредственная угроза войны. Ее источник — Советский Союз [14]. Логика Черчилля, обходившего вопрос о политическом решении судьбы атомной бомбы, подводила к оправданию возможности ее применения против СССР. Эта речь, как известно, дала мощный толчок для раздувания антисоветизма, создавая образ врага — эту психологическую основу «холодной войны».

Между тем внешнеполитическая мысль КПСС от идеи недопустимости атомного оружия как средства решения межсистемных противоречий перешла к идее несовместимости обеспечения прочного мира и надежной международной безопасности с сохранением атомного оружия. Она и легла в основу кардинального направления советской внешней политики — борьбы за ядерное разоружение.

Внеся на заседание комиссии по контролю над атомной энергией предложение Советского Союза о заключении конвенции о запрещении и уничтожении ядерного оружия, А. А. Громыко подчеркивал, что «не может быть действенной и эффективной системы мира, если открытие путей использования атомной энергии не будет поставлено на службу человечеству и не будет применяться только в мирных целях» [15].

Однако неприемлемость ядерного оружия обосновывалась тогда

[10] См. Внешняя политика Советского Союза. 1945 год. Документы и материалы. М., 1949, с. 125.
[11] Moltke K. Kampf ums Atommonopol. Berlin. 1958, S. 33.
[12] См. 50 лет борьбы СССР за разоружение. Сб. документов. М. 1967, с. 202.
[13] См. там же, с. 198—199.
[14] The New York Times, 6.III.1946.
[15] Внешняя политика Советского Союза. 1946 год. Документы и материалы. М., 1952, с. 631.

лишь тем, что это выход за пределы вековых «гуманных» «правил ведения войны»[16]. В этом была слабая сторона нашей аргументации, поскольку, как показывал исторический опыт, эти нормы и представления всегда нарушались. Такие доводы едва ли выглядели убедительными и вряд ли могли оказать воздействие на поведение США и их союзников. Понятия «массовое уничтожение» и «самоуничтожение» пока не превратились в их политическом сознании в синонимы.

При всем росте авторитета Советского Союза на международной арене определяющими факторами международной обстановки явились тогда поведение империалистических держав, их антисоветская направленность, враждебность к социальному прогрессу.

Упорная приверженность США к сохранению атомного оружия, закрепленная вскоре в плане Баруха, его новые испытания летом 1946 г. делали все более очевидным, что на первый план американской внешней политики выходит доктрина, которую с солдатской прямолинейностью сформулировал Г. Гувер: «Пока мы, и только мы, имеем атомную бомбу, мы можем всему миру диктовать нашу политику»[17]. От этой реальности Советский Союз не мог абстрагироваться. Ядерный шантаж, даже отбросив навязчивое пропагандистское оформление, заключал в себе труднопредсказуемую долю риска для нашей безопасности в наиболее сложных ситуациях.

Нагнетание международной напряженности роковым образом сказалось на всем диапазоне внешнеполитического мышления Коммунистической партии, захватив в том числе и отношение к атомному оружию. «Холодная война» прежде всего ограничивала горизонт политической мысли партии, ибо сам социализм стал уходить в себя, в самоограничение. Вместо того чтобы по мере развития ядерного оружия расширяться, общее видение мира суживалось, что мешало выявлению пределов доядерных представлений.

Теоретические воззрения партии на мир, перспективы социализма и капитализма и характер отношений между ними, то есть та почва, которая питала в конце 40-х годов наше внешнеполитическое мышление, были развернуты в 1947 г. советским руководством и канонизированы в «Экономических проблемах социализма в СССР» Сталиным. Они образовали то прокрустово ложе догматизма, в котором вынуждена была чахнуть творческая марксистская мысль.

Появление этих представлений гносеологически было обязано тому, что принципиальный подход марксизма-ленинизма к развитию мира как диалектическому единству и борьбе противоположностей при анализе общественных процессов Сталин и его окружение упрощали до понимания его лишь как борьбы противоположностей. Они практически только фиксировали определенные моменты в его развитии, оставаясь на позициях пассивного отражения и регистрации явлений. Для догматизма не существовало проблемы предвидения и политического прогнозирования. Она исключалась главной его функцией: оправдыванием собственной политической практики.

Именно в тот момент, когда внешняя политика СССР особенно нуждалась в научно выверенном курсе, марксистско-ленинскую науку топили в омуте тавтологии. Сталинский авторитаризм оставил ученым-обществоведам удел поверхностного комментирования и подтверждения мудрости вождя, безжалостно давя любые проблески научного свободомыслия и самостоятельности суждений.

Никто не мог противостоять тому, что утверждалось упрощенное, метафизическое видение мира как суммы враждебно противостоящих

---

[16] См. там же, с. 632.
[17] Цит. по: Хайцман В. М. СССР и проблема разоружения, с. 18.

друг другу замкнутых социальных систем[18]. Его развитие догматически рассматривалось как однолинейный процесс усиления и увеличения одной системы при одновременном ослаблении и абсолютном сокращении другой. Методологический порок этой точки зрения состоял в том, что развитие социализма предусматривалось не в контексте с развитием остального мира, а в отрыве от него, с учетом постоянных кризисов в капиталистическом мире, его неуклонной стагнации.

На такой почве взошли те наивно-романтические воззрения о способности социализма развиваться автоматически и только по восходящей линии. А путь капитализма соответственно мыслился исключительно по нисходящей в силу обострения общего кризиса. В 1948 г. Молотов заявлял, что «устои империализма все больше разрушаются и становятся ненадежными»[19]. Такие установки дезориентировали общественное сознание и уводили его в область пассивного ожидания.

В основе подобных оценок был отход от ленинского понимания общего кризиса капитализма, что оборачивалось выхолащиванием его диалектической сути и заменой односторонней интерпретацией. Сначала ленинское положение замалчивали, а потом Сталин вообще объявил его недействительным. Он заявил, что «известный тезис Ленина... о том, что, несмотря на загнивание капитализма, «в целом капитализм растет неизмеримо быстрее, чем прежде», нужно считать утратившим силу»[20]. С точки зрения Сталина, капитализм вступил в полосу сплошной стагнации и производительные силы его топчутся на месте. Все это с неизбежностью превращало в догму и положение, что буржуазия способна искать выход из возникших противоречий только на путях милитаризации экономики и подготовки новой войны. Однако жизнь показала узость и порочность такого подхода. Он выпускал из поля зрения то, что капитализм искал и иные пути преодоления своих противоречий, учился на своих ошибках, приспосабливался к изменению международной обстановки.

Между тем сталинский схематизм соответственно смещал и закреплял перспективу развития мира в плоскости только борьбы двух систем. А отсюда и центр тяжести в отношениях между государствами этих систем переносился в сферу открытого антагонизма. «...Вся острота классовой борьбы для СССР,— указывал Маленков в 1947 г.,— передвинулась теперь на международную арену... Здесь приходится нашей партии испытывать свое оружие в боях с прожженными дельцами буржуазной политики»[21].

Ненаучная оценка резервов капитализма вкупе с субъективизмом все более утверждавшегося тезиса о неодолимости социализма оборачивалась преобладанием поверхностного подхода к проблеме мирного сосуществования во внешнеполитическом мышлении партии. Он не давал в той непростой международной обстановке столь необходимых тогда динамизма и гибкости практической деятельности Советского государства на мировой арене и обрекал его на самоизоляцию.

Тогдашнее партийное руководство настойчиво пыталось отстаивать ленинскую идею мирного сосуществования. В выступлениях партийных лидеров постоянно подчеркивалась глубокая заинтересованность Советского Союза в установлении прочного мира и неоднократно напоминалось, что советская внешняя политика исходит из факта сосуществования двух систем в течение длительного времени. В то же время именно исходный примитивный схематизм объективно сковывал полнокровное развитие и реализацию этой ленинской идеи.

[18] См. Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 года. М., 1948, с. 22—23; Большевик, 1949, № 23, с. 15.
[19] Внешняя политика Советского Союза. 1948 год. Ч. 2. М., 1951, с. 109.
[20] Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952, с. 32.
[21] Информационное совещание представителей некоторых компартий..., с. 154.

Догматические установки не способствовали серьезной и глубокой проработке концепции мирного сосуществования в новых исторических условиях, и прежде всего такого ее фундаментального элемента, как объективный характер заинтересованности в мирном сосуществовании государств различных социальных систем. Действительно, какие могут быть общие долговременные интересы у «неуклонно набирающего силу социализма» со «стремительно деградирующим капитализмом»? Метафизическое противопоставление двух систем, по существу, не только в те годы, но и в перспективе не оставляло областей взаимной заинтересованности, почвы для совместных действий государств двух систем.

А выраставшие из таких догматических клише утверждения советских руководителей практически отрицали какую-либо заинтересованность в мирных условиях развития государств капиталистической системы[22].

Такое видение мира добавляло к объективным трудностям ядерного разоружения и субъективные преграды, широко используемые реакционными силами в своих целях. Теоретические представления и заявления советского руководства, в которых абсолютизировались конфронтационные моменты в отношениях между государствами двух систем, ставили, по существу, под сомнение саму возможность реального достижения договоренности по этому вопросу. Они ослабляли воздействие практических предложений по запрещению и уничтожению ядерного оружия. Защитники атомной бомбы заводили в тупик переговоры, благовидно прикрывая свое противодействие ссылками на противоречивый характер советской позиции.

Сложившиеся же в КПСС стереотипы мышления не позволяли адекватно совместить текущие задачи с перспективными целями.

17 сентября 1946 г., отвечая на вопрос английского журналиста А. Верта, считает ли Сталин, что фактическое монопольное владение США атомной бомбой является одной из главных угроз миру, он заявил: «Я не считаю атомную бомбу такой серьезной силой, какой склонны ее считать некоторые политические деятели. Атомные бомбы предназначены для устрашения слабонервных, но они не могут решать судьбы войны, так как для этого совершенно недостаточно атомных бомб»[23]. Это утверждение не может не производить шокирующего впечатления на нашего современника само по себе. Но оно же ставит непростые вопросы перед историками. Что это: неожиданный пересмотр отношения к ядерному оружию, непонимание его опасности или обычный пропагандистский блеф? Однако как бы ни была соблазнительна такая дилемма, она насильственна и тенденциозна. Будучи невольной проекцией конца XX века, эта альтернатива не только не помогает найти ответа, но и затрудняет его, размывая подлинные реальности обстановки тех лет, которым обязано своим рождением это заявление.

Через десяток лет атомное оружие, развернув со всей очевидностью свой страшный потенциал, вызовет у некоторых западных политиков и идеологов холодок осознания ядерного тупика. И тогда они вернутся к этому периоду, к этому интервью, чтобы свалить вину за возникшую гонку вооружений на Советский Союз. Оно будет трактоваться так: советское политическое руководство якобы совсем не вникло в значение атомного оружия и способствовало гонке вооружений.

Творцом этой версии стал сам У. Черчилль, пустивший ее в обиход в 50-х годах, чтобы задним числом снять с себя ответственность за образовавшуюся в мире ситуацию[24].

Однако Г. Киссинджер тогда же поставил под сомнение подобные

[22] См. Внешняя политика Советского Союза. 1950 год. М., 1953, с. 118.
[23] Внешняя политика Советского Союза. 1946 год, с. 70.
[24] См. Churchil W. C. The Second World War. London, 1959, p. 941.

утверждения отцов «холодной войны». Он отмечал: «Не следует сколько-нибудь сомневаться, что Сталин отлично понимал, какое значение имеют сообщенные ему сведения»[25].

В незнании человеческой психологии Сталина не упрекнешь. Он правильно разгадал своих политических противников: они хотели не столько проинформировать его, сколько произвести впечатление, чтобы сделать СССР сговорчивее на Потсдамской конференции. И он в этой ситуации просто схитрил[26].

Однако вернемся к ответам Сталина А. Верту в сентябре 1946 г. Бьющая в глаза парадоксальность и время, коварно смещающее акценты, затрудняют нынешнему читателю их восприятие, заслоняют подлинный смысл сказанного. Между тем он был в те годы вполне доступен политическим оппонентам на Западе. Эти высказывания несли конкретную нагрузку. Анализ интервью показывает, что советское руководство предприняло еще одну попытку заставить лидеров Запада вернуться к реализму в политике. Смысл заявления заключался не в пренебрежении опасностью атомного оружия, а в том, чтобы указать на риск переоценки реального политического значения имеющегося в руках США оружия и бесперспективности шантажа.

Угроза ядерного оружия, по мнению Сталина, носила в тот период лишь ограниченный и эпизодический характер. Отсюда перспективу ее устранения Сталин логически стал связывать с ликвидацией атомной монополии США. Он черпал аргументы из традиционного опыта, когда значение любого оружия одной стороны можно было обесценить созданием аналогичного у другой. С ликвидацией монополии США большая разрушительная сила атомной бомбы, по его мнению, станет весомым аргументом в пользу ее запрещения. «Конечно,— продолжал в том же интервью Сталин,— монопольное владение секретом атомной бомбы создает угрозу, но против этого существуют, по крайней мере, два средства: а) монопольное владение атомной бомбой не может продолжаться долго; б) применение атомной бомбы будет запрещено»[27]. Этот взгляд он подтвердил еще раз в ответах на вопросы президента американского агентства «Юнайтед Пресс» Хью Бейли[28].

Таким образом, во внешнеполитическом мышлении КПСС сохранялось негативное отношение к ядерному оружию как средству решения противоречий между двумя системами. Однако непрекращающаяся политика атомного шантажа заставляла советское политическое руководство прямо увязывать решение проблемы ядерного разоружения с необходимостью укрепления обороноспособности СССР. Оно рассматривало создание собственной атомной бомбы как средство девальвации ядерного оружия в международных отношениях.

При безграничном господстве старого мышления этот шаг Советского Союза был закономерен и оправдан. Тем не менее он, как показало время, имел серьезные и неоднозначные последствия как для дальнейшего развития внешнеполитического мышления партии, ее практической деятельности в области ядерного разоружения, так и для Советского Союза в целом.

Политика «холодной войны» приводила к тому, что проблема устранения ядерной угрозы во внешнеполитическом мышлении партии постепенно смещалась в сторону военно-технических аспектов обеспечения безопасности. Сталин и его окружение не представляли себе в полной мере внутреннюю логику развития науки и ее воздействия на

[25] Киссинджер Г. Ядерное оружие и внешняя политика. М., 1959, с. 423.
[26] См. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2-х т. Т. 2. 2-е изд., доп. М., 1974, с. 418.
[27] Внешняя политика Советского Союза. 1946 год, с. 70.
[28] См. там же, с. 74.

военную сферу. А она тогда едва начинала раскрывать почти безграничные возможности технологического совершенствования и увеличения мощи ядерных вооружений. Неизбежным следствием такого подхода стало то, что соперничество СССР и США в сфере вооружений становилось ведущим приоритетом. Причем каждая из стран несет свою долю ответственности за то, что послевоенный период в истории человечества принял характер изнурительной и опасной конфронтации.

Эта традиционная реакция по принципу «вызов — ответ» открыла шлюзы для втягивания Советского Союза вразрез с его коренными интересами в гонку ядерных вооружений. Советская экономика, вопреки расчетам реакционных сил Запада, сумела путем громадного перенапряжения сил выделить средства для создания собственного атомного оружия. Итак, по спирали взаимного недоверия и подозрений началось изматывание ресурсов обеих стран, достигшее головокружительных вершин гонки вооружений, захватившее другие страны Запада и Востока, приведшее цивилизацию на край ядерной пропасти.

Как показало время, ядерный век нуждается в иных координатах и точке отсчета для политической практики. Многие привычные понятия и представления утрачивали свою прежнюю однозначность, требуя кардинального переосмысления. Современникам трудно понять характер той научной революции, того качественного технического переворота, который они переживают. Весь опыт прошлого вызывает у них искушение подгонять новое к тому, что стало привычным и знакомым. Им бывает трудно понять, что большинство из принимаемых ими решений как само собой разумеющихся на самом деле носит совершенно иной характер, а новые факты требуют и новых методов мышления. В споре с будущим Сталин и его политические противники оперировали понятиями и образами прошлого, далекими от понимания проблем атомной бомбы в современном смысле.

Эхо взрыва под Семипалатинском ранним утром 29 августа 1949 г. навсегда унесло с собой и атомную монополию США. Повлияло ли создание нашего собственного атомного оружия на внешнеполитическое мышление партии? В принципиальном плане — нет. В сообщении ТАСС от 25 сентября 1949 г., как известно, подчеркивалось, что, несмотря на наличие у Советского Союза атомной бомбы, он стоит «на своей старой позиции безусловного запрещения применения атомного оружия»[29].

Вместе с тем это заявление венчало и одновременно исчерпывало всю силу сталинской аргументации о том, что провал атомной монополии США перечеркнет значение атомного оружия как инструмента политики и откроет путь к его запрещению. Но туча ядерной угрозы нависла над человечеством еще более грозная.

Появление атомного оружия в СССР не пробудило американские правящие круги от летаргического сна. Одни иллюзии они сменили на другие. Сохранение атомной монополии трансформировалось в стремление взять реванш поддержанием подавляющего превосходства в этом виде вооружений. Это означало, что атомное оружие все крепче будет врастать в ткань жизни цивилизации, не только уродуя облик международной жизни, но и вызывая нездоровые структурные деформации в социально-экономической сфере государств обеих социальных систем.

Своевременное и правильное осмысление этой тенденции внешнеполитическим мышлением могло продвинуть к осознанию того, что для устранения растущей ядерной угрозы надо совершить крутой поворот и вырваться из тупика военно-технологических приоритетов. Кроме того,

---

[29] 50 лет борьбы СССР за разоружение, с. 242.

решительно перенести центр тяжести на политическую область борьбы двух систем.

Однако к такому повороту мы были не подготовлены. Прежде всего развитие внешнеполитической мысли перекрывал шлагбаум из догматических конструкций с отжившими представлениями о скором и неминуемом крахе капиталистической системы и безграничном господстве конфронтационных моментов. Снести этот шлагбаум без разрушения его авторитарной опоры было невозможно.

Ликвидация атомной монополии США укрепила во внешнеполитическом мышлении партии взгляд, что военно-технологические приоритеты обеспечивают не только нашу безопасность, но выступают и решающим средством упрочения стабильности международной обстановки. Эта точка зрения не была полностью беспочвенна. Она фиксировала определенную сторону конкретно-исторической обстановки. Действительно, создание собственного атомного оружия внесло определенный элемент равновесия.

Абсолютизация этого явления породила одно из самых драматических по своим последствиям противоречий внешнеполитического мышления. Выступая на торжественном заседании, посвященном 32-й годовщине Великого Октября, Маленков дал обоснование того, что ядерная война в случае развязывания ее империализмом может стать оружием политики. «Не нам, а империалистам и агрессорам надо бояться войны... Могут ли быть какие-либо сомнения в том, что если империалисты развяжут третью мировую войну, то эта война явится могилой уже не для отдельных капиталистических государств, а для всего мирового капитализма»[30].

Такие взгляды на возможные последствия новой мировой войны теоретически размывали те естественные границы, за которыми ядерное оружие утрачивало разумное обоснование средства достижения классовых целей. Они разъединяли народы и страны в значительно большей степени, чем объединяли их. Своего апогея противостояние достигло в годы «холодной войны», воплотив себя в двух антиподах-близнецах: Североатлантическом союзе (НАТО) и Организации Варшавского Договора (ОВД). Как отмечал в интервью журналу «Тайм» М. С. Горбачев, для нашего народа НАТО «связана с «холодной войной», но — как организация изначально и по самому своему предназначению враждебная Советскому Союзу, как сила, со своей стороны раскручивавшая маховик гонки вооружений и нагнетания военной опасности. Что бы про НАТО сейчас ни говорили, для нас это — символ опасности для дела мира, конфронтационного прошлого»[31].

Одновременно такое положение существенно осложняло решение самой проблемы ядерного оружия, все больше уводя ее от поиска политических решений. Он фактически открывал двери для безграничного соперничества с США в области ядерного оружия, оправдывая это национальными и классовыми интересами, вел к неразумной трате национального богатства. Выдвинутое положение, активно пропагандируемое и другими руководителями партии, быстро получило широкий международный резонанс. Оно было использовано нашими противниками для формирования превратного представления о Советском Союзе. Запад получил аргументы для утверждений, что Коммунистическая партия заинтересована в ядерной войне, а советские предложения в области ядерного разоружения носят якобы только пропагандистский характер. Руководствуясь формулами, которые сложились в доядерную эпоху, СССР не мог до-

---

[30] Маленков Г. М. 32-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1949, с. 21—22.

[31] Правда, 28 мая 1989 г.

биться значительных и надежных успехов на пути ослабления ядерной угрозы.

Сталинский склероз приводил к склерозу теоретической мысли партии. Сквозь известковые отложения догматизма и схоластики слабо проникала кровь свежих идей. Только март 1953 г. дал толчок к постепенному оживлению теоретической мысли партии. Но оно, само собой разумеется, не было быстрым и безболезненным. Слишком велика была сила инерции. И дальнейшее развитие внешнеполитического мышления партии это наглядно подтвердило.

Объективная необходимость укрепления мира, налаживания отношений между государствами различных социальных систем подспудно подтачивала догматические схемы. Возросшая ядерная угроза также давала материал для переосмысления существовавших стереотипов.

Все это привело к попыткам по-новому взглянуть на последствия военного соперничества в ядерной области, выявить его пределы и наличие общих интересов. «Ни одно государство и в том числе ни одна великая держава в настоящих условиях не могут достичь каких-либо положительных результатов, проводя политику гонки вооружений»[31а],— отмечал Молотов 25 января 1954 г.

Начавшееся в советском политическом руководстве осмысление ситуации логически вело к новому видению последствий применения атомного оружия, что способствовало разрушению ряда прежних догматических положений и выведению внешнеполитической мысли партии на качественно иной уровень. Тогда мы в первый раз вплотную подошли к тому порогу, за которым открывались горизонты нового мышления ядерного века.

За год до известного манифеста Рассела — Энштейна, 12 марта 1954 г., Маленков заявил, что новая мировая война «при современных средствах войны означает гибель мировой цивилизации»[32]. Это был чрезвычайно важный вывод, значение которого трудно переоценить. Он вводил новую систему координат, развитие которой имело бы колоссальные последствия. То был свежий ветер, но его силы оказалось явно недостаточно, чтобы до основания разрушить сталинские догматические конструкции. Месяц спустя Маленков публично отказался от этого вывода и возвратился к своему старому положению, выдвинутому в 1949 г. А Хрущев, подчеркнув незыблемость старой точки зрения, отметил при этом, что «империалисты боятся мирного соревнования с Советским государством, так как этого соревнования капиталистическая система явно не выдерживает»[33].

Догматическая вера в неодолимость социализма, пронизавшая все мировосприятие руководителей партии тех лет, при всей ее искренности стала по злой иронии судьбы тем капканом, который накрепко связал нам руки.

Отход Маленкова на прежние позиции, видимо, не расставил все точки над «i». 8 февраля 1955 г. Молотов, выступая на сессии Верховного Совета СССР, открыто осудил заявление Маленкова, подчеркнув, что в случае развязывания новой мировой войны «погибнет не мировая цивилизация, а «погибнет та уже подгнившая общественная система с ее пропитанной кровью империалистической основой, которая отживает свой век»[34]. Эта же мысль была неоднократно повторена в печати.

Так был упущен предоставленный историей шанс избежать ядерной конфронтации.

[31а] Правда, 26 января 1954 г.
[32] Правда, 13 марта 1954 г.
[33] Правда, 27 апреля 1954 г.
[34] Правда, 9 февраля 1955 г.

Капитуляция Маленкова в апреле 1954 г. и резкая критика его тезиса членами ЦК партии на январском (1955 г.) Пленуме ЦК и на сессии Верховного Совета СССР выглядят сейчас не более чем судорогами постулатов старого мышления. Более того, факты свидетельствуют, что все это, по сути, являлось не столько критикой самого нового положения, сколько предлогом для удаления Маленкова.

Но назревшую тенденцию остановить было уже невозможно. Через год на XX съезде КПСС хотя и не приняла ее в той категоричной редакции, какую первоначально предлагал Маленков, но ощутимо продвинулась вперед.

* * *

Таким образом, первое ядерное десятилетие явилось одной из драматичных глав в истории внешнеполитического мышления в мире. Появление атомного оружия обострило проблему сохранения мира и обеспечения международной безопасности. Исходя из коренных интересов социализма внешнеполитическая мысль обосновала несовместимость этих незыблемых ценностей человечества с существованием ядерного оружия. Она выдвинула стратегическую задачу его запрещения и ликвидации, и достижение этой цели стало кардинальным направлением советской внешней политики. Главным препятствием на этом пути было упорное противодействие реакционных сил империализма, видевших в атомной монополии средство достижения мирового господства, решения межсистемных противоречий.

Вместе с тем наличие догматических представлений о перспективах развития мира во внешнеполитическом мышлении партии не позволяло раскрыть всю силу творческого потенциала марксизма-ленинизма. Оно мешало гибкому и эффективному сопротивлению политике «холодной войны». Несоответствие схоластических схем реальностям ядерного века не только негативно влияло на образ Советского Союза, но и сдерживало наступательность и результативность внешнеполитической деятельности СССР по запрещению и ликвидации ядерного оружия.

КТО ВИНОВАТ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИСКРЕДИТАЦИИ Н. А. УГЛАНОВА?

Л. М. ЧИЖОВА,
кандидат исторических наук

Поиску правдивого ответа на поставленный в заголовке вопрос помогли недавние публикации по так называемому «правому уклону», восстанавливающие историческую справедливость в оценке деятельности многих видных деятелей партии [1].

В них упоминается и Н. А. Угланов, возглавлявший с 1924 г. на протяжении четырех лет Московскую партийную организацию. В историко-партийной литературе 30—70-х годов его деятельность рассматривалась с непременным ярлыком «правого уклониста» [2].

Какова же была в действительности позиция Н. А. Угланова в сложный период внутрипартийной борьбы и под воздействием каких факторов возникли необоснованные обвинения в его адрес? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо особое внимание уделить анализу его деятельности на посту руководителя Московской парторганизации.

* * *

Николай Александрович Угланов [3] появился на политической арене Москвы в августе 1924 г., когда завершалось восстановление народного хозяйства страны и партия намечала очередные социалистические преоб-

[1] См. О так называемом «антисоветском правотроцкистском блоке».— Известия ЦК КПСС, 1989, № 1, с. 122—131; № 4, с. 192—193; № 5, с. 69—85; Шмелев Г. Перед поворотом.— Правда, 3 февраля 1989 г.

[2] См. Московские большевики в борьбе с правым и «левым» оппортунизмом. М., 1969; История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4, кн. I. М., 1970; Козлова Л. К победе колхозного строя. М., 1971; Очерки истории Московской организации КПСС. Кн. 2. М., 1983, и др.

[3] Н. А. Угланов родился в 1886 г. в крестьянской семье, проживавшей в Рыбинском уезде Ярославской губернии. В 12-летнем возрасте началась его трудовая жизнь в железоинструментальном складе в Петербурге.

Формирование политических взглядов Н. А. Угланова проходило в среде питерских рабочих, приобщивших его сначала к профсоюзной, а затем и революционной деятельности. В 1907 г. он вступил в Петербургскую организацию РСДРП. За участие в нелегальной партийной работе в 1913 г. был арестован. Вел работу в составе рабочей комиссии большевистской фракции Государственной думы. Летом 1914 г. был призван в армию. Возвратившись в 1916 г. после ранения из армии, оказался в вихре надвигавшихся революционных событий, завершившихся победой Февральской буржуазно-демократической, а затем и Октябрьской социалистической революций. В дни наступления Юденича на Петроград Угланов в качестве комиссара участвовал в боях под Царским Селом. В марте 1920 г. его избирают секретарем Петроградского совета профсоюзов, через год — секретарем Петроградского губкома партии. Делегаты XIV Петроградской губернской конференции РКП(б) оказали ему большое доверие, избрав делегатом на X съезд РКП(б), но присутствовать на съезде ему не пришлось — вместе с другими коммунистами он был направлен на подавление Кронштадтского мятежа, за что удостоен ордена Красного Знамени. На съезде избран кандидатом в члены ЦК РКП(б). В 1922—1924 гг. он — секретарь губкома в Нижнем Новгороде, с августа 1924 г.— секретарь ЦК РКП(б) и секретарь Московского комитета партии, на XII—XV съездах — член ЦК партии. С 1926 по 1929 г.— кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), одновременно с 1924 г.— член Оргбюро ЦК ВКП(б).

разования. Доверить руководство столичной партийной организацией в этих условиях можно было лишь человеку, обладавшему неординарными способностями организатора, имеющего богатый политический багаж и практический опыт.

Авторитету Угланова в партии в немалой степени способствовала его принципиальная позиция, когда в сентябре 1921 г. в Петроградской партийной организации возник конфликт из-за недовольства большинства партийных и советских работников бюрократическими методами руководства Г. Е. Зиновьева, возглавлявшего Петроградский Совет. По их инициативе сторонники Зиновьева были заменены новыми людьми. Выдвинутые секретарем губкома РКП(б) Н. А. Угланов и секретарем губисполкома Н. А. Комаров начали работу по укреплению дисциплины, развитию внутрипартийной демократии [4].

Зиновьев, возражавший против такой кадровой перестановки, усмотрел в этих действиях проявление «уклона» и обратился за поддержкой к Ленину, по предложению которого для разбора конфликта Политбюро ЦК 21 сентября 1921 г. создало комиссию. В ее состав вошли В. И. Ленин, И. В. Сталин, В. М. Молотов [5].

О развернувшихся тогда событиях Угланов вспоминал: «19-го сентября 1921 г. в Питере состоялось собрание активных работников, на котором разногласия и получили свое наивысшее и бурное выражение. Громадное большинство собрания приняло резолюцию о задачах Петроградской организации, изложенную в моем содокладе. Доклад и резолюции т. Зиновьева были большинством отклонены.

Через два дня после этого собрания нас вызвали в ЦК партии. Вызвали меня и т. Комарова» [6]. На квартире у Сталина до заседания комиссии ЦК состоялась частная беседа с ними Ленина, в ходе которой Угланов опроверг распространившиеся слухи о его высказываниях отделить профсоюзы от партии [7]. 29 сентября 1921 г. Ленин и члены комиссии направили Зиновьеву письмо, в котором выразили свое несогласие с его точкой зрения [8]. Личное общение с Углановым и Комаровым убедило членов комиссии в том, что никаких принципиальных разногласий, а тем более уклона в Петроградской организации нет, а было законное желание большинства заменить сторонников Зиновьева [9]. «Надо осторожно осуществлять *идейное* руководство,— советовали они Зиновьеву,— *вполне* давая новому большинству быть большинством и *управлять*. Мы уверены, что захотев этого, Вы вполне достигнете такой цели, а «старой» группе поможете переместиться в иной город и освежиться» [10].

Но так как обстановка в Петроградской партийной организации продолжала оставаться напряженной, ЦК признал целесообразным переместить по одному представителю конфликтующих групп в другие регионы. Угланов в начале 1922 г. в качестве секретаря губкома был направлен в Нижний Новгород [11]. В то время Сталин характеризовал его как способного, растущего работника [12].

Спустя два года, когда в ЦК встал вопрос об Угланове при подборе кандидатуры на работу в Москву, по словам Угланова, Каменев и Зиновьев тоже отозвались о нем положительно, желая заручиться его поддержкой в борьбе со Сталиным [13].

[4] См. XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 18—31 декабря 1925 г. Стенограф. отчет. М.—Л., 1926, с. 509—511.
[5] См. там же, с. 511; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 206—207, 419.
[6] Известия ЦК КПСС, 1989, № 4, с. 196.
[7] См. там же.
[8] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 223, 224.
[9] См. там же, с. 223.
[10] Там же, с. 224.
[11] См. XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), с. 512; Альбом деятелей ВКП(б). М., 1927, с. 16.
[12] См. Микоян А. И. В начале двадцатых. М., 1975, с. 144.
[13] См. XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), с. 192.

Предвидя складывавшуюся ситуацию внутрипартийной борьбы, Николай Александрович отказывался от нового назначения, но подчинился решению большинства, намереваясь не допустить раскола партии [14].

Когда в 1925 г. «новая оппозиция» во главе с Зиновьевым и Каменевым открыла очередной этап внутрипартийной борьбы, Угланов не поддержал ее, увидев в ее позиции опасность фракционности. По его инициативе XIV Московская губернская партийная конференция выразила убежденность в возможности построения социализма в СССР [15]. «...Мы будем продолжать развивать традиции московской организации, которая представляет собой опору нашей партии...» [16] — отмечал на конференции Угланов. На XIV съезде РКП (б) московская делегация во главе с Углановым подвергла критике взгляды «новой оппозиции» и призвала ее участников признать свои ошибки [17]. Зиновьев и Каменев усмотрели в выступлении Угланова не стремление отстоять ленинские идеи строительства социализма, а лишь желание поддержать Сталина. Тесное взаимодействие Сталина с Бухариным, поддержка их Рыковым, Томским [18] и Углановым привели к организационному поражению оппозиции. Вместе с тем это помогло укреплению властолюбивых устремлений Сталина.

Вскоре после съезда, на январском (1926 г.) Пленуме ЦК ВКП (б) Угланов был избран кандидатом в члены Политбюро. Возглавляя столичную партийную организацию, он старался проявлять самостоятельность в суждениях. Порой его доводы были спорны и недостаточно аргументированы. Но «долголетнее пребывание в большевистской партии, двадцатилетняя работа, главным образом, в массовых, профсоюзных и партийных организациях»,— говорил Угланов, научили его «улавливать настроения рабочих, чутко прислушиваться к их запросам» [19].

Главную задачу партийных организаций Николай Александрович видел в том, чтобы уметь влиять на массы, вселять в них веру в продвижение по пути социализма [20]. Он требовал, чтобы партийные работники умели намечать реальную перспективу деятельности партийных организаций. «Какой смысл принимать резолюции,— задавал он вопрос,— которые заведомо нельзя выполнить?» [21]. Угланов подчеркивал необходимость развертывания рабочей и внутрипартийной демократии в тесной связи с повышением сознательной дисциплины [22]. «Мы за то, чтобы больше говорили, но мы вместе с тем за то, чтобы еще больше делали» [23],— заявлял он.

Социалистические преобразования во второй половине 20-х годов проходили с большими трудностями. Это сказывалось на настроениях рабочих, крестьян, других слоев населения. В свою очередь под воздействием Сталина в самой партии нарастали негативные процессы свертывания внутрипартийной демократии. Угланов все чаще убеждался в справедливости предупреждений Ленина, сумеет ли Сталин всегда до-

---

[14] См. там же, с. 193.

[15] См. Четырнадцатая Московская губернская конференция Российской Коммунистической партии (большевиков). Бюл. № 1, 5—13 декабря 1925 г. М., 1925, с. 202—203.

[16] Там же. Бюл. № 6, с. 160.

[17] См. XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), с. 197.

[18] См. Известия ЦК КПСС, 1989, № 1, с. 122.

[19] Шестой объединенный пленум МК и МКК ВКП(б), 18—19 октября 1928. М., 1928, с. 121.

[20] См. XVI Московская губернская конференция ВКП(б). Стенограф. отчет. М., 1928, с..7—9.

[21] Пятый объединенный пленум МК и МКК ВКП(б), 11—12 сентября 1928 г. М., 1928, с. 14.

[22] См. XVI Московская губернская конференция ВКП(б), с. 9, 188, 190, 192; МПА, ф. 3, оп. 9, д. 3, л. 17; Четвертый пленум МК ВКП(б), 29 июня — 2 июля 1928. М., 1928, с. 83—84.

[23] XVI Московская губернская конференция ВКП(б), с. 182.

статочно осторожно пользоваться сосредоточенной в его руках необъятной властью[24].

В своем выступлении на одном из пленумов МК ВКП(б) летом 1928 г. Угланов указывал, что продвижение вперед возможно только на путях здоровой критики, смелого выявления ошибок, недостатков и их преодоления, не допуская при этом торопливости[25]. Он напоминал совет Ленина «проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед, ко всякому хвастовству... Задуматься над проверкой тех шагов вперед, которые мы ежечасно провозглашаем, ежеминутно делаем и потом ежесекундно доказываем их непрочность, несолидность и непонятность»[26].

Угланов открыто не критиковал Сталина. Но и то, что он говорил, отстаивая ленинские подходы к оценке реального положения дел в управлении хозяйственно-экономической жизнью страны, вызывало все бóльшее раздражение у Сталина.

Признавая целесообразность централизации хозяйства, Угланов предостерегал, что *«бюрократический* централизм» может затормозить хозяйственное развитие[27]. Ценные замечания он высказал в отношении планирования, призывая не допустить скачкообразности, трезво учитывать экономические возможности, материальные ресурсы. Сложности хозяйственного строительства, по его мнению, усугублялись беспорядочностью в капитальном строительстве. Преувеличенные сметы, растянутые сроки постепенно становились хронической болезнью капитального строительства. Осуждая такую практику, Угланов отнюдь не выступал против развития тяжелой индустрии, а предлагал по-хозяйски расходовать средства, сооружать меньше объектов, но лучшего качества. Длительное и неэкономное строительство, считал он, будет вести к обострению экономического положения страны[28].

Острый характер приобрели возражения Угланова против недооценки развития легкой промышленности, которые были интерпретированы Сталиным, а под его воздействием и большинством членов Политбюро как отрицание ускоренных темпов развития тяжелой индустрии. Секретарь МК ВКП(б) К. Я. Бауман на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. говорил: «В свое время тов. Угланов носился с вопросом о тяжелой и легкой индустрии как с писаной торбой. Ему неоднократно говорили — брось, что ты с этим делом носишься, что ты все время говоришь о пересмотре, радикальном или маленьком, в пользу легкой индустрии,— надо взять определенный, твердый курс на развитие производства средств производства»[29].

Это высказывание К. Я. Баумана было взято на вооружение исследователями для обоснования стремлений Угланова, как сторонника правых, умалить курс партии на развитие тяжелой индустрии[30]. Его выступления на пленумах в защиту текстильной промышленности стали расцениваться как попытка дискредитировать идею социалистической индустриализации[31].

На самом деле все было не совсем так. В октябре 1927 г. при обсуждении тезисов о пятилетнем плане развития народного хозяйства на Политбюро Угланов внес ряд поправок с целью более пропорционального развития различных отраслей промышленности.

---

[24] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 345.
[25] См. Четвертый пленум МК ВКП(б), с. 78—81.
[26] Там же, с. 82; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 390.
[27] См. Четвертый пленум МК ВКП(б), с. 82—83.,
[28] МПА, ф. 3, оп. 2, д. 9, л. 32.
[29] Цит. по: Московские большевики в борьбе с правым и «левым» оппортунизмом, с. 249—250.
[30] См. там же.
[31] См. Очерки истории Московской организации КПСС, кн. 2, с. 350—351.

Сталин, казалось бы, поддержал Угланова, и его предложение вошло в тезисы к съезду партии. Однако на съезде в докладе Рыкова было отмечено, что поднять тяжелую индустрию можно и при некоторой нехватке товаров широкого потребления, не допуская общехозяйственного кризиса. Такой подход вполне согласовывался с установкой Сталина на развитие тяжелой индустрии на основе диспропорций в промышленности и опоры на энтузиазм трудящихся масс, их готовности переносить трудности [32].

Анализируя данные 1927 г. о росте продукции тяжелой промышленности на 24%, а легкой лишь на 4%, Угланов отмечал на Пленуме МК ВКП(б) в январе 1928 г.: «По-видимому, такое несоответствие для нас тяжело. Нам нужно... дополнительной напряженности в нашем хозяйстве не устраивать» [33]. Планирование, основанное на значительных диспропорциях в темпах роста этих отраслей, укоренившееся на длительные годы, стало нормой хозяйствования и привело впоследствии к серьезным трудностям.

Угланов считал необходимым сосредоточить внимание на тяжелой промышленности и резервы для получения средств на ее развитие видел в подъеме отраслей легкой промышленности. «...Их назначение содействовать быстрому развитию тяжелой индустрии, быстрому развитию индустриализации» [34]. Легкую промышленность он образно называл курицей, которая несет золотые яйца.

В связи с этим он добивался проведения хотя бы незначительной реконструкции текстильной промышленности. Частичное обновление оборудования, «отсутствие которого ведет к большим простоям, мы обязаны проводить в первую очередь,— утверждал он.— Я думаю, что в этом вопросе нам никто не припишет «уклона» сторонников легкой индустрии и противников тяжелой индустрии» [35].

Для усиления товарооборота между городом и деревней и получения дополнительных средств для индустриализации Угланов предлагал развивать те отрасли тяжелой индустрии, которые позволяли бы относительно быстро «насытить деревню промышленными изделиями» [36]. Сталин увидел в такой постановке вопроса сужение задач индустриализации и подчинение ее потребностям сельского рынка. Однако позже, на Пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г. он использовал идеи Угланова, предложив для ослабления товарного голода поднимать такие отрасли промышленности, «которые связаны с увеличением товарной массы дефицитного характера (сукно, стекло, гвозди и т. д.)» [37]. Подвергнув критике позицию Угланова, Сталин спустя некоторое время принял ее и стал выдавать за свою.

В 1927 г. нарушение принципов смычки города с деревней, ошибки в организации товарообмена поставили в тяжелое положение население городов и армию.

Сложившаяся ситуация требовала глубокого анализа хозяйственной практики, поиска экономически обоснованных политических решений. По решению Политбюро ЦК ВКП(б) Угланов обследовал ряд волжских районов для изучения хода хлебозаготовок. Свои выводы он доложил 31 января 1928 г. Пленуму МК ВКП(б). В них содержались признание прежде всего допущенных ошибок («...мы засыпались в ос-

---

[32] См. Шестой объединенный Пленум МК и МКК ВКП(б), с. 17; Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Стенограф. отчет. В 2-х ч. Т. 2. М., 1962, с. 871.
[33] МПА, ф. 3, оп. 9, д. 2, л. 37.
[34] Четвертый пленум МК ВКП(б), с. 81.
[35] Пятый объединенный пленум МК и МКК ВКП(б), с. 11.
[36] МПА, ф. 3, оп. 9, д. 2, л. 36.
[37] Сталин И. В. Соч., т. 11, с. 268.

новательный хозяйственный ухаб»[38]) и вместе с тем уверенность в преодолении возникших трудностей[39].

Вскрытые недостатки Угланов связывал с медлительностью в организаторской работе, отсутствием систематической проверки выполнения решений, с запоздалым завозом промтоваров в хлебозаготовительные районы, ростом цен на хлеб, проявлением торгашеских тенденций не только у кулачества, но и у среднего крестьянства. На эти причины в то время указывал и Сталин[40].

Полемизируя с Бухариным, видевшим причину срыва хлебозаготовок только в ошибках и нерасторопности хлебозаготовителей, Угланов говорил: «Ты, Николай Иванович, не делай из хлебозаготовителя «рыжего», который на все смотрит так: «авось, да небось». Все на «рыжего» сваливать нельзя, что мы прозевали, проморгали. Наш заготовительный аппарат способен и в состоянии выполнить... хлебозаготовительный план... даже при всех недостатках, которые у него еще имеются»[41].

В феврале 1928 г. Сталин, в целом разделяя высказанную точку зрения Угланова на работу хлебозаготовительного аппарата, вместе с тем признавал, что ответственность за эти ошибки падает «прежде всего на ЦК, а не только на местные организации партии», что партия, «упоенная успехами прошлогодних заготовок и отвлеченная дискуссией», прошла мимо ошибок[42]. Но уже к апрелю он резко изменил свое мнение, считая недопустимым объяснять все трудности тем, «что дали зевок, были заняты с оппозицией и кое-чего не доглядели»[43]. Главная угроза для хлебозаготовок, по его мнению, исходила от кулака, сопротивление которого он рассматривал как нарастающий фактор обострения классовой борьбы в ходе строительства социализма. Отсюда делался вывод о необходимости усиления административных методов партийного руководства, борьбы против чуждых партии элементов, которые пытаются жить в мире с кулаком[44]. Надо «нажать» на развитие колхозов и совхозов, заключал Сталин, игнорируя установку XV съезда на постепенное их строительство[45]. Он признавал вынужденность чрезвычайных мер по отношению к кулакам.

Угланов, предвидя возможность перегибов в отношении кулака местными партийными организациями, искажения ими политики партии в деревне, считал, что предотвратить подобные события может только твердое руководство ЦК партии.

При существовавшей консервативности, неповоротливости индивидуальных крестьянских хозяйств их преобразование в колхозы и совхозы, по мнению Угланова, должно было занять ряд десятилетий, что нисколько не противоречило установкам XV съезда партии[47].

В связи с трудностями хлебозаготовок многочисленные записки поступали в МК ВКП(б), в президиумы собраний партийного актива, в которых ставилась под сомнение правильность политики партии в деревне, высказывались мнения о том, что происходит отступление от нэпа, переход к продразверстке[48]. Угланов считал такие записки здоровым проявлением демократизма. «Мы есть высшее партийное учреждение пролетарской демократии в Московской организации. Поэтому в этом учреждении полагается и обязаны вскрывать недостатки, давать

[38] МПА, ф. 3, оп. 9, д. 2, л. 19, 37.
[39] Там же.
[40] См. Сталин И. В. Соч., т. 11, с. 12, 14; МПА, ф. 3, оп. 9, д. 2, л. 19.
[41] МПА, ф. 3, оп. 9, д. 2, л. 19.
[42] См. Сталин И. В. Соч., т. 11. с. 12—13, 14.
[43] Там же, с. 39.
[44] См. там же, с. 13.
[45] См. Пятнадцатый съезд ВКП(б), т. 2, с. 1459.
[46] МПА, ф. 3, оп. 9, д. 2, л. 24
[47] Там же л. 28; Пятнадцатый съезд ВКП(б), т. 2, с. 1459.
[48] МПА, ф. 3, оп. 9, д. 2, л. 236.

им оценки, чтобы всем нам на них научиться, чтобы перед рабочими массами выступать с более безошибочной деятельностью»[49].

Было ясно, что одними административными, жесткими мерами, вызывавшими протест, нельзя устранить ошибки экономической политики. Сталинские нажимные методы форсированного строительства колхозов и совхозов вызвали возражение среди ряда партийных и хозяйственных руководителей.

В июне 1928 г. в партийных кругах Москвы стало известно письмо в Политбюро заместителя наркома финансов, кандидата в члены ЦК М. И. Фрумкина, который, определив состояние сельского хозяйства как застойное, выступил против форсированного строительства колхозов и совхозов, за предоставление помощи и широких возможностей в производстве хлеба всем, в том числе кулацким хозяйствам, за повышение заготовительных цен на хлеб[50].

Сталин подготовил свой ответ на письмо Фрумкина и обратился за поддержкой к Угланову. Однако Угланов предложил учесть мнение членов Политбюро. Это было воспринято Сталиным как проявление неугодного для него суждения, как переход Угланова на позиции Фрумкина. Действительно, Угланов также считал, что для подъема сельского хозяйства необходимо было оказание помощи индивидуальному крестьянству и наряду с этим проведение коллективизации и строительство совхозов[51]. В оценке индивидуального крестьянского хозяйства он не выделял кулацкого, считая, по-видимому, преждевременным сбрасывать со счетов его долю в производстве хлеба.

В июле 1928 г. Пленум ЦК ВКП(б) обсудил политику хлебозаготовок в связи с общим хозяйственным положением[52]. Сталин и его сторонники видели главную угрозу по отношению к хлебозаготовкам в агрессивности кулака. Бухарин, Рыков, Томский и Угланов заостряли внимание на недовольстве среднего крестьянства политикой партии в деревне и опасности нарушения в связи с этим союза рабочего класса и крестьянства. Сталин согласился с Баглановым, что мелкое хозяйство еще долго будет базой сельскохозяйственного производства[53]. Однако, открыто признавая эту точку зрения, Сталин вместе с тем считал единственно верным путь форсирования коллективизации и наступления на кулака. Высказанные на Пленуме полярные точки зрения привели к конфронтации его участников.

В среде московских коммунистов появились разговоры об особой позиции Угланова в отношении политики партии в деревне, отрицавшей необходимость ускорения коллективизации. Об этом свидетельствовала и записка, поданная докладчику А. И. Рыкову 13 июля 1928 г. на собрании актива Московской организации ВКП(б), в которой выражалась просьба рассказать об этом. Угланов в своем выступлении сообщил, что его анализ трудностей хлебозаготовок был в ЦК в основном принят и они отражены в резолюциях июльского Пленума ЦК[54]. В зале отреагировали на этот ответ аплодисментами.

Угланов не ставил под сомнение возможность построения социализма в нашей стране в связи с трудностями хлебозаготовок, но считал, что успеха можно будет добиться в том случае, «если мы не наделаем крупнейших глупостей, если не наворочаем черт знает что, если мы не будем строить, да перестраивать»[55]. Он не отрицал наличия клас-

[49] Там же.
[50] См. Шестой объединенный пленум МК и МКК ВКП (б), с. 49.
[51] МПА, ф. 3, оп. 9, д. 71, л. 29.
[52] См. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. 9-е изд., доп. и испр. М., 1984, с. 348—354.
[53] См. Известия ЦК КПСС, 1989, № 1, с. 126.
[54] МПА, ф. 3, оп. 9, д. 71, л. 22.
[55] Там же, л. 24.

совых противоречий, но выступал против стремления Сталина и его сторонников только классовыми противоречиями объяснять все трудности, включая и допускаемые ошибки [56].

Смысл критики он видел в том, чтобы не «пришивать уклоны» [57], а подчинять ее конкретному исправлению допущенных промахов.

Суждения Угланова о путях преодоления противоречий в социалистическом строительстве, высказанные им на заседаниях Политбюро, в беседах со Сталиным, не всегда были убедительны. Сам Угланов признавал: «Не по всем вопросам я был прав, но очень многие из указаний, которые я делал в ЦК, не отвергались» [58]. Если бы не игнорировалась свобода мнений, проблема различий во взглядах была бы вполне разрешима без драматических последствий. К сожалению, тогда все сложилось иначе.

11 сентября 1928 г. на объединенном пленуме МК и МКК ВКП(б) Угланов, говоря о ближайших задачах Московской партийной организации, подчеркнул, что она «со всей решительностью и твердостью боролась и будет бороться против всякого рода извращений и уклонов от партийной политики» [59].

Некоторые участники пленума потребовали от докладчика подробного объяснения имевшихся разногласий в Политбюро, так как, по слухам, Угланова обвиняли в недооценке им влияния на московский пролетариат мелкобуржуазной стихии и в политическом уклоне [60]. Присутствовавший на пленуме Молотов не высказал своей точки зрения по этому вопросу, но на другой день он предъявил Угланову претензии, что в докладе и резолюции не отражены решения VI конгресса Коминтерна и июльского Пленума ЦК о необходимости борьбы с правым уклоном и примиренчеством с ним, и потребовал внести соответствующие поправки в доклад и резолюцию [61]. Угланов выполнил это требование [62].

3 октября 1928 г. в «Правде» за подписью Угланова было опубликовано письмо ко всем членам Московской организации ВКП(б) о ближайших задачах в связи с предстоящими перевыборами бюро ячеек и партконференциями. В нем предлагалось усилить идейную борьбу против остатков троцкистской оппозиции, выступившей с «левой» фразеологией, а также с правыми элементами, не видящими кулацкой опасности. Осуждая «правых» и призывая к идейной борьбе с ними, Угланов решительно требовал вместе с тем свободы внутрипартийной критики [63].

Хотя письмо было одобрено на бюро Московского комитета партии единогласно, зав. орготделом МК ВКП(б) В. И. Полонский неожиданно провел несколько совещаний в МК, на которых были осуждены ошибки Угланова и ряда руководящих районных работников [64]. В партийных организациях стали распространяться слухи, что Угланов «правый», что он начал борьбу против Центрального Комитета партии, «переметнулся в сторону Рыкова» [65]. От имени ЦК ВКП(б) высказывалась критика руководства МК ВКП(б) за пассивное отношение к хозяйственным вопросам, констатацию только недостатков и игнорирование достижений [66]. Бюро Бауманского РК ВКП(б) во главе с секретарем райкома В. Е. Цифриновичем потребовало срочного созыва внеоче-

[56] См. там же.
[57] Там же.
[58] Шестой объединенный пленум МК и МКК ВКП(б), с. 120.
[59] Пятый объединенный пленум МК и МКК ВКП(б), с. 23.
[60] См. там же, с. 23, 24.
[61] См. Шестой объединенный пленум МК и МКК ВКП(б), с. 10—11.
[62] См. там же.
[63] См. Правда, 3 октября 1928 г.
[64] См. Шестой объединенный пленум МК и МКК ВКП(б), с. 14, 96.
[65] См. там же, с. 13, 18, 95—96.
[66] См. там же, с. 11.

редного пленума МК и МКК ВКП(б) для решения вопроса о руководстве Московской организации[67].

18—19 октября такой пленум состоялся. На нем Угланов категорически возражал против подогреваемых сверху слухов о том, что МК якобы готовился к борьбе против ЦК. «...Мы, насколько всем известно, не отделяли себя от общей политики нашей партии. ...Мы решительно отклоняем попытки взвалить на нас обвинения в том, что у нас была своя особая линия, отличная от линии ЦК, попытку приписать нам организацию борьбы против Центрального Комитета партии. Мы считаем это грубейшее обвинение, которое на нас возводится, ничем не обоснованным, неправильным и вредным»[68]. Серьезно бороться с правой опасностью, по его мнению, можно только путем преодоления растущих хозяйственных трудностей и устранения допускаемых ошибок. Угланов выступал против попыток дать ряду московских партийных руководителей ярлык «политических банкротов, оппортунистов»[69].

Главное, считал он, заключалось в умении исправлять допущенные ошибки, а не расправляться с допустившими их людьми. «...Это, товарищи,— говорил Угланов,— не выход из общих затруднений. Выход надо искать на других путях...»[70]. Одним из них, по его мнению, должна была стать ликвидация напряженности и создания более здоровой атмосферы в партии, недопущение нарушений демократических принципов[71]. Нормальное развитие внутрипартийной жизни он видел в том, чтобы признавшего свои ошибки способного работника вовлекать в активную деятельность.

Самокритичным, далеким от покаяния или какой-либо амбициозности было заключительное слово докладчика. «Я начинаю чувствовать, что мой характер... напористость, угловатость и, очевидно, политический и общекультурный уровень,— говорил он,— не соответствуют крупнейшим задачам, стоящим перед партией, и начинают становиться тормозом и препятствием для моей общеполитической деятельности»[72]. Угланов нисколько не переоценивал себя, считая, что не всегда во всем был прав, что, несмотря на долголетнее пребывание в партии, крупнейшие вопросы с первого слова понять не мог[73]. Он взял на себя основную ответственность за «ошибки», допущенные Московским комитетом партии, готов был принять участие в их исправлении, в дальнейшем укреплении организации в целом.

Пленум принял постановление, в котором отмечалось, что слабость руководства МК и МКК ВКП(б) состояла «в неясной постановке вопроса о правой опасности, недостаточном отпоре правому уклону и примиренчеству с ним»[74]. Вместе с тем в целом пленум одобрил деятельность МК и МКК ВКП(б). Состоявшиеся в октябре объединенные пленумы Замоскворецкого, Сокольнического, Бауманского РК и РКК ВКП(б) также выразили политическое доверие руководству Московской партийной организации.

Однако сталинская машина компрометации неугодных работников уже была приведена в действие. И не было силы, способной остановить ее. Вопреки ранее принятым решениям, состоявшийся 27 ноября 1928 г. пленум МК ВКП(б) освободил Угланова и второго секретаря МК ВКП(б) В. А. Котова от занимаемых должностей[75]. По решению

[67] МПА, ф. 3, оп. 11, д. 654, л. 9.
[68] Шестой объединенный пленум МК и МКК ВКП(б), с. 16.
[69] См. там же.
[70] Там же, с. 15.
[71] См. там же, с. 122.
[72] Там же, с. 120.
[73] См. там же, с. 119, 120.
[74] Там же, с. 129.
[75] МПА, ф. 3, оп. 9, д. 17, л. 2.

пленумов РК ВКП(б) в октябре были освобождены от работы секретарь Краснопресненского РК ВКП(б) М. Н. Рютин, Рогожско-Симоновского — М. А. Пеньков, Хамовнического — В. А. Яковлев, Замоскворецкого — Е. Ф. Куликов [76].

В партийных организациях это было воспринято по-разному. Сталин на ноябрьском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) заявил, что при отсутствии фактов нарушения партийных решений правыми не следует освобождать их от руководящих постов. В ответ из зала последовало напоминание о московской практике [77]. Сталин ответил, что среди московских товарищей правых не было, а была примиренческая тенденция [78].

На вопрос об организационной борьбе Сталин заявил, что она была порождена проходившими в Москве перевыборами партийных организаций на базе самокритики, и районные активы имели право снимать своих секретарей [79]. Устранение «правых» маскировалось под инициативу снизу, тогда как судьбу Угланова определил сам вождь. Увидев угрозу своей власти в единстве позиций Бухарина, Рыкова, Томского и поддержке их Углановым, Сталин решил сначала убрать последнего.

Коварство приемов Сталина заключалось в том, что публично он демонстрировал одну позицию, а закулисно через своих помощников, зараженных вирусом верноподданничества «первому», организовывал дискредитацию руководителей «снизу» и создание общественного мнения большинства.

После освобождения с поста секретаря МК ВКП(б) Угланов с 6 декабря 1928 г. по июль 1930 г. возглавлял Наркомтруд СССР. На апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) он воспользовался возможностью и заявил о необоснованности выдвинутых против него обвинений; о нежелании в верхах открыто говорить об ошибках, допущенных в экономике; напомнил неоднозначную позицию в отношении кулака некоторых членов Политбюро (в частности, К. Е. Ворошилова, считавшего, что с кулаком надо жить, ладить и работать); подчеркнул, что чрезвычайные меры не смогут обеспечить действительной хозяйственной заинтересованности среднего крестьянства. Угланов показал несостоятельность выступлений против него С. В. Коснора, К. Я. Баумана, а Л. М. Кагановичу ответил: «Вы мне пытаетесь в уста вложить кулака».

Чтобы иметь возможность работать в рядах партии и приносить пользу пролетарскому делу, Угланов смирился с несправедливостью, а возможно, и понял бесполезность дальнейшего отстаивания своей принципиальной позиции при отсутствии поддержки Бухарина, Рыкова, подчинился мнению большинства и принял груз предъявленных ошибок в заявлении, сделанном на ноябрьском (1929 г.) Пленуме ЦК партии.

Ему была предоставлена возможность выступить на XVI съезде партии, где вокруг него была создана враждебная атмосфера. Несмотря на шум в зале, раздававшиеся грубые выкрики, Угланов, отрицая свое участие во фракционной борьбе, напомнил, что задача большевиков — бороться за единство партии [80].

В ответных выступлениях партийных руководителей преобладала обвинительная тональность. А. С. Бубнов назвал Угланова человеком «с совершенно дезорганизованным рулевым управлением», И. М. Ва-

[76] Там же, оп. 11, д. 654, л. 10, 13, 20, 33, 35; ф. 69, оп. 1, д. 528, с. 99а, 102.
[77] См. Сталин И. В. Соч. т. 11, с. 287.
[78] См. там же, с. 288.
[79] См. там же.
[80] См. XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенограф. отчет. М.—Л., 1930, с. 131.

рейкис — «кулацкой агентурой». Не проявили объективности в оценке выступления Угланова также И. А. Зеленский, В. Я. Чубарь и др.[81]. «Тов. Угланов не рядовой член партии, это не вчерашний кандидат партии, это член ЦК, это вчерашний руководитель передовой нашей Московской организации,— говорил С. М. Киров.— Все, кто внимательно его слушал, не могли не уловить того настроения, которое так и сквозило во всех его словах... С таким настроением, как у Угланова, можно только сдавать позицию за позицией классовому врагу»[82].

В конце июня 1930 г. партколлегия ЦКК ВКП(б) объявила Угланову выговор за фракционное поведение, а в конце августа он был направлен в Астрахань председателем Госрыбтреста. В марте 1932 г. он назначается начальником сектора в Наркомтяжпроме СССР, а в октябре того же года его исключают из партии как якобы бывшего участника правооппортунистической оппозиции, будто бы скрывавшего существование и содействовавшего тем самым деятельности так называемой контрреволюционной группы М. Н. Рютина, П. А. Галкина, М. С. Иванова. (В июне 1988 г. Верховным Судом СССР они реабилитированы в судебном порядке, а в декабре — в партийном отношении.)

С октября 1932 г. Угланов несколько месяцев был безработным, в начале 1933 г. он получил должность на одном из приисков Западной Сибири, где был арестован по делу А. Н. Слепкова, Д. П. Марецкого и др. В апреле был освобожден и в мае 1933 г. назначен управляющим Рыбтрестом в г. Тобольск. Здесь в 1934 г. его восстановили в партии. За короткий срок он завоевал авторитет в партийной организации и коллективе треста. Следуя своему убеждению — активно использовать в хозяйственном строительстве полезных для дела людей, он принимал на работу ссыльных (бывших троцкистов), поддерживал их участие в соцсоревновании. Наблюдение за ним продолжалось, и в 1936 г. по распоряжению сверху он вновь был исключен из рядов партии, как «причастный к делу контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группы, лидер правого уклона», и незаконно репрессирован. Военной коллегией Верховного Суда СССР в мае 1937 г. он был приговорен к расстрелу. Реабилитирован в судебном и партийном отношении в 1989 г.[83].

* * *

Трагическая судьба Н. А. Угланова — еще один из сотен тысяч примеров того, что политическая дискредитация руководителей в годы сталинщины становилась возможной при игнорировании принципов коллективности руководства.

Механизм такой дискредитации формировался Сталиным и его помощниками под прикрытием защиты ленинских идей социалистического строительства и был рассчитан на создание путем дезинформации широкого общественного мнения. Одним из основных факторов дискредитации политической деятельности Угланова было отсутствие достаточной информации о деятельности Политбюро, пленумов ЦК ВКП(б) и других эшелонов власти, нарушение ленинских норм партийной жизни.

Благодатной почвой для расправы с людьми являлось извращение нравственных принципов социализма, деформация товарищеских отношений в партии, подхалимство, неискренность. Устав партии требовал от коммунистов соблюдать партийную дисциплину, выполнять принятые решения, но не допускал никакого инакомыслия, тем более если это касалось протестов против царящей несправедливости и попыток борьбы против нее, воплощением которой был Сталин.

---

[81] См. там же, с. 133, 166, 167, 174, 181.
[82] Там же, с. 157, 159.
[83] См. Известия ЦК КПСС, 1990, № 2, с. 126.

I ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА: СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И КАДЕТИЗМ

В. В. КОРНЕВ,
кандидат исторических наук, доцент

В нашу задачу не входит рассказ о всех перипетиях взаимоотношений и противоборства социал-демократов с кадетами — главной партией либеральной буржуазии, тем более что по этой проблеме имеется солидная литература[1]. В свете современной политической борьбы целесообразно проанализировать исторический опыт столкновений на парламентской арене двух идеологий: марксистской и буржуазно-либеральной. Особенно интересно сделать это на примере I и II Государственных Дум в России. Неразвитость политической системы в 1906—1907 гг., начало политической борьбы двух партий в период кризиса, вылившегося в первую российскую революцию, начало деятельности парламента России в строго ограниченных законом рамках — все это позволяет наиболее выпукло представить позиции классовых противников, изучить их первые шаги, победы и поражения.

Но не только это обстоятельство заставило нас обратиться к этой проблеме.

КАДЕТ В КРОССОВКАХ

В начале 1990 г. «Аргументы и факты» сообщили, что в октябре прошлого года в Москве было провозглашено создание Союза конституционных демократов. «В работе конференции приняли участие представители 26 городов...»[2] А в конце января 1990 г. в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС состоялась беседа за «круглым столом», в которой приняли участие неформалы. Тема беседы — отношение к социалистической идее, перспективам нашей страны. Участвовал в беседе и представитель Союза конституционных демократов (возрожденные кадеты) В. Золотарев, явившийся на дискуссию в кроссовках и с жевательной резинкой в зубах. Он «отрицал социалистические идеи и принципы как базисные в развитии цивилизованного общества»[3].

---

[1] См. В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970; Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1970; Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в.— 1920 г.). М., 1977; Он же. Россия. 1917 г. Из истории борьбы политических партий. М., 1987; Кувшинов В. А. Разоблачение партией большевиков идеологии и тактики кадетов (февраль — октябрь 1917 г.). М., 1982; Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и течениями. Материалы конференции. М., 1983; Шелохаев В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1983; Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984; Думова Н. Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988; Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989, и др.

[2] Аргументы и факты, 1990, № 6.

[3] Правда, 19 февраля 1990 г.

1 апреля 1990 г. «Правда» сообщила: в СССР «создана Либерально-Демократическая партия». Печатный орган партии — газета «Речь».

Таким образом, и Союз конституционных демократов, и ЛДП, и недавно образовавшаяся Конституционно-демократическая партия открыто демонстрируют свою преемственность с кадетской партией (ее центральный печатный орган — газета «Речь»), действовавшей в России с 1905 по 1920 г., главным идейным врагом большевизма на всех этапах революционного движения в стране. На страницах прессы, во всевозможных интервью по радио и телевидению лидеры этих партий ссылаются на исторический опыт русских либералов, затрагивают различные стороны деятельности партии кадетов. В то же время просматривается стремление новоявленных кадетов и либералов идеализировать своих исторических предшественников, обелить их в глазах советских людей. Поэтому вторая цель нашего научно-публицистического анализа — кратко рассмотреть историю кадетской партии в 1905—1907 гг.: она представляется нам в виде трагедии и фарса [4].

ТРАГЕДИЯ: КЛАССОВЫЙ СОСТАВ КАДЕТОВ

Конституционно-демократическая партия (партия народной свободы), кадеты, главная партия либеральной буржуазии. Образована в октябре 1905 г. Предшественники — нелегальные политические организации либеральной буржуазии «Союз земцев-конституционалистов» (1903) и «Союз освобождения» (1904) [5].

Глубокий анализ классового состава кадетской партии дал В. И. Ленин. В одной из своих работ он писал о классовой структуре этой партии: «Не связанная с каким-либо одним определенным классом буржуазного общества, но вполне буржуазная по своему составу, по своему характеру, по своим идеалам, эта партия колеблется между демократической мелкой буржуазией и контрреволюционными элементами крупной буржуазии. Социальной опорой этой партии является, с одной стороны, массовый городской обыватель... а с другой стороны, либеральный помещик, тяготеющий чрез посредство либеральничающего чиновника к сделке с самодержавием, к «безобидному» дележу власти между народом и всякими угнетателями народа божиею милостью» [6].

Кадетская партия состояла из двух больших социальных групп: буржуазная интеллигенция и обуржуазившиеся помещики. К ним тесно примыкала мелкая городская буржуазия. Это была не социально-однородная величина, а блок различных социальных элементов. «В партию к.-д.,— писал Ленин,— входит меньшинство помещиков России (масса помещиков черносотенна), меньшинство капиталистов (масса их — октябристы). В нее входит большинство, масса только буржуазной интеллигенции» [7]. При этом Ленин указывал, что буржуазная интеллигенция — самый деятельный, решительный и боевой элемент кадетской пар-

---

[4] В виде фарса представляются нам и некоторые публикации в газете «Гражданское достоинство» — органе СКД. К сожалению, у нас сейчас нет возможности подвергнуть анализу содержание этой газеты. Но обращение газеты к своем читателям, выделенное жирным шрифтом: «Господа!» сразу вызвало у меня в памяти отрывок из выступления писателя-сатирика Михаила Задорного: «В Прибалтике... большинство в знак протеста против прошлого требует называть себя теперь, видите ли, не товарищи, а дамы и господа. Ты посмотри на себя внимательно в зеркало: какой из тебя господин? Если ты носишь галстук цвета унижения человеческого достоинства. И повышенно активно реагируешь на фразу: «Сегодня в продажу выбросили колбасу». Господа колбасу едят, а товарищам ее выбрасывают. И какая леди из твоей жены? Если она в последний раз в театре не была никогда...»

[5] Подробнее см. Шацилло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. Организация. Программы. Тактика. М., 1985.

[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 286—287.

[7] Там же, т. 14, с. 192.

тии[8]. Она являлась идеологическим вожаком партии кадетов, вырабатывала ее программу. Помещики корректировали ее и оказывали решающее влияние на выработку партийной тактики.

ФАРС: ВНЕКЛАССОВАЯ ПАРТИЯ

Кадетские лидеры стремились скрыть классовый характер своей партии. Они объявляли, будто кадеты — внеклассовая партия. В записке о программных вопросах А. Н. Четвертухин заявил: «Почему наша партия не буржуазная? Потому, что мы отстаиваем интересы всех классов»[9]. С обоснованием этого ложного тезиса выступал и П. Б. Струве. В октябре 1906 г. в одной из своих работ он утверждал, что Конституционно-демократическая партия — партия не классовая, а национальная: «Существенное отличие нашей партии от известного типа партий, стоящих налево и направо от нас, заключается... в том, что наша партия есть партия *не классовая*. Это не значит, чтобы наша партия отрицала всякое значение классового деления, классовой борьбы, классового самосознания, но и поверх классовых делений, над ними, и в глубине, под ними она находит интересы и идеалы общечеловеческие...

Таким образом, классовым партиям наша партия противопоставляет себя, как партию *национальную*. Партия национальная не в смысле отстаивания интересов какой-либо одной... народности... а... в смысле признания того, что интересы отдельных лиц и классов необходимо объединяются в данном высшем идеальном интересе, интересе государства»[10].

Демагогически заявляя о своем внеклассовом, общенациональном характере, кадеты в действительности выражали интересы одного класса — класса буржуазии. «Кадетская партия,— писал В. В. Воровский,— есть... партия капиталистическая, буржуазная, интересы которой несовместимы с интересами пролетариата и остальной малоимущей массы»[11].

ТРАГЕДИЯ: ЧИСЛЕННОСТЬ КАДЕТОВ

Источники, свидетельствующие о количественном составе кадетской партии, дают весьма условную цифру, так как большинство губернских комитетов партии никогда не знали точного количества своих членов. В истории невозможно найти другой политической партии, которая бы так быстро приобретала и теряла своих членов, как партия кадетов в период первой российской революции.

По подсчетам В. В. Шелохаева, общая численность кадетской партии в период ее кульминационного развития весной и летом 1906 г. составляла примерно чуть более 50 тыс. человек[12]. При этом он оговорился, что возможности для дальнейшей корректировки численности кадетов еще далеко не исчерпаны и, видимо, их численность окажется «несколько большей»[13].

И тем не менее нельзя согласиться с новоявленным кадетом, членом исполкома Союза конституционных демократов И. Суриковым, заявившим в «Аргументах и фактах», что партия кадетов насчитывала к 1907 г. 70—100 тыс. членов[14]. Смею предположить, что профессор биологии И. Суриков не удосужился полистать книгу профессора истории В. В. Ше-

---

[8] См. там же, т. 11, с. 200.
[9] ЦГАОР СССР, ф. 1167, оп. 2, д. 5419, л. 1.
[10] Струве П. Б. Идеи и политика в современной России. М., 1907, с. 4—5.
[11] Воровский В. В. Кадеты в Думе. Возникновение рабочего класса. Спб., 1906, с. 8.
[12] См. Шелохаев В. В. Указ. соч., с. 64.
[13] См. там же.
[14] См. Аргументы и факты, 1990, № 6.

лохаева, а просто глянул не мудрствуя лукаво в «святцы» — Историческую энциклопедию да в Большую советскую энциклопедию, где приведены эти данные [15], взятые у самих кадетов [16], без их критической оценки.

ПРОГРАММА КАДЕТОВ

На учредительном съезде кадетской партии, проходившем в Москве с 12 по 18 октября 1905 г., были приняты программа и устав. Решения съезда объявлялись временными (до созыва II съезда). Был избран временный ЦК в составе 26 членов.

II съезд состоялся в Петербурге 5—11 января 1906 г. На него съехались 102 делегата. Как отмечал П. Н. Милюков, «II съезд не принял ничего нового: он только прочнее утвердил партию на основе, заложенной первым съездом» [17].

Программа кадетов требовала демократических свобод (свободы слова, печати, собраний, совести и пр.), создания в России конституционной и парламентарной монархии, всеобщего избирательного права. По вопросу о структуре народного представительства в виде одной или двух палат программа допускала «свободу мнений». Требование ответственного думского министерства после роспуска I Думы было заменено требованием «министерства, пользующегося доверием большинства Думы», то есть кадеты соглашались на создание коалиционного кабинета.

Кадеты выступали за «очищение» судебной системы от сословных пережитков, за реформу суда и судопроизводства на чисто буржуазных началах: восстановить судебные уставы 1864 г.; упразднить суд судебной палаты с участием сословных представителей и передать дела в ведение окружных судов с участием присяжных заседателей, восстановить кассационный суд; освободить суд от надзора административной власти; ввести выборность судей, гласность судопроизводства и т. д.

Центральный пункт национальной программы — требование культурного самоопределения народностей, входивших в состав Российской империи, то есть предоставление каждой народности права пользования родным языком во всех сферах общественной жизни. Было записано также требование восстановить конституцию Финляндии, предоставить автономию Польше.

Финансово-экономические вопросы были сведены к требованию пересмотра госбюджета, отмены выкупных платежей, понижения косвенного обложения и постепенной отмены косвенных налогов на предметы народного потребления, введения прогрессивного подоходного налога на наследство, понижения таможенных пошлин.

Аграрная программа признавала необходимость частичной национализации земли — создание земельного фонда. Во II Думе из кадетского аграрного законопроекта это требование исчезло. Основные источники земельного фонда: государственные, удельные, кабинетские, монастырские, церковные земли, а также часть помещичьих земель, отчуждаемых за выкуп. Принудительному отчуждению не подлежали мелкие помещичьи землевладения, надельные и др. соответствующие им крестьянские земли, земли, на которых расположены фабрично-заводские и с.-х. предприятия, земли под усадьбами, огородами, городские выгонные

---

[15] См. Советская Историческая Энциклопедия. Т. 7, стб. 830; БСЭ. Т. 11. 3-е изд. с. 128.

[16] См. Отчет Центрального Комитета Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы). За два года с 18 октября 1905 г. по октябрь 1907 г. Спб., 1907, с. 14. По даным Департамента полиции, весной 1906 г. кадетская партия насчитывала 100 000 членов (ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 999, ч. 43, т. 2, л. 246). Однако и Секретариат ЦК кадетов и Департамент полиции отмечали, что эти цифры являются ориентировочными.

[17] Милюков П. Н. Год борьбы. Спб., 1907, с. 116.

земли. Помещичьи земли подлежали отчуждению по «справедливой» оценке (не рыночной) за счет государства. Основной критерий этой оценки — способ их эксплуатации. Выкуп помещичьих земель должен проводиться за счет государства. Но этот пункт в 1907 г. был изменен: половина расходов по выкупной операции должна быть возмещена самими крестьянами (3 млрд. руб.). Это была новая петля для российского крестьянства. За отведенные земли крестьяне должны были уплатить поземельный налог, величина которого находилась в прямой зависимости от размера выкупа за помещичью собственность.

Один из центральных пунктов — о составе местных комитетов, которым передавалось решение земельного вопроса. Кадеты настаивали на их создании на бюрократической основе: треть от государственных чиновников, треть от помещиков и треть от крестьян, то есть кадеты намеревались передать решение аграрного вопроса в руки помещиков. По существу, в аграрной программе кадеты выступали за «очистку» аграрного строя России от наиболее грубых форм и методов полукрепостнической эксплуатации, стремились приспособить Россию к потребностям буржуазного развития, установить в деревне «социальный мир». Сохраняя помещичье землевладение, они тем самым отстаивали буржуазную эволюцию сельского хозяйства по прусскому пути.

По рабочему вопросу программа требовала восьмичасового рабочего дня («где это является по техническим условиям возможным»), свободы рабочих союзов, собраний и стачек. Заканчивалась программа разделом о народном просвещении: кадеты требовали всеобщего, бесплатного и обязательного начального обучения, развития профессионального образования, автономии университетов, свободной организации студенчества и т. д.

Стратегия кадетской партии — отрицание революционного пути изменения государственного строя, направление революционно-освободительного движения в русло мирной борьбы за конституцию. Тактика была типична для буржуазной партии: ареной политической борьбы служит исключительно парламентская трибуна. I съезд, проходивший в разгар Всероссийской октябрьской политической стачки, учел успешное шествие революции и имел «левый» характер: он выразил свою «полную солидарность с забастовочным движением». В Манифесте 17 октября 1905 г. кадетская партия увидела конституционный акт, отменявший неограниченное самодержавие и создававший условия для установления в стране конституционно-монархического режима. II съезд учел поражение Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве и сделал первый шаг вправо. Кадеты начали протестовать против «тирании и ужасов революции», осудили вооруженное восстание.

ФАРС: «ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ?»

Итак, II съезд подправил партийную программу. Он также подправил и название партии. В его решениях говорилось: «К названию партии решено прибавить, в виде подзаголовка, слова «Партия Народной Свободы» [18]. Это было вызвано стремлением привлечь на свою сторону широкие круги избирателей. Вопрос о новом названии Конституционно-демократической партии был поставлен сразу же после окончания I съезда. Московский кадет А. Морковников направил письмо в ЦК с предложением изменить название партии, ибо массы не поймут названия. «Конституционалист» и «демократ» будут, вероятно,— писал он,— для многих звучать чем-то противозаконным и отпугивающим от партии крестьянских и мещанских обывателей» [19].

[18] Конституционно-Демократическая партия (Партия народной свободы). Постановления II-го съезда, 5—11 января 1906 г. и программа. Спб., 1906, с. 7.
[19] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 75, л. 2 об.

Этот вопрос обсуждался на заседаниях ЦК КДП 13 и 14 ноября 1905 г. Свечин заявил: «Название партии мешает. Демократы — это в народном толковании — хулиганы и грабители» [20]. Его поддержали Щербина, Присецкий и Лопацинский [21].

ОЦЕНКА ЛЕНИНЫМ КАДЕТСКОЙ ПРОГРАММЫ

Советские историки достаточно полно и всесторонне рассмотрели взгляды Ленина на роль либеральной буржуазии в революционной борьбе, проанализировали его точку зрения на кадетскую программу. Поэтому остановимся лишь на конкретных моментах в русле нашего очерка.

Анализируя программу кадетов, Ленин показал, во-первых, что она ставила своей целью привлечь к партии голоса демократических избирателей. «...Кадеты в своей программе многое наобещали народу: и всеобщее избирательное право, и все свободы, и восьмичасовой рабочий день, и землю крестьянам. Но все это было сделано только для привлечения народных масс, а на деле всеобщего избирательного права они и в первых двух Думах прямо не предлагали; законы о свободах, предлагавшиеся ими, на деле были направлены к тому, чтобы возможно меньше свободы дать народу; вместо восьмичасового дня они предложили во второй Думе 10-часовой, а землю готовы были отдать крестьянам только такую, которая не нужна для капиталистического хозяйства... Все это был хитрый обман...» [22]. В программе кадетской партии, писал Ленин, «есть, например, свобода слова, свобода собраний, есть очень много хороших вещей. Но это не помешало кадетам выработать каторжные законопроекты и *против* свободы слова, и *против* свободы собраний, и против других хороших вещей» [23].

Во-вторых, Ленин показал, что кадетская программа всецело защищает интересы буржуазии. «Их программа,— писал он,— целиком буржуазна, кадеты не могут даже представить иного общественного строя, кроме капиталистического, за пределы которого не выходят самые смелые пожелания их. В области политики их программа соединяет вместе демократизм, «народную свободу», и контрреволюцию, свободу угнетения народа самодержавием...» [24].

Ленин считал, что признание кадетами таких средств революционной борьбы, которые уже отжили свое время, делается специально, чтобы не дать победить пролетариату, а лишь расшатать немного самодержавие и выторговать для либеральной буржуазии лишний кусочек прав [25].

ВЫБОРЫ В I ДУМУ: ПОБЕДА КАДЕТОВ

В 1920 г. Ленин, оценивая исторический опыт большевизма, признал, что тактика бойкота I Думы была ошибочной [26].

Почему же была допущена ошибка?

Дело в том, что внутриполитическая обстановка, сложившаяся в России к началу 1906 г., была сложной и противоречивой. Декабрьские вооруженные восстания пролетариата во многих городах империи потерпели поражения, однако революционное движение масс в стране продолжалось. Достаточно сказать, что в 1906 г. насчитывалось более мил-

[20] Красный архив, 1931, т. 3, с. 45.
[21] См. там же, с. 49.
[22] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 178—179.
[23] Там же, т. 13, с. 285.
[24] Там же, т. 12, с. 287.
[25] См. там же, с. 289—290.
[26] См. там же, т. 41, с. 18.

лиона стачечников. В стачечную борьбу включились рабочие текстильной и других отраслей легкой промышленности, ремесленных предприятий. Продолжало набирать силу рабочее движение в восточных национальных районах страны[27]. Если меньшевики после поражения московского восстания считали революцию законченной, то большевики полагали, что революция переживает временное затишье. В этих условиях РСДРП предполагала, что весной 1906 г. крестьянство поднимется еще активнее на борьбу с помещиками. Поэтому большевики держали курс на новое вооруженное восстание и призывали к активному бойкоту Государственной Думы.

Меньшевики выдвинули тактику полубойкота: выбирать уполномоченных и выборщиков, а остальные стадии выборов бойкотировать. Что же касается правых меньшевиков во главе с Г. В. Плехановым, то они стояли за участие в выборах в Думу и в самой Думе.

В 1906 г. Ленин написал статью «Победа кадетов и задачи рабочей партии». В ней он процитировал одного кадетского автора, который хвастливо заявлял, что кадетская партия, «допуская на свои митинги представителей крайних левых партий, победоносно вступала с ними в диспуты». Далее Ленин иронически заметил: «Когда-нибудь беспристрастные участники этих собраний расскажут о том, за кем оставалась победа»[28].

Никто из участников предвыборных собраний (кроме А. Кизеветтера) не оставил своих воспоминаний. Сохранились документы, которые беспристрастно уличают во лжи кадетского автора и свидетельствуют о том, что победа на предвыборных собраниях и митингах всегда оставалась за большевиками[29].

ЦК кадетской партии, учитывая, что пролетариат не удается привлечь на свою сторону, что рабочие в своей огромной массе верны большевистскому знамени, перенес центр тяжести предвыборной агитации на темную, забитую деревню и городскую мелкую буржуазию. Посеянные в этой среде конституционные иллюзии дали кадетской партии на выборах в I Думу пышные всходы[30].

Основные причины победы кадетов на выборах и, следовательно, их временного главенства, были: 1) ослабление влияния пролетариата на демократические силы населения после поражения декабрьского восстания в Москве и других городах; 2) отсутствие единства в рядах РСДРП; 3) бойкот выборов левыми партиями.

Ленин глубоко проанализировал причины победы кадетской партии в избирательной кампании. Давая анализ социально-политическому значению выборов в I Думу, он сделал вывод о том, что «русское освободительное движение вообще, партия кадетов в частности, переживает не-

---

[27] См. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. М., 1966, с. 163, 167.

[28] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 286.

[29] Размеры журнальной статьи не позволяют автору проиллюстрировать этот важнейший вывод, а поэтому отсылаем читателя к работам, в которых были проанализированы документы Департамента полиции и рассказано о всех аспектах борьбы большевиков с кадетами на выборах в I Думу. См. Шелохаев В. В. Провал деятельности кадетов в массах (1906—1907 гг.).— Исторические записки. Т. 95. М., 1975; Корнев В. В. Документы о борьбе с кадетами при выборах в Государственную Думу в период первой русской революции.— Советские архивы, 1976, № 4; Корнев В. В., Юминова Н. И. Борьба большевиков с буржуазным либерализмом и оппортунизмом меньшевиков в условиях спада революции 1905—1907 гг.— Вопросы истории КПСС, 1980, № 9.

[30] Из 21 города I категории (с особым представительством) в 18 городах кадеты победили одни, в Туле — в блоке с октябристами и только в Екатеринославе потерпели поражение. Из 33 городов II категории (посылавших в губернские собрания своих выборщиков) в 17 кадеты победили одни, в 8 городах — в блоке с национальными группами и в 7 — не победили вовсе. (См. Мускатблит Ф. Первый русский парламент. Одесса, 1906, с. 37). По крестьянской курии кадеты одержали победу в 7 губерниях из 45 Европейской России.

который социальный сдвиг. Центр тяжести этого движения более перемещается к городам. Движение демократизируется. Выдвигается городской обыватель из «мелкоты»[31].

Голосование на выборах было не столько за кадетов, сколько против правительства. «Кадетам победа досталась в значительной степени лишь *потому, что они оказались... самой левой партией,*— писал Ленин.— Действительно, левые партии были устранены насилием, арестами, бойнями, избирательным законом и т. д. Все недовольные, раздраженные, озлобленные, неопределенно-революционные элементы силой вещей, логикой выборной борьбы, вынуждены были сплотиться вокруг кадетов... Боролись, в сущности, две крупные силы: за правительство (контрреволюционный помещик, капиталист и озверелый чиновник) и против правительства (либеральный помещик, мелкая буржуазия и всякие неопределенные элементы революционной демократии)»[32].

Только в период затишья в открытой революционной борьбе кадеты, по словам Ленина, могли выступать в роли гегемона мелкобуржуазных масс. И не случайно поэтому нисходящий этап революции 1905—1907 гг. стал периодом наибольших успехов конституционалистов-демократов, сумевших временно подчинить своему идейному влиянию городского обывателя, часть крестьянства и даже наиболее отсталых рабочих. Ленин прямо указывал, что весной и летом 1906 г. во главе народа встала либерально-монархическая буржуазия — кадеты[33]. Наступил, отмечал он, «кадетский период» русской революции[34].

После поражения декабрьских вооруженных восстаний ощущалось стремление широких масс к «мирной» борьбе с самодержавием — посредством представительного учреждения, какой явилась Государственная Дума. «Народ,— писал Ленин,— т. е. широкие массы населения, еще не дорос в массе своей до сознательной революционности к 1906 году... Ему нужен еще был, как оказалось, особый опыт для этого, опыт кадетской Думы»[35].

ТАКТИКА МЕНЬШЕВИКОВ

Тактика меньшевиков в революции 1905—1907 гг. была направлена на соглашение с либеральной буржуазией. Исходя из буржуазного характера революции, происходившей в России, меньшевики требовали, чтобы пролетариат поддержал либералов и вошел в союз с ними на тех условиях, которые они сочтут для себя приемлемыми. Основная ошибка меньшевиков, по словам Ленина, состояла в том, что они «напирают на одну сторону дела, на конфликты буржуазии с самодержавием, оставляя в тени другую сторону дела: *соглашение* буржуазии с самодержавием против народа, против пролетариата, против революции. А между тем, именно эта вторая сторона дела выступает все более и более на первый план...»[36].

Меньшевики выступали апологетами кадетской теории двух лагерей в освободительном движении, согласно которой все общественно-политические силы России делились на 2 группы: сторонников и противников конституции. Они, например, относили либералов, демократов, революционеров к левым партиям, ставя в один ряд всю оппозицию самодержавию: кадетов, социалистов-революционеров, большевиков[37]. Меньшевики считали, что кадеты как политическая партия выступают

[31] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 283.
[32] Там же, с. 284—285.
[33] См. там же, т. 14, с. 107; т. 16, с. 34, 121.
[34] См. там же, т. 16, с. 111.
[35] Там же, т. 13, с. 309.
[36] Там же, т. 11, с. 242.
[37] См. Мартов Л. Политические партии в России. Спб, 1906.

от имени средней и мелкой городской буржуазии[38]. Именно в этой социальной среде они видели более надежного союзника пролетариата в борьбе с царизмом, чем крестьянство. Поэтому союз пролетариата с либералами казался меньшевикам более выгодным, чем союз пролетариата и крестьянства, которое они считали реакционным.

Особенно выпукло меньшевистская концепция роли либеральной буржуазии в переживаемой революции проявилась на IV (Объединительном) съезде РСДРП, состоявшемся в апреле — мае 1906 г. в Стокгольме. Лидеры меньшевиков пытались доказать, что в совершающейся революции гегемоном выступает либеральная буржуазия, а гегемония пролетариата — вредная утопия[39]. В. О. Левицкий-Цедербаум заявил: «Наступает такой переворот в социальных отношениях, который выражается в том, что политическая власть переходит в руки к классу буржуазии, и тогда совершенно неправильными, ненаучными являются заявления о противопоставлении интересов революционного народа интересам буржуазии, о диктатуре революционного народа, противостоящего буржуазии»[40].

П. Б. Аксельрод, проводя в выступлении мысль о неизбежности союза социал-демократии и кадетизма, о необходимости поддержать кадетов в Думе, сказал следующее: «Общественные отношения России созрели еще только для буржуазной революции, и историческая стихия толкает самих рабочих и революционеров с гораздо большей силой в сторону буржуазного революционизма, превращающего тех и других в невольных политических слуг буржуазии... В тактике революционных элементов со стихийной силой отражается влияние буржуазных тенденций нашей революции, толкающих и нашу партию на путь подчинения русского пролетариата политической опеке буржуазной демократии»[41].

Меньшевики полагали, будто политическое порабощение самодержавием всех классов политически сближает и объединяет пролетариат и буржуазию. По их мнению, в России развивается стихийная тенденция к слиянию всех угнетенных классов «в единый, политически солидарный «народ», в одно непривилегированное «третье сословие», обнимающее и пролетарские массы, и эксплуататоров»[42]. Меньшевики считали Думу представительным народным учреждением, которое станет ареной политических столкновений, и призывали партию строить свою тактику так, чтобы «сделать Думу рычагом дальнейшего развития революции»[43].

Политическое единство меньшевиков и кадетов на всех этапах первой русской революции проявилось прежде всего в вопросе об отношении к Государственной Думе и ее задачам как представительного учреждения. Отдавая пролетариат под руководство либеральной буржуазии, считая происходящую революцию в России чисто буржуазной, меньшевики ориентировали РСДРП на союз с кадетской партией. Меньшевики, говорил Ленин на съезде, не видят, что «буржуазия контрреволюционна, что у нее сознательное стремление к сделке. Они ссылаются на якобинцев, указывая, что те были наивными монархистами и стали республиканцами. Но кадеты не наивные, а сознательные монархисты. Это и забывают меньшевики»[44].

Критикуя меньшевистскую резолюцию об отношении к Государственной Думе, Ленин вскрыл их основную ошибку в системе взглядов на

[38] См. Общественное движение в России в начале XX века. Т. 3, кн. 5. Спб., 1914, с. 70.
[39] См. Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Апрель (апрель — май) 1906 года. Протоколы. М., 1959, с. 224.
[40] Там же, с. 217.
[41] Там же. с. 248.
[42] См. там же, с. 250.
[43] См. там же, с. 217.
[44] Там же, с. 241.

Думу: «В резолюции говорится о превращении Думы в орудие революции. Вы рассматриваете Думу исключительно с точки зрения правительственного давления на нас, правительственного гнета против революции. Мы рассматриваем Государственную Думу как представительство определенного класса, как учреждение с определившимся партийным составом. Ваше рассуждение совершенно неправильное, неполное, не по-марксистски построенное. Внутреннего строя Думы по классовому составу партии кадетов вы не учитываете. Вы говорите, что правительство душит революцию, а забываете добавить, что кадеты тоже обнаружили уже вполне и всецело стремление тушить революцию. Кадетская Дума не может не проявлять свойств кадетской партии» [45]. Это был очень важный вывод.

Многие меньшевики приняли деятельное участие в выборах и голосовали по кадетским спискам [46]. А некоторые, по сообщениям Департамента полиции, перешли в ряды кадетской партии [47]. Один из полицейских чинов в донесении директору Департамента прямо указывал на единство меньшевиков и кадетов: «Конституционно-демократическая партия, которая, прикрываясь конституционной и парламентской монархией, по существу совершенно проводит программу партии социал-демократической фракции «меньшинства»...» [48].

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И КАДЕТИЗМ В I ДУМЕ

В работе «Победа кадетов и задачи рабочей партии» Ленин, анализируя социально-политическое значение выборов в I Думу, обращает внимание на следующие вопросы: какой тактики будет придерживаться кадетская партия, если она окажется в Думе в меньшинстве при ее черносотенном составе или в большинстве, когда Дума будет кадетской.

В первом случае, говорил Ленин, замедлится крах кадетской партии, ибо быть в меньшинстве, оставаться в оппозиции для кадетов очень удобно, оппозиционные безвредные речи звучали бы весьма громко, поднимая в глазах политически не развитого населения престиж кадетов, и поэтому разоблачение кадетской пустоты могло бы замедлиться. Однако ход политического кризиса существенно не изменится, революция будет идти вперед и крах кадетов неизбежен [49].

Если кадеты будут преобладать в Думе, то их тактика, показывает Ленин, «неминуемо и неизбежно сведется к тому, чтобы лавировать между самодержавием и победой революционного народа, не давая ни одному противнику решительно и окончательно раздавить другого» [50]. Ленин доказывает читателю, что кадеты — это не партия, а симптом. «Это не политическая сила,— утверждает Ленин,— а пена, которая получается от столкновения более или менее уравновешивающих друг друга борющихся сил» [51]. Сила кадетов, считал он, есть сила, производная от революции. Если самодержавие раздавит революцию, кадеты станут бессильными. Если революционный народ раздавит самодержавие, то кадеты тоже будут бессильны, «ибо все жизнеспособное,— доказывал вождь большевиков,— тотчас же уйдет от них на сторону революции или контрреволюции» [52]. «Коротко говоря,— писал Ленин,— тактику кадетов можно выразить так: *обеспечить поддержку кадетской партии революционным народом*» [53].

[45] Там же, с. 283.
[46] См. Мускатблит Ф. Указ. соч., с. 48.
[47] ЦГАОР СССР, ф. 102, 0—0, 1905; д. 999, ч. 43, л. 99 об; фонд тот же. 1906/II, д. 650, л. 16 об.
[48] Там же, ф. 102, 0—0, 1905, д. 999, ч. 43, л. 147.
[49] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 295.
[50] Там же, с. 302.
[51] Там же, с. 293.
[52] Там же, с. 302—303.
[53] Там же, с. 303.

Политика кадетской партии в Думе полностью подтвердила слова Ленина. Думская тактика кадетов — это тактика лавирования между самодержавием и народными массами и компромисса с царизмом.

В I Государственной Думе кадеты располагали лишь 36% депутатских мест[54]. Но благодаря тому, что за ними шла фракция трудовиков, ссорившаяся с ними, но почти всегда их поддерживавшая, а также часть автономистов и беспартийных, кадетской фракции принадлежала руководящая роль в Думе.

В составе трудовой группы было несколько рабочих, которые сначала отделились от трудовиков в особую рабочую группу, а после прибытия 5 социал-демократических депутатов с Кавказа, где выборы происходили тогда, когда уже РСДРП отказалась от бойкота, образовали в июне социал-демократическую фракцию в составе 18 человек.

Депутаты Думы — рабочие оказались избранными либо голосами крестьянских выборщиков, либо благодаря поддержке кадетов, что обусловило непартийный характер состава рабочих депутатов. Ленин писал по этому поводу: «Рабочие депутаты прошли в Думу непартийным путем. Почти все, или даже все, прошли посредством прямых или косвенных, молчаливых или признанных, соглашений с кадетами. Многие прошли в Думу так, что нельзя разобрать, в качестве к.-д. или с.-д. они были выбраны»[55].

По решению IV съезда РСДРП социал-демократическая фракция должна была действовать под руководством и контролем партии. Но меньшевистский ЦК давал сбивчивые, нечеткие указания, толкавшие ее на соглашательский путь. Особенно ярко это выразилось в декларации фракции, в которой проводилась меньшевистская идея о том, что Дума может явиться центром общенародного движения против самодержавия[56]. Как видно, позиция меньшевиков и в данном вопросе смыкалась с политической позицией кадетов. Подталкиваемая меньшевиками, социал-демократическая фракция во имя единства Думы была готова отказаться от программного требования РСДРП конфискации земли и голосовать за кадетский проект обращения к народу по аграрному вопросу. Но этот проект был так далек от подлинно революционного разрешения аграрной проблемы и являлся очередным словоблудием кадетов, что с.-д. фракция в конце концов отвергла его и стала готовиться к самостоятельному воззванию по аграрному вопросу[57].

Большевики решительно предупреждали рабочих депутатов против расчетов на либеральную буржуазию. Ленин говорил, что они должны поддерживать не Думу в целом, а только трудовиков, побуждая их выступить вполне самостоятельно и действительно отстаивать интересы революционного крестьянства[58].

Думская тактика большевиков была направлена на отрыв трудовиков от кадетов и на образование блока пролетариата и революционно-демократических сил, который бы явился предпосылкой для подъема революционного движения в стране. «Наша задача,— писал Ленин,— быть на своем посту в тот момент, когда думская комедия разразится в новый великий политический кризис, и своей целью мы поставим тогда не поддержку кадетов... а свержение самодержавного правительства и переход власти в руки революционного народа»[59].

---

[54] См. Сидельников С. М. Образование и деятельность Первой Государственной Думы. М., 1962, с. 196.

[55] Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 13, с. 86.

[56] См. Государственная Дума. Стенограф. отчет, 1906 год. Сессия I. Т. 2. Спб., 1906, с. 1404.

[57] Роспуск Думы 8 июля 1906 г. сделал невозможным это выступление с.-д. фракции.

[58] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 120.

[59] Там же, т. 12, с. 311.

9 мая 1906 г. в Петербурге в 3-тысячном митинге в народном доме Паниной выступил Ленин под фамилией Карпов. Митинг был посвящен деятельности Думы. В своей речи Ленин разоблачил кадетскую политику закулисных переговоров с царским правительством. По его предложению была принята резолюция, в которой говорилось, что «поведение самодержавного правительства и полная неудовлетворенность крестьянских и общенародных нужд делают неизбежной решительную борьбу вне Думы, борьбу за полную власть народа»[60].

Завоевание кадетами думского большинства создало тревожное настроение у лидеров партии. Если бы кадеты оказались в Думе в меньшинстве, то они могли совершенно безвредно для себя критиковать правительство, вносить различные эффектные законопроекты, заранее зная, что черносотенное большинство их все равно провалит. Такое положение сулило кадетам ореол борцов за свободу и справедливость. Но кадеты были в большинстве. Могло статься, что их законопроекты превратятся в законы, что придется платить по векселям предвыборных обещаний. Поэтому опасно было напяливать на себя тогу революционности.

19, 22 и 26 апреля 1906 г. состоялись заседания ЦК кадетов. На них были решены вопросы, связанные с деятельностью Думы: о конституировании Думы, о ее президиуме, об образовании парламентского комитета фракции, об ответном адресе[61].

К концу деятельности I Думы кадетская фракция насчитывала 176 человек, став первой настоящей фракцией в Думе. Председатель фракции — И. И. Петрункевич, заместитель председателя — М. М. Винавер. В комитет фракции входили видные лидеры партии Ф. Ф. Кокошкин, В. Д. Набоков, Ф. И. Родичев.

Что же касается классового состава фракции, то он отличался от партии в целом. 60% составляли дворяне, многие из них крупные и мелкие землевладельцы. Во фракцию входило 10 торговцев, 4 промышленника, 4 священника, 47 представителей интеллигенции, 8 домовладельцев, 11 чиновников и только 10 крестьян и 2 казака[62].

Председателем I Думы был избран С. А. Муромцев, профессор Московского университета, один из основателей кадетской партии, член ее ЦК. Характеризуя Муромцева, Ленин писал, что он «не был даже демократом. Он боялся революционной борьбы масс. Он ждал свободы для России не от такой борьбы, а от доброй воли царского самодержавия, от соглашения с этим злейшим и беспощадным врагом русского народа»[63]. Муромцев не принадлежал, однако, к числу идейных руководителей кадетской партии и, заняв пост председателя Думы, он при обсуждении текущих политических задач в ЦК ограничивался формальными замечаниями. Став председателем Думы, Муромцев официально заявил, что не может быть членом кадетской фракции и принимать участие в ее заседаниях[64].

Секретарем I Думы стал князь Шаховской, тоже член КДП. ²/₃ мест в президиуме Думы получили кадеты. Из 22 председателей отделов 16 были членами КДП. Они являлись председателями 7 постоянных и 15 временных комиссий. Одним словом, Дума была насквозь кадетской.

Задачу кадетов как парламентской партии выразил ее лидер Милюков: «...Наша задача — разоружить революцию, заинтересовав ее в сохранении нового порядка...»[65]. Достигнуть этого можно было бы с

[60] Там же, т. 13, с. 93.
[61] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, л. 43—58.
[62] См. Бородин Н. А. Государственная Дума в цифрах. Спб. 1906; Состав Государственной Думы. М., 1906. (Подсчеты автора).
[63] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 547.
[64] См. Милюков П. Н. Три попытки. Париж, 1921, с. 39.
[65] Милюков П. Н. Год борьбы, с. 498.

приходом кадетских лидеров в правительство. Победа на выборах и большинство в Думе породили у кадетов уверенность, что Николай II призовет их к управлению империей.

Всей своей думской деятельностью кадеты стремились доказать самодержавию, что в лице кадетских министров оно сможет приобрести прочную опору в борьбе с революцией. На это красноречиво намекала «Речь» в одной из своих передовиц: «Строго конституционный принцип требовал бы теперь составления министерства из победившего на выборах большинства. Большинство, конечно, поддержало бы своих министров, в результате, вместо оппозиционной Думы, мы имели бы могущественную правительственную партию в Думе»[66].

Рассматривая Думу как парламентское учреждение, кадеты решили сыграть в парламентаризм по образу западноевропейских демократов. Обращение царя к депутатам Думы в день ее открытия они расценили как тронную речь и поэтому занялись составлением ответного адреса. Его составлению кадеты уделили большое внимание. Еще 26 апреля на заседании ЦК КДП был решен вопрос об образовании специальной комиссии по составлению ответного адреса Думы на тронную речь императора[67]. Адрес был готов к 1 мая. Но кадеты, опасаясь рабочей демонстрации у здания Думы в этот день, провалили предложение трудовиков об обсуждении проекта адреса 1 мая и добились перенесения обсуждения на следующий день.

Адрес Думы — это изложение требований и программы законодательной деятельности: 1) введение всеобщего избирательного права; 2) необходимость ответственного министерства; 3) амнистия; 4) отмена смертной казни и освобождение страны от военного положения; 5) право Думы пересматривать законы; 6) свобода слова, совести, собраний; 7) решение аграрного и рабочего вопросов; 8) ликвидация Государственного Совета; 9) введение всеобщего бесплатного обучения; 10) реформа местного управления; 11) равномерное распределение налогов[68]. В адресе ни слова не говорилось об Учредительном собрании.

4 дня длились прения в Думе, прежде чем она приняла адрес. Кадетской фракции пришлось изрядно потрудиться, чтобы отстоять свою программу-минимум. В ночь на 5 мая Дума приняла адрес. Группа октябристских депутатов во главе с графом Гейденом (11 человек) не приняла участия в голосовании, покинув зал заседаний. Депутаты-рабочие также отказались голосовать, но зал не покинули, чтобы не смешиваться с правыми. Ленин считал это ошибкой. Он указывал, что рабочая группа должна была устроить демонстрацию в Думе, заявив всему народу: «Вы берете фальшивый тон, господа кадеты. В вашем адресе сквозит дух сделки. Бросьте дипломатию. Скажите громко, что крестьяне требуют всей земли, что крестьяне должны получить без выкупа всю землю. Скажите, что народ требует полной свободы...»[69].

При всей дипломатичности адреса он произвел на царя резко отрицательное впечатление. Самодержавие не хотело играть в парламентаризм. В приеме депутации было отказано. Кадеты проглотили пилюлю, приняв формулу перехода Думы к очередным делам. При этом они со скрипом убедили трудовиков не придавать значения первому провалу кадетского конституционализма. В целях отвлечения трудовиков от создавшегося инцидента кадетский депутат Новгородцев внес предложение об образовании комиссии для разработки аграрного законопроекта[70].

---

[66] Речь, № 53, 20 апреля 1906 г.
[67] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, л. 46—58.
[68] См. Государственная Дума. Стенограф. отчеты. 1906 г. Сессия I. Т. I. Спб., 1906, с. 74—76.
[69] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 88.
[70] См. Государственная Дума. Стенограф. отчеты. 1906 год. Сессия I. Т. I, с. 246.

Второй провал кадетского конституционализма произошел 13 мая. В этот день перед депутатами с правительственной декларацией выступил Председатель Совета министров Горемыкин. Правительство решительно отвергло все требования ответного адреса. Решение аграрного вопроса путем принудительного отчуждения помещичьих земель объявлялось совершенно недопустимым. Этой декларацией царь прямо заявил о своем нежелании торговаться с кадетами.

Декларация была встречена гробовым молчанием. Кадетская фракция не могла прийти в себя. Иллюзии получить министерские портфели рушились. Либералы оказывались в тупике. Перед выступлением Горемыкина ЦК и комитет фракции, стремясь избежать разрыва с правительством, наметили план действий: после чтения декларации прений не объявлять, а устроить перерыв, во время которого обсудить содержание декларации, чтобы вести дальнейшие прения в умеренном тоне[71].

Но декларация Совета министров разрушила кадетский план. В их фракции царило смятение. Выступления Набокова и Родичева свидетельствовали об обманутых ожиданиях, о крушении надежд. Глубоко обиженные кадеты решились на «отчаянный» шаг: Дума выразила недоверие правительству[72]. Но этот отчаянный шаг был уже не таким отчаянным. Даже в этом вопросе кадеты показали себя трусливыми политиками, стремящимися ни в коем случае не задеть верховную власть. Вынесенный вотум недоверия вовсе не означал требования смены кабинета, этим они лишь пытались убедить министров уйти в отставку.

Но Горемыкин оставался на своем посту. Министры не уходили. Трудовики предложили обратиться к народу и просить его поддержки. Но кадеты заявили, что это противоречит парламентской тактике и не поставили предложение на голосование. Они решили до последней минуты держать знамя легальности.

Ленин следующим образом оценил правительственную декларацию: «Итак, насчет *земли:* «безусловно недопустимо». Насчет воли, то есть насчет действительных прав народного представительства: «не подлежит пересмотру по почину Думы» ...Народные представители не смеют и думать о правах. Их дело — просить. Дело чиновников — рассматривать эти просьбы...»[73]. В статье «И торговаться не хотят!» Ленин иронически показал, как кадетские вожди представляли себе переговоры с царизмом: «...Дума, т. е. кадетское большинство в Думе, в корректных и принятых в самых культурных купеческих сферах выражениях запросит: правительство немножко уступит, Дума в свою очередь сбавит, и таким-то образом воцарится в России народная свобода»[74].

Но царское правительство не захотело торговаться с кадетами. Сделки не получилось.

Министерство Горемыкина не проявляло никакой деятельности в области законодательной инициативы, ограничившись внесением в Думу смехотворного законопроекта об отпуске денег на прачечную при Дерптском университете.

При таком положении, когда члены Думы могли вносить законопроекты только в случае отказа соответствующего министра взять на себя их разработку, а правительство специально обрекало Думу на бездействие, кадеты, имея целый портфель законопроектов и стремясь показать двору свою способность вершить государственные дела, пустились на уловку и провели через Думу постановление о предварительном обсуждении законопроектов, вносимых самой Думой. В мае — июне кадетская фракция внесла в Государственную Думу ряд законопроектов.

---

[71] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, л. 76.
[72] См. Государственная Дума. Стенограф. отчеты. 1906 год. Сессия I. Т. 1, с. 321—353.
[73] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 107.
[74] См. там же, с. 117.

Свою классовую сущность продемонстрировала кадетская партия в аграрном вопросе.

Трудовики, почти всегда следовавшие за кадетами, решительно выступили против кадетского законопроекта. Любопытно, что правительственные круги в земельном вопросе не проводили различия между взглядами кадетов и октябристов. «Взгляды Конституционно-демократической партии на аграрный вопрос,— писал начальник Главного управления по делам печати Бельгардт директору Департамента полиции Вуичу в марте 1906 г.,—по существу ни в чем не разнятся от взглядов на этот предмет других, более умеренных, монархических партий (например, партии 17 октября)»[75].

Скандальный характер имел другой кадетский законопроект. 30 мая фракция КДП внесла законопроект «О свободе собраний», который был назван Лениным каторжным. Он обязывал извещать начальника местной полиции о созываемом собрании за 24 часа до его начала. Начальник полиции мог назначать для присутствия на собрании полицейского чина, который имел право закрыть собрание. Воспрещались собрания на полотне железных дорог, на площадях, улицах[76].

Против этого проекта единым фронтом выступили трудовики и социал-демократическая фракция. Депутаты Джапаридзе, Рамишвили, Чурюков, Жордания указали на антидемократический характер кадетского законопроекта, направленного против рабочих. Это прожженный «Тришкин кафтан»,— говорил Чурюков,— от свободы ничего не останется...»[77].

Против кадетов выступил даже один из вождей русского либерализма М. М. Ковалевский. Он утверждал, что кадеты этим законопроектом стоят на точке зрения полицейского государства[78].

Поэтому вызывает усмешку стремление нынешних публицистов из «Гражданского достоинства» идеализировать кадетов, представить их последовательными борцами за народную свободу, отвергающими в отличие от большевиков насильственные методы. Да, кадеты отвергали методы насилия, но не отвергали попыток своего ЦК и думской фракции сторговаться с самодержавием на выгодных для себя условиях, получить министерские портфели, тогда как большевики во главе с Лениным боролись с самодержавием бескомпромиссно.

Кадеты, вырабатывая свои законопроекты, всегда имели в виду возможность вхождения их лидеров в правительство, и тогда пришлось бы уплачивать сполна. Поэтому они составили такие проекты, которыми можно было взять революционный пролетариат за горло. Лидер социал-демократической фракции Н. Жордания, по словам Ленина, выдающийся меньшевик[79], заявил, что кадетская партия хочет изменить только лицо, а не систему, что она хочет обеспечить себе сильную власть, чтобы давить народ[80].

В день голосования кадетская фракция прибыла в Думу в полном составе. Дума голосами кадетов и правых приняла решение направить законопроект на предварительное рассмотрение в комиссию.

Другие законопроекты кадетской партии — о неприкосновенности личности, о гражданском равенстве, о свободе печати — также носили резко выраженный антидемократический характер. В первом проекте обходились молчанием законы об усиленной охране и военном положении; ни слова не говорилось о полицейском произволе, не упоминалось

[75] ЦГАОР СССР, ф. 102, 0—0, 1905, д. 999, ч. 43, л. 294.

[76] См. Законодательные проекты и предположения Партии народной свободы. 1905—1907 гг. Спб., 1907, с. 26—27.

[77] См. Государственная Дума. Стенограф. отчеты. 1906 год. Сессия 1. Т. 2, с. 1405, 1410, 1430, 1462.

[78] См. там же, с. 1460.

[79] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 101.

[80] См. Государственная Дума. Стенограф. отчеты. 1906 год. Сессия 1. Т. 2, с. 1531.

о местных исключительных законах, направленных на ограничение прав отдельных национальностей. Даже министр юстиции Щегловитов признал в своем выступлении, что предложенный законопроект мало что дает для действительной гражданской свободы [81].

Второй законопроект, по мнению самих же кадетов, не выдвигал требования действительного равноправия, фактически в нем отрицалось равенство женщин в области администрации и государственной деятельности.

Что же касается законопроекта о свободе печати, то Ленин охарактеризовал его следующим образом: «Буржуазия (кадеты) требует *такой* «свободы», например, печати, чтобы можно было сажать в исправительный дом и ссылать на каторгу за речи социалистов» [82].

Отказ правительства от постройки «золотого моста» между ним и кадетской Думой проявился и по вопросам об амнистии и отмене смертной казни. Правительственные чиновники, выступавшие в Думе,— министр юстиции, главные военно-морской и военный прокуроры — заявили, что амнистия — это прерогатива монарха, а отмена смертной казни за политические преступления несвоевременная мера. Принятый Думой законопроект был послан в Государственный Совет, где его застал роспуск Думы.

Некоторые царские сановники обратили внимание на жгучее желание лидеров Конституционно-демократической партии сторговаться с реакционным режимом. Трепов, Извольский, Меньшиков считали, что кадетское министерство связано с известным риском, но, учитывая возможность нового революционного взрыва в стране, можно пойти на такой риск, держа наготове крайние средства. Но подавляющая часть царского окружения и сам Николай II придерживались другого мнения. Они считали необходимым прибегнуть к крайним мерам без кадетского министерства.

В конце мая и в июне 1906 г. кадетское руководство безуспешно пыталось решить вопрос о думском министерстве с царским правительством. Кадетские лидеры направляли все свои усилия, чтобы сторговаться с правящими кругами. Им энергично помогали октябристы. Так, Д. Н. Шипов в беседе с царем говорил о кадетах со всей откровенностью: «Оппозиционный дух, который в настоящее время ярко проявляется среди к.-д. партии, не может внушать серьезных опасений... Но если представители партии будут привлечены к осуществлению правительственной власти и примут на себя тяжелую ответственность, с ней сопряженную, то нынешняя окраска партии, несомненно, изменится и представители ее, вошедшие в состав кабинета, сочтут своим долгом значительно ограничить требования партийной программы при проведении их в жизнь...» [83]. И далее Шипов начертал программу деятельности кадетского правительства: роспуск Думы и производство новых выборов в целях ликвидации оппозиций.

Милюков впоследствии признал правильность утверждения Шипова в своей брошюре «Три попытки»: «Несомненно, Шипов был прав в том, что к.-д. у власти оказались бы вовсе не такими разрушителями и революционерами, какими их представлял Столыпин... Несомненно, что в порядке практического осуществления программы были бы введены все поправки и дополнения, диктовавшиеся государственными соображениями» [84].

Однако самодержавие не пошло навстречу желаниям кадетского руководства. Император Николай II и его сановники не верили в воз-

[81] См. там же, т. I, с. 363—364.
[82] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 133.
[83] Шипов Д. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918, с. 455; Сравни: Милюков П. Н. Три попытки, с. 44—49.
[84] Милюков П. Н. Три попытки, с. 69—70.

можность кадетов утихомирить революционную борьбу, чувствовали эфемерность либералов как политической силы, реально представляли себе, что народные массы потребуют у кадетского министерства выполнения щедрых предвыборных обещаний. И тогда кадеты окажутся или политическими банкротами, а революция восторжествует, или вынуждены будут уступить революции. Такое положение абсолютно не устраивало царский двор, и именно этим объясняются неудачные попытки переговоров кадетских вождей с царскими сановниками о создании собственного правительства.

Большевики решительно выступили против требования кадетов думского министерства, ибо за этим скрывалось стремление войти в сделку с самодержавным правительством и ослабить революцию [85].

Конституционные иллюзии в народных массах постепенно исчезали. Настроение масс против деятельности кадетов в Думе росло и принимало критический характер. Краткую характеристику этих настроений дает отрывок из перлюстрированного полицией письма неизвестного меньшевика от 13 июня 1906 г. «...Все силы отнимает полемика с большевиками. Резолюция ЦК о поддержке думского министерства всюду проваливается. Настроение масс против «кадет» растет (позорное выступление Родичева и Петрункевича за милосердие к политическим; карательный проект о прессе Струве и Милюкова, доносы на с.-д.; митинги Протопопова и Котляревского. Трусливая тактика ЦК кадетов, осуждаемая даже левыми кадетами, полицейское поведение Муромцева). Трудовики, особенно лидеры их: Аладьин, Жилкин, Аникин сильно полевели...» [86–87].

Как доносил заведующий розыскной агентурой в Финляндии в Департамент полиции, на митинге 7 июля в Териоках большинство ораторов нападало на тактику кадетов. Наибольшим успехом пользовались речи Луначарского и Лядова. Последний заявил, что «Дума не может дать народу того, что он хочет, т. к. в ней господствуют кадеты, а они революции боятся больше, чем пулеметов; поэтому нечего ждать, а надо сорганизовывать массы, надо вооружаться, ибо земля и воля будут добыты не в Думе, а на улице» [88].

В ночь с 8 на 9 июля 1906 г. Николай II подписал указ о роспуске Государственной Думы I созыва. На следующий день Дума была окружена войсками, двери были заперты, никого не пропускали, во дворе были расположены пулеметы [89].

Ленин дал следующую оценку правительственного акта и кадетской Думы: «Начинает работать Дума... Кадетская Дума моментально оказывается *позади* народа по своему настроению и решительности. Эпоха кадетской Думы (май и июнь 1906 г.) оказывается эпохой наибольших успехов партий, стоящих *левее* кадетов: трудовики обгоняют кадетов в Думе, на народных собраниях порицают кадетов за робость, растет пресса с.-д. и с.-р., усиливается революционное крестьянское движение, брожение в войсках, оживляется пролетариат, истощенный декабрем. Эпоха кадетского конституционализма оказывается эпохой не кадетского и не конституционного, а революционного движения.

Это движение *заставляет* распустить Думу. Опыт подтверждает, что кадеты — только «пена». Их сила — производная от силы революции. А на революцию правительство отвечает революционным по существу (хотя конституционным по форме) роспуском Думы» [90].

[85] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 172.
[86–87] ЦГАОР СССР, ф. 102, 0—0, 1907, д. 433, л. 12.
[88] Там же, 1906 (II), д. 2, ч. 1, т. 5, л. 39.
[89] См. Изгоев А. С. Русское общество и революция. М., 1910, с. 252.
[90] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 311.

Кадеты не смогли решить ни одного вопроса внутриполитической жизни. Крах кадетского центра в I Думе был первым симптомом банкротства политики русской либеральной буржуазии в целом.

ФАРС: СПЕКТАКЛЬ В ВЫБОРГЕ

Кадетское руководство хотя и учитывало возможность неожиданного роспуска Государственной Думы, но не было готово к нему. Этот возможный акт правительства обсуждался, в частности, на совместном заседании ЦК и членов думской фракции 4 июня 1906 г. Что же предпринять кадетам, если Дума будет распущена? Ответ дал де Роберти: «Для малокультурного народа необходим символизм, и потому надо устроить спектакль и не расходиться добром, а заставить полицию вытолкать, а перед этим — хорошо составленное обращение к народу»[91].

Однако указ о роспуске Думы не был прочитан перед депутатами и двери Таврического дворца были предусмотрительно заперты. Кадетам пришлось играть спектакль в Выборге.

Несколько лет назад в журнале «Вопросы истории КПСС» автор проанализировал Выборгское воззвание, рассмотрел историю июльского кризиса 1906 г. и позицию Ленина, поэтому мы отсылаем читателя к этой статье[92]. Здесь же ограничимся характеристикой этого акта, данной идейными противниками — Милюковым и Лениным.

Выборгский манифест был для кадетов предохранительным клапаном на случай революционного взрыва. «Для членов партии народной свободы,— признавался Милюков в эмиграции,— это была попытка предотвратить вооруженное столкновение на улицах Петрограда, заведомо осужденное на неудачу, и дать общему негодованию форму выражения, которая не противоречила конституционализму...»[93].

Ленин считал, что Выборгским манифестом либерализм старался убить двух зайцев, лавировать так, чтобы можно было истолковать его поведение — смотря по надобности — и в духе поддержки революции, и в духе борьбы с революцией[94].

Июльский кризис 1906 г. разрешился в пользу самодержавия. Оно начало новое наступление на рабочий класс и другие демократические силы страны. Кризис до предела обнажил позицию либеральной буржуазии на втором этапе буржуазно-демократической революции. Кадеты поправели. Даже объективистски настроенные современные буржуазные историки отметили этот факт[95].

Таким образом, на нисходящем этапе первой российской революции большевики вели решительную и беспощадную борьбу с либеральной гегемонией, которая, по словам Ленина, сдерживала и принижала революцию[96]. Меньшевики поддерживали попытки либеральной буржуазии возглавить освободительное движение в России. Новый революционный подъем весной 1906 г. выплеснул на авансцену политической борьбы кадетов, однако спад революционного движения наглядно показал царскому правительству эфемерность кадетов как реальной силы. Они оказались не в состоянии контролировать положение даже в левой Думе. Кадетский конституционализм потерпел крах летом 1906 г., кадетская Дума была разогнана.

---

[91] Красный архив, 1931, т. 3, с. 64.

[92] См. Корнев В. В. Разоблачение В. И. Лениным позиции либеральной буржуазии в период июльского кризиса 1906 г.— Вопросы истории КПСС, 1986, № 9.

[93] Милюков П. Н. Три попытки, с. 63.

[94] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 53.

[95] См. Шелохаев В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг., с. 247.

[96] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 334.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ СТУДЕНЧЕСТВА

Перестройка, происходящая в нашем обществе и партии, значительно усилила роль исторических знаний в формировании мировоззрения студенческой молодежи, ее политических взглядов и практических политических действий. Сегодня почти все согласны с тем, что необходимо не еще одно «совершенствование» преподавания истории, а его радикальная перестройка. Было бы ошибкой пытаться исключить изучение истории из программы высшей школы или подвергать его лишь легкой, «косметической» правке после очередного партийного съезда, как это делалось раньше.

Необходимо привести изучение истории в вузе в соответствие с современными требованиями. В радикальной перестройке нуждается и методика преподавания истории. Она должна ориентировать студентов не на усвоение шаблонов, а на их субъективную потребность знаний, самостоятельность мышления, на свободный обмен мнениями, дискуссии. Не сковывать мысль догмами, а поощрять ее смелость, раскованность. И здесь, видимо, необходим четкий контроль знаний не только промежуточный, поэтапный, но и итоговый. Важно еще и то, как мы сможем реализовать новые подходы в изучении курса «Политическая история XX века», которые обусловлены потребностями обновления нашей идеологии.

Содержание проекта типовой программы курса «Политическая история XX века» охватывает политическое развитие России и СССР и мировые исторические процессы со второй половины XIX в. до наших дней. При изучении советского периода в центре политической истории страны находится деятельность КПСС, освещаются ее героические, драматические и трагические страницы в борьбе за новый общественный строй.

Главная направленность нового курса, на наш взгляд, состоит не только в том, чтобы дать определенный объем исторических знаний, но и в том, чтобы вооружить вузовское студенчество умением и навыками самостоятельного поиска ответов на сложные вопросы современности, опираясь на опыт истории.

Такой курс продолжает историческое образование, углубляя, расширяя и синтезируя знания, полученные по истории СССР и всеобщей истории в школе, ПТУ, техникуме, формирует историческую основу современного политического мышления.

Особенность исторического образования в современных условиях состоит в том, что главным предметом изучения является политическая история нашего государства в диалектической взаимосвязи с мировым сообществом. Все это позитивно, по нашему мнению, отражается в проекте типовой программы курса «Политическая история XX века».

В то же время, на наш взгляд, проект страдает и недостатками, прежде всего своей перегруженностью. Особенно этим отличаются четвертая, пятая, седьмая и восьмая темы: «Борьба политических сил России за различные пути развития революции. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и защита ее завоеваний»; «Строительство социализма в СССР в условиях противоборства двух социально-политических систем»; «Послевоенное устройство мира. Образование и развитие мировой системы социализма»; «Социализм и капитализм в условиях научно-технической революции. Усиление борьбы двух тенденций мирового развития» и т. д. В этом плане хотелось бы высказать свои соображения, хотя они, возможно, и не бесспорны.

Следует новый курс «Политическая история XX века» прежде всего определить в целом хронологическими рамками, скажем, условно — вторая половина XIX в.— XX в. Это следует сделать и по каждой теме. Так, можно предложить IV тему назвать «Борьба классов и партий за различные пути политического развития России. Победа Великой Октябрьской социалистической революции (апрель — октябрь 1917 г.)». Эта тема отражает новый подход к освещению и осмыслению этого важнейшего события в истории XX в.

Тема V должна являться логическим продолжением предыдущей, но вместе с тем и отражать совершенно новую историческую ситуацию и процессы, начавшиеся после победы Октября. Рассматриваемый период с октября 1917 г. по 1920 г.— один из самых насыщенных бурными историческими событиями. Название темы может быть следующим: «Первые социально-экономические преобразования в Советской России и защита завоеваний Октября. Окончание первой мировой войны и революций в Европе». Эта тема освещает сущность развернувшейся гражданской войны в России, а также общий характер происходивших одновременно мировых общественных процессов. Особое внимание здесь должно быть уделено периоду с 1921 по 1924 г., он характерен зарождением нового узла противоречий межимпериалистической борьбы в связи с противоречием между двумя социально-политиче-

скими системами. Для нашей страны это период перехода от военного состояния к гражданскому миру с поиском форм развития по социалистическому пути в особой исторической ситуации, а также поиском форм связи с капиталистическим миром.

Эти (только некоторые) предложения свидетельствуют о том, что проект типовой программы курса «Политическая история XX века» требует коренной переработки, это показывает и практика первого года работы со студентами.

При доработке проекта должна быть предложена такая концепция курса, которая предполагала бы принципиально иные подходы к организации учебного процесса, его методики. Проблемно-хронологический подход к определению тематики лекций предусматривает ознакомление студентов с основополагающим содержанием предмета, методами исторического познания, позволяющими самостоятельно ориентироваться в огромном потоке информации о происходящих политических событиях.

Для глубокого изучения студентами курса политической истории необходимо определенное количество учебных часов. В настоящее время никакие самые передовые формы и методы занятий не могут восполнить тот ущерб, который наносится устаревшей сеткой часов, отведенных на изучение общественно-политических курсов. Это тем более заметно в настоящее время, когда неизмеримо расширяется и усложняется материал по политической истории. Вместе с тем для изучения нового курса «Политическая история XX века» количество часов не увеличивается, а уменьшается. Вопрос: хватит ли нам времени, чтобы «справиться» с мировой историей? К тому же главная история не только пока не написана, но и не осмыслена в научном и учебном плане.

Несмотря на определенные сложности, большинство преподавателей понимают необходимость перемен в изучении курса истории партии. Что касается периферийных вузов, таких, как наш Астраханский пединститут, то следует отметить, что студенты имеют право на современные знания, как и все остальные. Однако на периферии возможности их получения бывают очень ограниченными. Конечно, в таких условиях мы стараемся делать все, чтобы наши студенты не были обделены новыми знаниями.

Что же в этом плане делается в пединституте на кафедре политической истории? Начиная с 1989/90 учебного года для изучения общественных наук все студенческие группы I курса поделены на подгруппы — теперь преподаватель обществоведения занимается с 12—13 студентами. Определена последовательность перехода при изучении общественно-политических дисциплин. Так, например, философия изучается уже в этом году на I курсе, политэкономия — на II курсе, «Политическая история XX века» — на III курсе и т. д. В институте по решению обществоведческих кафедр увеличено время на проведение семинарских занятий и организацию самостоятельной работы студентов за счет сокращения лекций. В перспективе до половины времени, выделенного на обязательные учебные дисциплины, будет использовано для организации спецкурсов и спецсеминаров, учитывая профиль вуза, пожелания и интересы студентов.

В целях улучшения самостоятельной работы студентов кафедра планирует использовать дисплейные классы, имеющиеся в институте. В программу планируется заложить несколько проблем по историко-партийной науке, после изучения которых студенты смогли бы самостоятельно оценить свои знания. Все преподаватели кафедры с начала учебного года приступили к разработке новых лекций и планов семинарских занятий. Как правило, эти лекции и планы всесторонне рассматриваются на заседаниях кафедры. На занятиях со студентами мы начинаем применять такие формы, как семинар-дискуссия, семинар «круглый стол», причем эти занятия проводятся преподавателями сразу нескольких общественных кафедр.

Например, доцентом кафедры политэкономии Н. А. Зубаревой, старшим преподавателем кафедры политической истории В. К. Гудыриной проведен семинар «круглый стол» на национальном отделении факультета русского языка и литературы по теме «Проблемы и противоречия в развитии советского общества (1960—1980 гг.)», на естественно-географическом факультете состоялись семинарские занятия-дискуссии, организованные ассистентом кафедры политической истории В. М. Волковой, старшими преподавателями кафедры философии В. В. Виноградовым, В. М. Косаревым и другими по проблемам: «Построение социализма в СССР», «Национальная политика партии». Аналогичные дискуссии прошли на факультете «Педагогика и методика начального обучения». Доцент М. И. Слуцкий для студентов физико-математического факультета разработал спецкурс «Партия и советское общество в 20—30-е годы», а доцент Т. В. Шарикова подготовила и провела на историческом факультете спецсеминар «Политический портрет Н. И. Бухарина».

Уже два раза мы провели информационно-обучающие занятия со студентами и преподавателями с приглашением ведущих историков вузов страны. Так, в марте состоялось занятие по теме «Личность. Доктрина. Власть», на котором выступил ст. науч. сотр. Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС канд. историч. наук Г. А. Бордюгов, а в апреле — очередное занятие по курсу «Политическая система СССР. История, проблемы, пути совершенствования», где выступил докт. историч. наук, проф. Б. В. Леванов (Москва).

Студентам при сдаче экзамена по политической истории предоставлено право отвечать по одному из трех вариантов: по билетам (два вопроса), по проблемам (одна проблема) или защищать курсовую работу. По такой системе впервые в зимнюю сессию сдавали экзамен студенты факультета иностранных языков и факультета русского языка и литературы (национальное отделение). Что касается государственного экзамена по общественно-политическим наукам, то он будет проходить в соответствии с приказом Госкомитета СССР по народному образованию «О государственном экзамене по общественным наукам в высших учебных заведениях» от 26.12.1989 г.

В помощь студентам, изучающим политическую историю, на кафедре имеется список литературы, в котором указаны статьи, книги, монографии, журналы, вышедшие в 1987—1989 гг.

Требуется также усиление внимания вузовской молодежи к методологическим проблемам, к основополагающим произведениям К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, а также к работам других теоретиков и практиков революционного движения.

На наш взгляд, преподавание обществоведческих дисциплин страдает тем, что у нас практически ни в школе, ни в вузе не изучается история края. Очерки областной партийной организации, выдержавшие два издания, требуют коренного пересмотра, а работа, начатая по созданию очерков областной комсомольской организации, до сих пор до конца не доведена. Есть необходимость в написании учебного пособия по истории родного края в помощь учителям, учащимся, студентам.

Смысл перестройки преподавания вузовского обществоведения состоит в создании непрерывной системы мировоззренческой подготовки студента на протяжении всего периода обучения. Наша задача — использовать ее для возрождения авторитета подлинно научного обществоведческого знания, укрепить уверенность в правоте нашего социалистического выбора.

В. В. ИШИН,
кандидат исторических наук
(Астрахань)

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ

Особую роль в деле формирования политической культуры молодежи призвана сыграть новая учебная дисциплина — «Политическая история XX века». Но, познакомившись с предложенным Главным управлением преподавания общественных наук проектом программы курса, можно сделать вывод, что он страдает теми же недостатками, что и отвергнутый курс «История КПСС»: не позволяет эффективно организовать обучение и потому снижает возможности использования полученных знаний на практике.

Много лет идет дискуссия о важности чтения лекций по сквозным проблемам так, чтобы можно было проследить преемственность, логику событий и их закономерности. И вот опять мы готовы вернуться к прежней системе организации содержания курса в строго хронологическом порядке. Преподаватели и так сталкивались с недостатком учебного времени для детального, полного освещения истории партии, а новая программа еще больше увеличивает объем курса. Безусловно, новые разделы, появившиеся в программе, необходимы, они позволяют представить политическую историю советского общества как составную часть всемирной истории. Но реально ли в рамках отведенного учебного времени изучить все это многообразие достаточно глубоко?

Общеизвестно, что важнейшими качествами специалиста является умение мыслить, самостоятельно ориентироваться в политических событиях, управлять коллективом. Если мы не сформируем у студента познавательной активности, умения получать новые знания и делать самостоятельно выводы, то из него скорее всего получится достаточно средний специалист и равнодушный, политически пассивный член общества.

Современный студент в основном неэффективно использует учебное время, а потому перегружен и меньше всего стремится получить дополнительные знания. Рассчитывать, что он по собственному желанию будет читать современную общественно-политическую литературу, самостоятельно разбираться в политических проблемах, вести активную политическую жизнь, к сожалению, не приходится.

Качество знаний проверяет ведущий лектор, который, как правило, заботится лишь о точности воспроизведения учебного материала в заданных обобщениях, мало задумываясь об уровне остаточных знаний. Поэтому бессмысленно и некорректно апеллировать к знаниям, полученным студентами прежде. Их не учили выделять суть проблемы, находить, прослеживать связи и отношения событий и явлений, систематизировать и обобщать материал.

Выход из создавшегося положения видится в изменении подхода к преподаванию общественных наук, предполагающем фундаментализацию образования. Все процессы в истории общества, политических партий, учений подчиняются

определенным закономерностям, тесно связаны между собой. Суть исторического процесса, политической жизни, скрытую за частными явлениями и событиями, следует выделять. Именно она должна составлять содержание фундаментальных знаний.

Видимо, в качестве первого варианта можно согласиться с изложенным в проекте содержанием курса «Политическая история XX века» и даже расширить его, например, за счет характеристики основных этапов, достижений и неудач социал-демократического движения. Хотя содержание это необходимо уточнить на основе более строгого определения межпредметных связей. Но это возможно только при коренном изменении организации обучения. Один из путей — использование системно-структурного подхода. Сутью его являются выделение межпредметных и внутрипредметных связей и зависимостей и определение на их основе узловых тем, составляющих каркас лекционного курса. Ими должны быть фундаментальные проблемы, знание которых может обеспечить понимание многочисленных частных вопросов и даже возможность прогнозирования политических процессов в обществе. Преподаватель может четко определить место каждой лекции в общих рамках лекционного курса, который следует рассматривать как определенную систему, а не как механическое соединение тем в хронологическом порядке. В каждой отдельной лекции необходимо, в свою очередь, определить оптимальное сочетание историчности и логичности, поскольку избыток информации фактического характера отнюдь не способствует развитию мыслительной деятельности.

Политическая история содержит различные точки зрения, программы, тактические установки многих партий и общественных движений, что затрудняет описание ее с помощью определенных категорий. Между тем необходимо выделять в курсе общую схему политических институтов и законов, определяющих их функционирование в конкретноисторической обстановке. Это и составляет основу содержания лекционного курса.

Определив содержательную структуру, следовало бы продумать методы обучения, найти такие формы, которые обеспечивают усвоение студентами необходимого материала.

Лекция проблемного характера не нуждается в обилии фактического материала, а требует четкого объяснения существа вопроса, что способствует повышению интереса к проблеме и вовлекает обучаемого в мыслительный процесс. Достижение этого возможно с помощью различных приемов: анализа на лекции выдержек из исторических источников; сообщения не прямого ответа на поставленный вопрос, а фактов, которые подводят слушателя к ответу; рассмотрения различных точек зрения в отношении той или иной проблемы; применения структурно-логических схем и заданий поискового и проблемного характера. Так, например, нет необходимости подробно излагать на лекции многочисленные факты, составляющие содержание первой темы предлагаемого нами возможного варианта курса. Важно, чтобы слушатели имели четкое представление о характеристике революционного движения Европы конца XIX — начала XX в. и его влияния на политическую ситуацию в России. Прежде всего необходимо обратить внимание на причины и сущность раскола в социал-демократическом движении.

Следующая лекция, если исходить из предлагаемой нами структуры, посвящена обоснованию целесообразности и закономерности создания пролетарской партии в России. В рамках данной лекции преподаватель может показать, как перемены в Европе, раскол в социал-демократическом движении оказали воздействие на революционное движение России. Следует отметить, что зарождающаяся социал-демократическая партия России стояла перед выбором: учение К. Маркса, Э. Бернштейна или отказ от создания партии, ставящей целью проведение социалистической революции, поскольку Россия еще не готова к ней. Российские революционеры выбрали путь создания революционной пролетарской партии. Важно объяснить причины и суть непримиримой критики В. И. Лениным и Г. В. Плехановым взглядов народников, «легальных марксистов», экономистов.

На семинарских занятиях студенты изучают работы В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, материалы съездов РСДРП. Значительную помощь в реализации этой задачи может оказать вышедшая недавно «Хрестоматия по истории КПСС». Кроме того, вероятно, недалеко то время, когда будут переизданы труды Э. Бернштейна, К. Каутского, Р. Люксембург, что позволит еще более расширить круг источников по ключевым вопросам.

В максимальной степени мышление студента развивается при решении проблемных вопросов, когда учащемуся приходится устанавливать новые связи и отношения между явлениями. Например, при изучении деятельности Коммунистической партии в 20—30-е годы важно, чтобы студенты уяснили, в чем суть деформации ленинской концепции социализма. Лекция должна содержать четкое разъяснение диалектики взглядов В. И. Ленина на проблему построения социализма в одной стране, важнейших черт общества, построенного в СССР к концу 30-х годов, методов социалистического строительства. Дальнейшая работа идет на семинарском занятии.

Видимо, серьезно следует продумать очередность преподавания общественных дисциплин. Начинать целесообразно не

с исторических предметов, а с теоретических, которые дают основу для последующего успешного понимания конкретных исторических ситуаций, являясь подтверждением тех или иных положений исторической науки.

Хотелось бы в заключение подчеркнуть, что стремительное внедрение нового курса «Политическая история XX века» проведено не совсем обдуманно. Во-первых, содержание проекта программы незначительно отличается от курса «История КПСС». Во-вторых, кажется необоснованным отказ от преподавания истории пролетарской партии России. Думается, что следовало бы сохранить, например, в виде спецкурса историю КПСС с ее «светлыми» и «черными» страницами, поскольку необходимо помочь студентам разобраться в противоречивых этапах истории нашей партии.

Крайне необходимо ввести курс «Политическая история» (не хотелось бы ограничивать его XX веком), но его содержание следует кардинально менять. Можно предложить такие направления для новой дисциплины:

— политическая идеология: либерализм и демократия. Исторический опыт функционирования, условия существования, достижения и недостатки, особенности деятельности в различных политических системах;

— становление и утверждение коммунистической идеологии: от домарксистских к современным концепциям коммунизма;

— основные характеристики различных типов политических партий. Функционирование партий: структура, организация, финансирование, этапы деятельности;

— выработка стратегии и тактики политических партий. Итоги реализации своих принципов.

Такой подход к содержанию предмета сделает его по-настоящему научным, полезным для специалиста в реализации его политической активности.

Т. И. МОРОЗОВА,
кандидат исторических наук
(Владивосток)

КАК РЕШАТЬ НАЗРЕВШИЕ ВОПРОСЫ?

В большинстве вузов нашей страны, в том числе и в Московском геологоразведочном институте, на 1-м курсе студенты начали изучать новый предмет — «Политическую историю XX века». В связи с этим хотелось бы поделиться некоторыми соображениями.

Одной из причин кризиса в преподавании и изучении истории КПСС было, как нам кажется, отставание разработки методологии и историографии истории КПСС на принципах нового политического мышления, а также чрезвычайно узкий круг источников, на котором основывалась историко-партийная наука.

В историографии и в целом в историко-партийном знании не исследованы, например, следующие принципиальные проблемы: какая концепция истории партии победила в середине 30-х годов — ленинская или сталинская? Что произошло на II съезде РСДРП — образовалась одна партия с двумя фракциями или две самостоятельные партии — большевистская и меньшевистская? Должны быть внесены серьезные коррективы в принципы развития историко-партийной науки, необходимо дополнить критерии периодизации.

До сих пор наблюдается узкопрагматическое отношение к ленинизму.

Авторы теоретической статьи о разработке концепции дооктябрьского периода истории КПСС (Вопросы истории КПСС, 1989, № 12), верно констатируя, что длительное время наблюдался внеисторический, вневременной подход к изучению теоретического наследия Ленина, ратуют за его новое прочтение. И это необходимо. Но как это сделать? Их ответ сформулирован так: нужно пересмотреть теорию и практику ленинизма с учетом реалий современного мира, крупных естественнонаучных и технических достижений, опыта всех прогрессивных общественно-политических движений XX в., перспектив обновления социализма. Как будто бы все правильно. Но не возврат ли это к «внеисторическому и вневременному» изучению Ленина, против которого выступали авторы?

Марксизм-ленинизм является теоретико-методологической основой изучения истории КПСС и «Политической истории XX века». Из произведений Ленина, ранее не изучавшихся, особый интерес вызывают работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Государство и революция». Плодотворное исследование и изучение проблем политической истории во многом связано и с наличием корпуса источников, ранее находившихся в стенах спецхранов и ныне возвращенных читателю. Это в первую очередь относится к трудам соратников Ленина — руководителей партии и государства, а также деятелей международного коммунистического движения.

Особый интерес представляют произведения, статьи и доклады Н. И. Бухарина и Л. Б. Каменева. В этих работах отстаивалась ленинская концепция социализма и истории КПСС.

В трудах Г. Е. Зиновьева освещается ряд вопросов формирования ленинизма,

истории КПСС и политической истории. Проблемы политической истории рассматривались в сочинениях Л. Д. Троцкого.

Преподавателю следует критически отнестись к ряду положений этих авторов.

В. И. Ленин писал, что на произведениях Г. В. Плеханова «воспиталось целое поколение русских марксистов». Он также отмечал, что «нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать, именно изучать — все написанное Плехановым» [1]. Необходимо глубокое изучение таких работ Г. В. Плеханова, как «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «Русский рабочий в революционном движении», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и др.

Глубокое и творческое овладение марксизмом невозможно без ознакомления с трудами выдающихся мыслителей XIX и XX вв. В их ряду имена не только К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова, но и Бебеля, Жореса, Кампанеллы, Лассаля, Либкнехта, Мелье, Михайловского, Мора, Прудона, Сен-Симона, Фурье, Чернышевского. Со многими из них В. И. Ленин вел полемику, одновременно высоко ценя их. Н. К. Михайловского, например, он называл «одним из лучших представителей и выразителей взглядов русской буржуазной демократии в последней трети прошлого века» [2].

Одним из оппонентов В. И. Ленина на первоначальном этапе создания партии был Ю. О. Мартов, написавший ряд статей по истории РСДРП. Вряд ли можно пройти мимо них тому, кто пытается углубить свое понимание истории большевизма и меньшевизма. Назовем некоторые из них: «Спасители или упразднители», «Вперед или назад?», «Борьба с осадным положением в Российской социал-демократической рабочей партии (Ответ на письмо В. И. Ленина)».

Другими оппонентами Ленина были П. Б. Аксельрод, А. А. Богданов, Р. Люксембург, Д. Н. Потресов, Д. Б. Рязанов, П. Б. Струве и др. Их работы также представляют большой интерес при изучении политической истории.

В арсенале историков, преподавателей политической истории, конечно, постоянно должны находиться и труды историков-большевиков, заложивших основы марксистско-ленинской историографии.

Говоря сегодня о гуманизации образования, необходимо четко представлять роль обновленных обществоведческих дисциплин. Значение гуманитарной, общекультурной подготовки студенчества особенно возрастает в технических вузах, где она является составной частью всего процесса гуманизации.

Сейчас мы все чаще говорим о нравственности, о доброте. Порой вспоминаем об этом запоздало. Сетуем, что мы такие, а не другие... А какими должны быть? Откуда черпать энергию доброты и терпения, теплоты и мудрости? Как на все это ответить, как сделать так, чтобы человек стал человечнее, чтобы в прекрасном видел прекрасное, а плохому не только противился, но и боролся с ним?

Нет на это однозначного ответа. Надо помочь человеку видеть и любить прекрасное, щадить и беречь его...

Листаем кафедральный альбом. Год назад на заседании кафедры выступил декан гидрогеологического факультета Е. М. Пашкин. Он говорил о том, что дорого каждому человеку, каждому из нас,— о любви к Отечеству. Кажется, тогда он впервые продемонстрировал слайды студентам с точки зрения проблем политической истории. Выступление и показ вызвали глубокий интерес. И, наверное, тогда на кафедре родилась идея гуманизации преподавания политической истории. Планировались новые спецкурсы по персоналиям, по профилю вуза, по культуре. Расширялась программа, заложенная ранее в структурно-логическую схему по самостоятельной работе со студентами.

Но необходимы были поддержка ректората, конкретная помощь. И ректорат пошел навстречу: были выделены дополнительные часы на чтение спецкурса по истории русской культуры. Чтение спецкурса было предложено Е. М. Пашкину — человеку, тонко чувствующему окружающий мир, любящему свою страну, ее прошлое. Лекции сопровождались показом слайдов. Чтение спецкурса закончилось интересной автобусной экскурсией по Москве. Преподаватель обращался к молодым сердцам. Он многое рассказал о Москве, о том, что значит любить свой город, что можно чувствовать, глядя в окна арбатских переулков, как в глаза старой Москвы. С одной стороны, такая форма — это штрих к работе, с другой — мост через прекрасное к нравственности и милосердию. В душах молодых людей остался неизгладимый след — след, оставленный нашими предками.

Студенты нашего института — особый народ. Они не только романтики, но и разведчики наших подземных кладовых. Анкетирование, которое проводится в начале года, показывает, что большинство молодых людей по-прежнему идут в Московский геологоразведочный институт по призванию, продолжают дело своих родителей, ждут от своей профессии творчества и максимальной пользы на благо Отечества.

На кафедре читаются спецкурсы по истории создания минерально-сырьевой базы страны, читаются мини-лекции по подготовке кадров геологоразведочной службы, по истории создания МГРИ. Среди мини-спецкурсов по персоналиям есть спецкурс о Г. К. Орджоникидзе, чье имя носит институт.

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.

[2] Там же, т. 24, с. 333.

В свободное от занятий время мы стараемся помочь ребятам побывать в музеях Москвы. Студенты посетили выставку «Н. И. Бухарин — к 100-летию со дня рождения» (Музей Революции); в Музее В. И. Ленина почерпнули много для себя интересного по проблеме «Политическое завещание Ленина». Они побывали в Музее Вооруженных Сил, других музеях, в том числе Палеонтологическом, где смогли углубить свои знания по этой науке.

Сейчас, когда мало литературы, нет учебников, аудиторная работа превалирует над внеаудиторной. Но мы считаем, что эта ситуация временная, и продолжаем поиск новых форм контакта со студентами, форм их самостоятельной работы.

Традиционным стало проведение Дня кафедры. Это целая программа, интересная и насыщенная, размышления, политические песни, песни самодеятельных авторов, исторические мини-олимпиады, политический театр, который действует при кафедре третий год. Студенты с интересом работали над отрывками из пьес М. Шатрова «Дальше, дальше, дальше...», «Брестский мир», готовили сцены по темам: суд над И. Бродским, судьба О. Мандельштама. Уже не первый год проводятся совместные научные конференции преподавателей и студентов. Апрельская научная конференция этого года, посвященная 45-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, показала глубокий интерес студентов к данной проблеме, особенно к причинам возникновения войны. На конференции с интересом было заслушано сообщение об участии комсомольцев МГРИ в Великой Отечественной войне.

Эффективной самостоятельной работе студентов во многом способствует постоянно действующий теоретический семинар студентов. В его программе диспуты, «круглые столы», пресс-конференции, вечера вопросов и ответов, школа молодого лектора, конкурсы студенческих работ, написание политических сочинений и т. д. Так, например, защита политического реферата является одной из форм сдачи экзамена.

Очень эффективными являются встречи студентов с историками, руководителями отрасли, народными депутатами СССР и т. д. Глубокий интерес вызвала у студентов встреча с представителями журналов «Диалог», «Вопросы истории КПСС», «Октябрь» и «молодежь» — этой теме был посвящен разговор на встрече со ст. науч. сотр. Ин-та истории партии МГК и МК КПСС Л. А. Опекиным. Десятки вопросов были заданы народным депутатам СССР Г. Х. Попову и С. Б. Станкевичу на встрече, которая состоялась в марте этого года. Какова система народного образования США, как живут и учатся американские студенты — об этом шел разговор на встрече с помощником посла США в СССР докт. философ. наук П. Фишером в апреле.

Нетрадиционный подход к решению проблем преподавания политической истории XX столетия, поиск новых форм работы со студентами, новое прочтение и осмысление работ В. И. Ленина — вот один из залогов успеха в работе со студентами в сегодняшнее трудное, но удивительно интересное время.

Е. А. ЗЕВЕЛЕВА,
кандидат исторических наук, доцент;
Л. К. КАЗАКОВА

ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Первый вопрос, который необходимо рассмотреть с новых позиций,— это вопрос о взаимосвязи и взаимоотношении содержания курса политической истории с методикой его преподавания. Методика как наука развивается по своим законам, на основе своей внутренней логики и специфики.

Если в истории идея возведена в абсолют, то она становится не чем иным, как догмой. Классический пример догматизации нашей исторической науки явил собой «Краткий курс истории ВКП(б)». Задача методической науки при такой постановке вопроса была упрощена до предела, и преобладающее значение стал иметь методический прием как простое заучивание основных положений курса. Механизм взаимоотношений содержания курса и методики строился в этом случае на вопросно-ответной форме обучения.

При рассмотрении преподавания исторической дисциплины в прошлом можно прийти к заключению, что она включала в себя три основных взаимозависимых компонента: идеология — содержание курса — методика преподавания. Ведущая роль в этой триаде, как известно, отводилась идеологии.

В ходе перестройки из составленной выше схемы выпадает один из ранее основополагающих его элементов — идеология данного общественного формирования, находящаяся сейчас в кризисном состоянии. Кризис идеологии ведет к кризису содержания курса, базировавшегося ранее на этой форме надстройки. Естественно, встает вопрос о новом содержании, его принципах построения, целях и задачах.

Думается, что необходимо прежде всего отказаться от прежних подходов к исторической науке, когда она полностью

зависела от ее идеологической трактовки. На наш взгляд, история как наука не может быть партийной, беспартийной или многопартийной. История — это прежде всего объективная реальность.

Второй вопрос, который стоит на повестке дня,— это необходимость пересмотра целевой направленности курса. В соответствующей литературе «застойного периода» данному вопросу уделялось довольно много внимания. Основная цель курса заключалась в усвоении студентами истории как марксизма-ленинизма в действии, показе роли партии в строительстве коммунистического общества и воспитании нового, советского человека — активного строителя коммунизма[1]. Основная же роль преподавания сводилась к тому, чтобы раскрыть деятельность партии на каждом историческом этапе, творческое развитие ею теории, разработку на этой основе программы и политики партии, претворение ее в жизнь. Считалось, что в этом проявлялось единство теории и практики, обеспечивалась научность преподавания, создавалась возможность учить студентов умению применять полученные знания на практике[2].

Думается, что нет необходимости останавливаться на критике перечисленных выше положений. Требуется воспитание критически мыслящей личности, которая бы анализировала прошлое с целью познания настоящего и предвидения будущего, деятельность которой определялась бы исходя из «личностной» оценки действительности, основанной прежде всего на научных знаниях.

Третий вопрос, который необходимо рассматривать в контексте с вышеизложенными,— это вопрос о взаимоотношении двух основных частей учебного процесса: содержания курса, то есть объекта изучения, и самого учащегося, то есть субъекта этого процесса, который призван материализовать усвоенное содержание в общественной жизни.

Перестройка образования требует придания нового импульса преподаванию истории нашего государства и партии.

Анализ событий лета 1989 г. (требования студентов ряда технических вузов отменить экзамены по истории КПСС) и ряд критических выступлений на студенческом форуме осенью того же года свидетельствуют о происходящих сдвигах в этом вопросе.

С другой стороны, важно, чтобы в этих взаимоотношениях был соблюден определенный баланс, чтобы не было перекоса в ту или иную сторону. Последние данные говорят о том, что в некоторых технических учебных заведениях своеобразно подошли к перестройке исторического курса: в одних ведутся разговоры об объединении истории с другими общественными дисциплинами (например, с научным коммунизмом), что, на взгляд авторов, довольно-таки спорно; в других делаются попытки «профилизации» исторической дисциплины, то есть сведения ее к изучению истории текстильной, нефтяной, горнодобывающей и других отраслей промышленности, для которых в вузах готовятся специалисты. Результат подобной «профилизации» может быть только один: мы будем иметь очередное поколение политически безграмотных и лишенных какого-либо исторического мышления людей. Нетрудно себе представить, как это выгодно тем, для кого важнее всего политическая карьера и собственное благополучие.

И последний вопрос, на котором следует остановиться, непосредственно касается содержания исторического курса.

Как известно, за последний год произошел определенный сдвиг в этом направлении: вводится новая учебная дисциплина «Политическая история XX века», кафедрам вузов предоставлены определенная самостоятельность в составлении ее программы, право на разработку и проведение экспериментальных курсов и т. д. Результатом одного из таких экспериментов явилась разработка такого курса группой молодых преподавателей кафедры политической истории МГТУ им. Н. Э. Баумана. Исторический материал (политика, экономика, культура и т. д.) разбит здесь по блокам, которые включают в себя определенные темпы и проблемы, рассматриваемые на принципах историзма.

Мы предлагаем также в качестве одного из вариантов курс «Исторический опыт развития Советского государства». Его логическая сторона основана на той концепции, что ход исторического развития нашей страны зависел и зависит от переломных (критических) моментов истории (к примеру, 1905, 1917, 1929 гг. и т. д.), дававших толчки развитию общества и определявших момент его движения в том или ином направлении.

Совокупность переломных (критических) моментов представляет собой этапы исторического развития (к примеру, 1956—1965 гг., 1965—1985 гг. и т. д.).

Структура учебного материала данного варианта представляет собой последовательное изучение теоретического и практического содержания в рамках отдельно взятого этапа развития общества.

Каждый этап (блок) должен включать в себя основные аспекты общественного бытия на данном отрезке исторического пути: тенденции мирового развития, внутреннюю и внешнюю политику СССР, национальные отношения, науку, культуру и т. д.

Названный выше курс основан:

— на выводе о диалектическом характере развития истории. Субъективные и объективные противоречия, сложившиеся в тот или иной момент истории, приводят к критической ситуации в развитии государства, региона или мира в целом. Разрешение этой ситуации ве-

[1] См. Семинар по истории КПСС: опыт и методика. М., 1984, с. 48.

[2] См. там же, с. 20.

дет к поворотному моменту истории, который может носить как прогрессивный, так и регрессивный характер (с точки зрения современных подходов);

— на комплексном подходе к изучению того или иного этапа истории, исходя из принципа взаимосвязи и взаимозависимости всех процессов, происходящих в мире;

— на методе вертикального изложения событий в строгой хронологической последовательности развития и горизонтального анализа изучаемого материала (принцип историзма). Получив ускорение от разрешения кризисной ситуации, центробежные силы в конечном счете концентрируются в центростремительном фокусе назревших противоречий, требующих своего разрешения;

— на закономерности хода исторического развития, выявлении характерных особенностей, сходства и различия для каждого из этапов истории, возможности прогнозирования дальнейшего хода событий.

Задача семинарских занятий при таком подходе к содержанию курса сводится к изучению узких проблем определенной темы, раскрытию не затронутых в лекции исторических аспектов, изучению «белых пятен» истории, методологических терминов, понятий и т. д.

В конце изучения каждого этапа проводятся зачетные семинары. Главными задачами зачетного семинара являются обобщение и систематизация пройденного материала, выявление и анализ основных противоречий, являющихся предпосылками для очередного этапа развития общества.

Необходимым условием для реализации всех поставленных в этом курсе задач (да и не только в этом) является наличие доступного для учащегося исторического материала, освещающего основные аспекты прошлого, взятого во всей своей сложности и противоречивости, отражающего всю гамму теорий, идей, концепций и т. д. Пока же библиотечные фонды не отвечают современным требованиям (не говоря уже о компьютеризации источников информации; до этого, прямо скажем, еще далеко). Без решения этого вопроса трудно будет говорить о какой-либо науке и творчестве, новых подходах в области методики преподавания, содержательных и аргументированных дискуссиях на семинарских занятиях.

Революция (а именно этот исторический момент переживает страна) должна затрагивать живое творчество масс. В данном случае речь идет о творческом потенциале огромного штата научных работников и преподавателей вузов. Надо признаться, что в настоящий момент этот потенциал не задействован в полной мере.

Г. Л. ВОЛОХОВА,
доктор исторических наук, профессор;
В. М. СТОРЧАК

РЕЦЕНЗИИ

ПЕРЕСТРОЙКА И РУКОВОДИТЕЛЬ: НОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ

Верховному Совету СССР нынешнее правительство представило уже четвертую программу экономической реформы и выхода из кризиса народного хозяйства страны. Этот факт, безусловно, говорит о том, что процессы обновления в сфере экономики идут противоречиво. Многие планы и программы не оправдали наших надежд, не дали необходимых результатов. Отказ КПСС, ее местных партийных организаций от непосредственных управленческих функций, разделение партийной, государственной и хозяйственной власти некоторые даже считают одной из главных причин ухудшения ситуации в экономике страны. Но изменение статуса партии не означает отстранения ее от хозяйственных дел. И в новой обстановке перед КПСС стоит задача разработки экономической стратегии, создания необходимых условий для ее реализации. Одно из направлений в ее решении — через совершенствование кадровой политики и воспитание хозяйственных руководителей — рассматривает в своей книге секретарь Крымского обкома партии Украины Л. И. Грач[1].

Работа интересна богатым фактическим материалом. В ней приводятся данные социологических исследований, опросов, контент-анализов. Со страниц книги предстают живые люди: хозяйственные руководители, секретари, парторги, простые труженики с их проблемами, поисками и находками, основанными на большом жизненном опыте и здравом смысле, который так высоко ценится сегодня в наше непростое время.

Книга представляет анализ работы партийных организаций и комитетов Крымской области по подбору, расстановке и воспитанию кадров руководителей трудовых коллективов в течение первых 3—4 лет перестройки. В центре авторского внимания — хозяйственник, как не только управленец, организатор, «командир» производства, но и воспитатель коллектива, идеологический работник партии. Отличительные черты его социально-психологического и политического портрета, составляющие авторитет современного руководителя,— наиболее удавшиеся наблюдения и оценки автора.

Л. И. Грач четко разделяет функции партийного работника и администратора в едином процессе экономической реформы и становления трудового коллектива — хозяина производства, в центре которого — человек. Если точка приложения сил первого—в развитии боевитости первичных партийных организаций, инициативности коммунистов, общественной и трудовой активности людей, умелом применении на практике всех видов политической, организаторской и идеологической работы, то призвание второго — обеспечить органическую связь хозяйственной и воспитательной работы методами управления (см. с. 4).

А это, по мнению автора, в первую очередь организационное создание достойных условий труда, которые способствуют не только развитию производства, но и становлению, воспитанию советского человека-труженика, способного в конечном счете решить задачу коренной перестройки нашей экономики. Реализация воспитательной функции руководителя требует от него сочетания качеств пропагандиста с навыками высококвалифицированного администратора в лучшем понимании этого слова.

Автор книги, сам идеологический работник, среди отличительных черт, необходимых современному руководителю, называет такие, как высокая компетентность, знание дела, организаторские способности, доброжелательность к людям, политическая культура, без которой деловые качества теряют свою социальную направленность (см. с. 58).

Нельзя не признать и обоснованность авторского определения составляющих политической культуры современного руководителя: знание марксистско-ленинской теории и политики партии; способность к политическому анализу и классовой оценке явлений общественной жизни; идейная убежденность, осознание своих гражданских прав и обязанностей; активная жизненная позиция, эффективная общественно-политическая и организаторская деятельность по практической реализации интересов трудящихся, которые доверили ему управленческие функции.

В книге убедительно доказывается, что процессы демократизации управления экономикой с особой остротой ставят сегодня вопросы взаимоотношений руководителя и коллектива. От умения довести до каждого труженика социальную значимость его работы зависит осмысленность труда и отношения к нему. Из этого видно, что политическая культура руководителя выражается прежде всего в его способности организовать и воодушевить людей, поднять их на осуществление практических задач, привести к эффективному экономическому результату.

Автор внимательно и со знанием дела анализирует деструктивное влияние командно-бюрократической системы на раз-

[1] См. Грач Л. И. Идеология обновления и руководитель: поиск, опыт, проблемы. М., Политиздат, 1990. 176 с.

витие экономики. Горько звучат его слова о том, что «административная система ведет массовую откачку умов и талантов из производственной сферы в управленческую и там нивелирует их, обтесав самостоятельных и оригинальных людей по единой колодке функционеров» (с. 57).

Учитывая это, как и то, что перестройка всей нашей жизни поставила вопрос о формировании руководителя нового типа, Л. И. Грач делится опытом работы обкома, горкомов и райкомов партии Крыма в деле подбора и подготовки кадров хозяйственников области. При этом ключевым моментом авторского подхода к решению проблемы является оценка идеологии как фактора, призванного в условиях перестройки обеспечить динамичное равновесие между политикой и экономикой, чтобы сохранить в обществе устойчивость социалистического выбора (см. с. 116).

Л. И. Грач приводит многочисленные подтверждения перспективности представленного им курса обкома на подбор хозяйственников-воспитателей, руководителей-идеологов, который дает заметный экономический эффект.

Читатели скажут — так это же в Крыму, в благоприятных условиях. Но за высокими показателями скрывается упорный труд крымчан — рабочих, селян, руководителей, партработников. И это автор демонстрирует на ярких примерах передового опыта множества хозяйств и производств. А ведь если внимательно посмотреть, такие резервы есть в каждом регионе нашей страны.

Не умаляя достоинств книги, хотелось бы в то же время высказать и некоторые замечания. При всей значимости политико-воспитательной работы, проводимой парторганизациями сегодня в сфере производства, трудно согласиться с авторскими оценками типа: «хозяйственная работа... все более идеологизируется» (с. 135), «максимально «идеологизировать»... управленческие функции» (с. 173), а также с неоднократными утверждениями о потребности перевода всех процессов хозяйствования на язык идеологии и т. д.

Здесь, думается, проявились увлеченность автора своей профессией, уверенность в том, что специфическими методами партийно-политической работы можно восстановить нашу разрушенную экономику. На наш взгляд, эти подходы могут дать эффект лишь в краткий переходный период от командно-административной системы управления хозяйством и распределения продукции к регулируемому рынку.

Хотелось бы на страницах книги увидеть и размышления о том, как будет осуществляться идейно-воспитательная работа КПСС в трудовых коллективах в условиях многопартийности. Не секрет, что определенные силы в обществе выступают за уход партийных организаций с предприятий, за ликвидацию парткомов на них. Очевидно, что принципиально иные подходы потребуются и в кадровой политике. Видимо, центр тяжести ее нужно будет перенести в органы самоуправления трудовых коллективов.

В целом же книга Л. И. Грача — это добротное исследование партийного работника, всей душой болеющего за дело, за интересы простых людей. Она дает богатый материал для размышлений о партийной работе в сложный переходный период нашей истории, сопровождаемый непростым поиском путей в решении проблемы «партия и экономика».

А. В. ГОРЕНКОВ,
кандидат исторических наук

М. А. ВАРШАВЧИК. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ КПСС: УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ ПО СПЕЦ. «ИСТОРИЯ КПСС». М., Высшая школа, 1989. 224 с.

В условиях «новой волны» политизации истории, которая проявляется, на наш взгляд, в резком обострении оценочной конфронтации по поводу исторических событий, когда ломка догматических стереотипов сопровождается попытками создать негативные образы Октября, В. И. Ленина и КПСС, важнейшее значение приобретают проблемы профессионализма. Если отношение к истории как науке «простой», доступной каждому объяснимо на уровне обыденного сознания, то его фактическое распространение в профессиональной среде ведет к самоликвидации таковой. Недооценка значения овладения методами исторического исследования связана и с последствиями догматических представлений о сущности историзма, объективности, партийности в науке, и с нигилистической реакцией на них. Низкое профессиональное мастерство значительной части историков партии, слабая специальная подготовка в области историографии, источниковедения, археографии, исторической библиографии, знания и навыки в которых и составляют основу «ремесла» историка, приводят к тому, что специалист по истории КПСС в обстановке формирования нового исторического сознания оказывается безоружным.

Включение проблематики истории КПСС в новые курсы политической истории в вузах не только не снимает подобных вопросов, а, скорее, их заостряет. Возможности перепрофилирования, повышения мобильности преподавания, от которого требуется не просто «смена вывесок», но в первую очередь квалифицированность, замыкаются на компетент-

ности и профессионализме. В этом плане представляется, что наличный уровень разработки прежде всего практического историко-партийного источниковедения влияет на общий научно-исследовательский фон, а в конечном счете и на качество преподавательского корпуса.

Канонизированное отношение к партийным документам, будучи производным от апологетически политизированной истории КПСС, резко дистанцировало практические результаты источниковедения от декларируемых общеметодологических подходов. Во времена ломки стереотипов этот разрыв носит болезненный характер: чего же стоят замечательные методологические принципы, если на практике царят догматизм и начетничество? Мнения о благотворных последствиях отказа от обсуждения методологических проблем мы не разделяем.

Новая книга профессора М. А. Варшавчика, автора многих работ по историко-партийному источниковедению, особенно по его теоретическим проблемам, побуждает к размышлениям о важнейших составляющих профессиональной культуры историка. Вместе с Н. Н. Масловым, Л. М. Спириным и другими историками М. А. Варшавчик был инициатором и активным участником ряда дискуссий 70-х годов на страницах журнала «Вопросы истории КПСС» по проблемам методологии историко-партийной науки, в которых были поставлены методологические вопросы, важные и актуальные сегодня в связи с идущими спорами вокруг места и роли истории КПСС в перестройке партии и общества, перестройки самой историко-партийной науки, выхода ее из кризиса. Поэтому новая работа М. А. Варшавчика вызывает большой интерес сама по себе и побуждает к размышлениям по многим проблемам.

Книга писалась на определенном рубеже перехода к перестроечному этапу историко-партийной науки, поставившему задачу всеобщей критики ее состояния и обновления как в методологии и методике исследований, так и в плане новых концептуальных идей. Это обстоятельство во многом определяет плюсы и минусы книги. В известном смысле, может быть, и вне замысла автора, она получилась итоговой, ибо суммировала результаты определенного этапа развития историко-партийного источниковедения. Книга является такой и по жанру. Это не монография, а учебник. Вместе с тем временем своего выхода она обозначила острую проблему историографии и в известном смысле дала на нее ответ: что из прошлого опыта развития науки, из ее истории мы берем сегодня как непреходящее достижение научной мысли, а от чего, от какого наследства, отказываемся. С этой позиции книгу, несомненно, следует отнести к ряду приобретений историографии.

Работа всем своим содержанием подводит читателя к новому видению проблем источниковедения, побуждает не только к серьезным размышлениям о сущности профессиональной подготовки историка, о новом понимании предмета, содержания, задач историко-партийного источниковедения, но и к исследованию новых проблем историко-партийной науки.

Как учебник по источниковедению, книга написана в соответствии с требованиями жанра, но существенно отличается от других учебных пособий. Автору удалось сделать современный учебник, содержание которого не ограничивается традиционной обзорно-информативной характеристикой источников. Он написан в русле тенденций перестройки исторического образования, построен как курс теоретико-методологического и методического характера, в котором центр тяжести перенесен с обзора содержания исторических источников, что присуще большинству ранее издававшихся пособий по историческому источниковедению, на методы работы с источниками, иначе говоря, на то, чему сегодня нужно учить будущего историка-профессионала. Поэтому большое место в книге занимают вопросы теории, методологии и общей методики источниковедения.

Весь их анализ в книге направлен на преодоление распространенного до сего времени предрассудка, согласно которому источники по истории КПСС, особенно документы КПСС, не подлежат источниковедческому изучению. Автор исходит из того, что историко-партийное источниковедение — это историческое источниковедение. Поэтому, выясняя специфику историко-партийных источников, М. А. Варшавчик выходит в книге на решение многих проблем источниковедения в целом.

Наиболее сильная сторона книги — это разработка теоретических и методологических проблем источниковедения. Авторский анализ базируется на положении историографии о том, что достоянием марксистской науки является целостная концепция исторического источника, согласно которой существуют объективная природа источников и возможность **«реконструирования по ним реального исторического процесса»** (с. 17). На этой общеметодологической основе в книге решаются вопросы теории источника, взаимоотношений источника и литературы (пособия), их общности и различий: раскрывается методологическая значимость понятия «факт». На данном пути исторического познания источник выступает опосредующим звеном в отражении наукой исторической действительности (см. с. 24).

Другой аспект теории источника, обстоятельно раскрытый в книге,— характеристика его сущности с позиций учения о социальной информации в целях повышения информативной отдачи. На основе общей теории источника в книге показаны специфика и особенности историко-партийных источников, даны их классификация, структура, типология.

Автор рассматривает источниковедение не как сумму или комплекс специальных дисциплин, но как систему. С точки зрения системного подхода, и это глубоко обосновано в книге, М. А. Варшавчик говорит об источниковедении не как об узкой дисциплине, а как **«о специальной отрасли исторической науки»** (с. 41).

На основе системного подхода к источниковедению дано определение его методологии. По мнению автора — это проявление частно-научной, или конкретно-научной, методологии, которая связывает источниковедческую теорию с источниковедческой практикой и выступает в то же время в качестве совокупности принципов и методов познания, реализуемых в познавательной практике (см. с. 45). Среди основных принципов рассмотрены объективность (полнота информации), партийность (принцип «научного мышления»), историзм (принцип «научного мышления») (см. с. 55, 61). Проблема полноты информации раскрыта в книге через понятие «совокупность фактов», которое выступает в цепочке факт-событие, факт-источник и факт-знание как последнее звено. Это понятие наряду с теорией, концепцией исследователя адекватно формированию совокупности научных знаний. Если концепция истинна, она обеспечивает получение достоверных фактов, дает возможность выделить из их массы наиболее существенные. При этом именно теория вскрывает объективный характер связей, взаимозависимостей научных фактов. Этот вопрос рассматривается с позиций учения об информации, применимости принципа оптимизации объема информации.

Подробно анализируются в книге проблемы методологии и методики источниковедения. Излагая принципы классификации источников, автор подчеркивает особое значение для историко-партийных исследований классификации по признаку служебного назначения — источники нормативного и исполнительного характера, а также массовые и немассовые источники. Эта классификация важна для понимания методики их изучения. В книге раскрыты задачи и границы источниковедческой критики двух видов аналитической, имеющей объектом отдельные источники, и синтетической, имеющей объектом «комплекс источников». Последнее понятие автор рассматривает как «совокупность источников, достаточную для получения совокупности научных фактов» и группирующуюся в соответствии как с объективными связями между ними, так и с исследовательскими задачами (см. с. 122).

М. А. Варшавчик подробно останавливается на особенностях методов анализа массовых источников, исходя из возрастающего внимания исследователей при решении задач репрезентативности источниковой базы к поиску «новых путей выявления объективных закономерностей, тенденций общественного развития, совершенствования исследовательских методов» (с. 77).

Слабости материальной базы и культуры исследования ведут к неизбежной кустарщине и топтанию на месте. Результаты известны — это надергивание фактов под заранее заданные выводы. Подобные явления, увы, широко представлены в историко-партийной историографии. Историки партии обязаны преодолеть такой подход к исследованиям.

В этой связи особое внимание привлекают работы, опубликованные в журнале «Вопросы истории КПСС», которые конкретизируют современные подходы к проблемам массовых источников и их роли в развитии историко-партийной науки. О. В. Наумов, заострив внимание на возможностях и перспективах использования массовых источников, характеризующих развитие партии (а не тонно-километры и урожаи с гектара), предложил конкретные исследовательские программы [1]. Результаты применения количественных методов при обработке данных Всесоюзной партийной переписи 1927 года, представленные в работе В. С. Тяжельниковой, выводят на новые определения в типологии территориальных партийных организаций [2]. Открывающиеся исследовательские перспективы использования массовых источников на современном уровне связаны с решением задач материально-технического и организационного обеспечения историко-партийных исследований. Обостряются в этой связи и проблемы источниковедческой культуры [3].

В книге М. А. Варшавчика дана подробная характеристика всех групп историко-партийных источников раскрыты общие приемы и особенности изучения источников каждой группы.

Слабее, на наш взгляд, разработаны вопросы источниковедческой практики, не в общей их постановке, а прежде всего в ее особенностях применительно к историко-партийному источнику.

Говоря о методике источниковедческого анализа документов КПСС, автор обращает внимание на их историческую ограниченность, подчеркивает необходимость конкретно-исторического подхода к их изучению (см. с. 163). Мы согласны с этим, но сегодня этого уже недостаточно. Слабое место в разработке проблем источниковедческой практики анализа партийных документов как раз заключается в отрыве методологических и методических требований от практики

---

[1] См. Наумов О. В. Массовые источники по истории КПСС.— Вопросы истории КПСС. 1989. № 2.

[2] См. Тяжельникова В. С. Состав партийных организаций в конце 20-х годов (Опыт количественного анализа по материалам Всесоюзной переписи 1927 г.).— Вопросы истории КПСС. 1990. № 1.

[3] Об этом свидетельствуют материалы дискуссии ведущих специалистов в апреле 1989 г. в редакции журнала «История СССР», где проблемам историко-партийного источниковедения было уделено значительное место.— См. История СССР. 1989. № 6. с. 36—91

их применения к данной группе источников. В историко-партийной литературе почти нет работ по конкретному источниковедению таких типов документов, как стенографические отчеты партийных съездов, конференций, пленумов, постановления ЦК по важнейшим проблемам политики и жизни партии, материалы местных партийных организаций и др. Поскольку такие темы не разрабатываются, остаются неясными и многие практические вопросы источниковедческого анализа этих источников.

Многие историки партии, не понимая сущности источниковедческой критики партийного документа как исторического источника, под термином «критика» понимают политическую критику партийных решений, что до последнего времени считалось недопустимым. Эта проблема затрагивается в книге в самом общем виде. Задача анализа документов 30-х — начала 80-х годов состоит «во взвешенной диалектической оценке того истинного, что объективно отражает неоспоримые успехи социалистического строительства, и того, что партия рассматривает сейчас как извращение ленинских методов строительства и самой концепции социализма» (с. 163). Методологическим ориентиром конкретно-исторического подхода «выступают документы XXVII съезда КПСС, другие современные партийные документы» (с. 166). Думается, эти положения противоречат изложению методологии источниковедения, данному в книге. Они требуют более глубокого разъяснения на основе этой методологии. Иначе создается впечатление, что политическая целесообразность вновь становится критерием конкретно-исторических оценок.

В этой связи остро стоит проблема иерархизации историко-партийных источников. Ранее их политизированное ранжирование приводило к исключению целых групп источников из оборота. Нет смысла искать в советском источниковедении анализа документов различных партийных оппозиций. Источниковедческая Лениниана, накопившая значительный опыт и добившаяся впечатляющих результатов, имеет свои проблемы, которые связаны и с полнотой имеющихся в исследовательском обороте ленинских документов[1], и с полнотой применения методов источниковедческой критики (проблемы, обнаружившиеся в новейшей историографии «Политического завещания» В. И. Ленина, тому свидетельство).

В нынешнем широком интересе к прошлому явно преобладает интерес к источнику-документу, а не к факту истории. Первый представляется более очевидным и внушающим доверие. Объяснимое стремление ответить на информационное «голодание» путем публикации документов и отрывков из них в самых различных изданиях (в том числе и не приспособленных для таких целей) обнаружило следующее: с одной стороны, массовые отступления от элементарных правил публикации источников, с другой — неготовность историков-профессионалов к развернутому источниковедческому анализу и их слабую оперативность.

Рецензируемая книга вскрывает важную методологическую проблему источниковедения истории КПСС, связанную с определением самого предмета этой отрасли исторического знания. Позиция М. А. Варшавчика выглядит следующим образом: «Предмет истории КПСС как науки составляют закономерности возникновения и развития Коммунистической партии, ее борьбы за революционное преобразование общества, за победу социализма и коммунизма» (с. 28). Хорошо известное определение служит основанием для выявления круга историко-партийных источников. К ним относится все то, что непосредственно отражает «развитие партии и все виды ее деятельности...» (с. 28). Автор, таким образом, исходит из того, что предмет истории КПСС составляют закономерности, а источники предназначены для изучения деятельности.

Воспроизведение этой понятийной «вилки» в рецензируемом издании — свидетельство его переходного характера, уже отмеченного выше. И вот почему. Если история КПСС изучает исторически прогрессивные закономерности, то исторические факты нужны, по-видимому, для их иллюстрации. Автор многое делает для того, чтобы уйти от такого толкования. Прежде всего в основной части книги. До известной степени предлагаемое определение историко-партийного источника компенсирует последствия жесткой зависимости от определения предмета, включая отражение «процесса возникновения и развития Коммунистической партии». Впрочем, оно все же указывает вектор изучения. Речь идет об исследовании «деятельности, направленной на революционное преобразование общества, на построение социализма и коммунизма» (с. 31). Исторические источники, характеризующие, скажем, процессы уничтожения старой большевистской гвардии, подмены ленинской концепции Коммунистической партии, перерождения части партии в так называемый период застоя, характеризуют не эту исторически прогрессивную деятельность, а какую-то иную. Очевидные сейчас вопросы обращены не к самому М. А. Варшавчику, который в частности, отметил, что «некоторые материалы ЦК, несущие на себе печать культа личности, противоречивы» (с. 166). Как представляется, речь должна идти об актуальности разработ-

[1] Заполнение лакун дает впечатляющие результаты, например: публикации писем В. И. Ленина в «Вопросах истории КПСС» (1988. № 10), «Известиях ЦК КПСС» (1989. № 1, 4), пометок на книге А. И. Деникина «Очерки русской смуты» в «Вопросах истории КПСС» (1989. № 12; 1990. № 1, 2). Впрочем, планируемое 6-е издание Сочинений В. И. Ленина не обещает быть полным.— См. Правда. 19 мая 1989 г.

ки методологических проблем источниковедения истории КПСС. Уход от известной профессиональной заскорузлости связан также и с этим.

Взгляды на историческое прошлое среди историков и в общественном сознании сегодня быстро меняются, находятся в динамике. Многое из того, что написано историками два-три года назад, уже устарело. Это, естественно, можно сказать и о рецензируемой книге. Однако бесспорно и то, что теоретические идеи источниковедения истории КПСС, выведенные автором за границы удобного оправдательной формулы о сугубой «специфике» историко-партийных источников, вошли в историографию и еще долго будут серьезной основой совершенствования профессиональной подготовки историков. В этом главное достоинство книги.

А. А. КУЛАКОВ,
доктор исторических наук,
профессор
(Горький);
В. Б. МАКАРОВ,
кандидат исторических наук,
доцент

КОГДА СТАРОЕ МЕШАЕТ НОВОМУ

Общепризнанно: наша историография на переломе. Историки в поиске новых тем. По-новаторски освещаются, казалось бы, давно исследованные вопросы. Исчезают «белые пятна». Но в то же время встречаются работы, в которых порожденные перестройкой проблемы раскрываются с помощью старых приемов, когда исторические факты подгоняются под намеченную схему.

Такого рода казус произошел с недавно опубликованной монографией Ю. В. Емельянова [1]. Сразу скажем, многое в ней подкупает. Она написана в критико-аналитическом ключе. Автор много размышляет, использует в обосновании своих взглядов факты не только отечественной, но и всемирной истории. Однако интерес к книге постепенно снижается по мере того как проявляется ее тенденциозность. Выясняется, что, поставив в центре своего исследования Н. И. Бухарина как историческую личность, автор, в сущности, заранее задался целью развенчать его, вернуться к старым стереотипам. Конечно, в полной мере сделать это ие удается, и тем не менее многое здесь освещено превратно.

С Ю. В. Емельяновым можно согласиться в том, что, как это часто бывает, восстановление доброго имени Бухарина сопровождалось ненужной шумихой, кампанейщиной (см. с. 95). Но вот авторская трактовка причин этого вызывает сомнение. По его мнению, суть в том, что наша общественность оказалась под влиянием западных советологов, которые, в свою очередь, выполняют социальный заказ американских государственных учреждений (см. с. 10). Конкретно имеется в виду автор книги о Бухарине американский историк С. Коэн, активно якобы вовлеченный в сеть формальных и неформальных взаимоотношений с органами обороны, разведки, внешней политики и пропаганды США, нацеленными прежде всего на ослабление системы безопасности нашей страны (см. с. 84). Осуществляя свою миссию, Коэн, по мнению автора рецензируемой работы, ищет и в историческом прошлом, и в настоящем персонажей типа Бухарина, которые могли бы способствовать проникновению идей Запада в Россию (см. с. 86). Опасность подобных изысканий Ю. В. Емельянов видит в том, что «когда... соответствующие концепции советологов чуть ли не текстуально внедряются в общественное сознание нашей страны, то отдельные события нашей общественно-политической жизни становятся легко управляемыми в точном соответствии с прогнозами зарубежных ученых» (с. 92). Следовательно, нужно настороженно относиться к положительным оценкам деятельности тех или иных исторических личностей со стороны западных авторов.

Насколько прав Ю. В. Емельянов в оценке возможностей западных спецслужб — это вопрос особый, хотя поставлен он автором так, что напоминает былые времена «охоты на ведьм», то есть поисков врагов везде и всюду. Его же стремление принизить значение Бухарина как исторической личности, политического деятеля и ученого путем произвольной интерпретации фактов вызывает ряд возражений по существу. Так, трудно согласиться с оценкой Бухарина как недоучившегося теоретика, преподнесенной в книге почти в том же духе, что и в известном выступлении И. В. Сталина на апрельском (1929 г.) объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Делается это нехитрым способом: напоминается, что Бухарин проучился в университете всего 2 года, да и то больше занимался там революционной работой. В эмиграции тоже не учился, а разъезжал из страны в страну. Диплома о высшем образовании не имел. При этом умалчивается о всестороннем изучении им марксистской теории и процессов развития капитализма на его высшей стадии, о трудах, положительно оцененных В. И. Лениным [2]. А вывод делается категорический: «положение «крупнейшего теоретика партии» за-

[1] См. Емельянов Ю. В. Заметки о Бухарине. Революция. История. Личность. М., Молодая гвардия, 1989. 320 с.

[2] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 93—98, 339.

нял человек, не имевший возможности получить основательную научную подготовку» (с. 138) [3].

Но почему все же это произошло? Лишь потому, считает Ю. В. Емельянов,— что остальные руководящие деятели партии, ленинская старая гвардия, в своем большинстве тоже были мало образованными людьми, не имеющими дипломов (см. с. 155—158). Мысль о низком образовательном уровне руководства партии проходит, в сущности, через всю книгу. Этим, а не факторами объективного порядка объясняются автором трудности социалистического строительства. Но ведь лидеры партии, как отмечал Ленин, «брались за самые трудные обязанности», «брались сплошь и рядом неправильно, но умели поправляться и работать» [4].

Допускал ошибки и Бухарин, и он также умел «поправляться». Для того же, чтобы судить о его промахах в области теории, необходим основательный анализ оставленного им творческого наследия, но этого в рассматриваемой книге нет. Попытки же оценить отдельные положения и высказывания выглядят неудачными. Вот пример. Известно, что, по Бухарину, социализм может быть различных типов. По его мнению, в Советской стране ввиду унаследованного от капитализма низкого уровня производительных сил и преобладания крестьянского населения он был возможен в отсталых формах. Но, по мысли Бухарина, «даже и эти формы гарантируют нам все дальнейшее... продвижение вперед к формам социализма, все более совершенным» [5]. Однако Ю. В. Емельяновым делается неожиданный вывод, что оценки социалистического строительства в СССР как «фатально отсталого варианта общественной формации... ставили советский народ во второсортное положение на мировой арене» (с. 241).

Более того, доказывается, что разделяемые Бухариным взгляды являлись истоком русофобии. В связи с этим трудно согласиться с утверждением, будто стремление Бухарина искоренить национализм выражалось в нападках на творчество русских поэтов, особенно Есенина, что возникшая в поэтической среде нездоровая обстановка способствовала волне самоубийств (см. с. 241—242). Известно, однако, что Бухарин выступил с осуждением есенинщины (а не Есенина) уже после смерти поэта, и его высказывания скорее способствовали оздоровлению обстановки в этом отношении.

Малоубедительными выглядят претензии к Бухарину и по поводу того, что он якобы разваливал общеобразовательную школу, противопоставлял учащихся учителям (см. с. 267). Его выступления перед комсомольцами, перед молодежью как раз говорят о противоположном.

Спорной является попытка представить Бухарина как главного виновника обострения внутрипартийной борьбы в конце 20-х годов. В трактовке Ю. В. Емельянова ее застрельщиком была группа Бухарина, которая обладала громадным перевесом сил в идеологических учреждениях партии. Сталину и его сторонникам пришлось думать о самообороне (см. с. 274). Развернувшиеся в связи с этим дискуссии приобрели характер борьбы за власть (см. с. 275). Глубоких же расхождений у Бухарина со Сталиным будто бы и не было вовсе (см. с. 289). Тот и другой выступали за крутые меры против кулачества, за насильственную коллективизацию, за перекачку средств из деревни на нужды индустриализации. При этом забывается такая «мелочь», как противодействие Бухарина сталинскому курсу на обострение классовой борьбы. Забывается даже бухаринский тезис о врастании кулака в систему советских хозяйственных органов, которое было истолковано его противниками как «врастание в социализм». Что касается «перекачки средств», то она отнюдь не означала возвращения к политике «военного коммунизма». Необходимость ее признавалась руководством партии в целом и после перехода к нэпу, но не в виде «дани» на крестьянство, ведущей к его разорению, на что нацеливали Сталин со своими сторонниками, а в порядке взаимовыгодного перераспределения средств в общих интересах. Известно также, что Сталин выступил в качестве основоположника командно-административной системы, в то время как Бухарин являлся сторонником использования нэповских методов. Не случайно его имя связывают с рыночным социализмом.

Проблематичным выглядит утверждение, что в случае победы Бухарина культ личности, но иного человека, установился бы еще скорее (см. с. 290). Говорить так — это значит отвлекаться от реального развития событий. К тому же ошибочно сводить культ личности лишь к восхвалению того или иного человека (см. с. 291).

Оригинально трактуются в книге закономерности партийного строительства. Из рассуждений автора вытекает, что естественным являлось стремление нового лидера избавиться от тех членов руководящей коллегии, которые были избраны до его прихода к власти. Так поступал Сталин, так поступали сменившие его лидеры. Разница состояла лишь в методах устранения: при Сталине расстреливали, после него удаляли «по состоянию здоровья» (см. с. 277). По нашему мнению, это все же существенное различие.

Завершая свою работу, автор истолковывает последнее слово Бухарина на су-

---

[3] Нелишне напомнить, что Ленин называл Бухарина превосходно образованным марксистом-экономистом (См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 305).

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 250—251.

[5] Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988, с. 228.

дебном процессе 1938 г. в том смысле, что его жизненный путь был пуст и ничтожен (см. с. 303). Но можно ли так оценивать подобные высказывания без учета обстановки, в которой они произнесены? К тому же главным в выступлении Бухарина было все же сожаление, что ему не придется участвовать в строительстве социализма.

Рамки историографической заметки не позволяют остановиться на других сторонах рассматриваемой книги. И тем не менее общее впечатление, которое остается после ее прочтения,— это ощущение предвзятости в трактовке избранного сюжета. Больше того, возникает вопрос: способствует ли она перестройке в исторической науке?

Л. Ф. МОРОЗОВ,
доктор исторических наук

ЛИ ДАЧЖАО. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ. Пер. с кит. М., 1989. 448 с. [1]

Советская общественность и особенно молодое поколение нашей страны мало осведомлены о жизни, деятельности и идейном наследии замечательного сына китайского народа Ли Дачжао (1889—1927 гг.), оригинального мыслителя-марксиста, зачинателя коммунистического движения в Китае, идейно и организационно подготовившего создание Компартии Китая, патриота и интернационалиста, друга Советского Союза. Это обусловлено длительной задержкой публикации трудов Ли Дачжао и отсутствием переводов их на русский язык.

Первый небольшой по объему сборник избранных статей и речей Ли Дачжао в русском переводе вышел в Москве только в 1965 г.[2]. В 1978 г. увидела свет книга, написанная В. А. Кривцовым и В. А. Красновой, с анализом взглядов Ли Дачжао [3]. Позже вышел еще ряд публикаций советских китаеведов [4]. В разные годы в исследование отдельных сторон жизни и деятельности Ли Дачжао внесли свой вклад советские китаеведы Л. П. Делюсин, А. Г. Крымов и др.[5]. Сведения о Ли Дачжао как зачинателе коммунистического движения в Китае содержатся также в общих работах по новейшей истории Китая.

В изданных трудах проанализированы роль Ли Дачжао в пробуждении национального и социального сознания китайского народа, эволюция его взглядов от революционного демократизма к марксизму-ленинизму, развитие философских материалистических воззрений, значение его литературно-публицистической деятельности по пропаганде марксизма, всемирно-исторического значения Октябрьской революции в России. Рассмотрена также роль Ли Дачжао в создании КПК и ее деятельности на Севере Китая, в восстановлении и развитии взаимоотношений между Советской Россией и Китаем в 1917—1927 гг., обстоятельства его гибели от рук гоминьдановских палачей в 1927 г. и др.

Тем не менее в нашей стране не было до сих пор научного исследования, раскрывающего все богатство и разносторонность идейного наследия выдающегося китайского революционера-мыслителя, а также переводов на русский язык работ Ли Дачжао в таком объеме, который давал бы возможность ближе узнать идеи, содержащиеся в его статьях.

В октябре 1989 г. в КНР и в Советском Союзе широко отмечалось 100-летие со дня рождения Ли Дачжао [6]. Это

---

[1] Ред. Н. Г. Сенин, М. Л. Титаренко. Составитель и автор предисл. Н. Г. Сенин.

[2] Сост., пер. и автор предисл. и коммент. Ю. М. Гарушянц. М., 1965.

[3] См. Кривцов В. А., Краснова В. А. Ли Дачжао. От революционного демократизма к марксизму-ленинизму. М., 1978.

[4] См. Материалы о пребывании Ли Дачжао в СССР.— Проблемы Дальнего Востока, 1985, № 1; Белоусов С. Р. Судьба китайского марксизма. М., 1988; Сенин Н. Борец, мыслитель, гуманист (К 100-летию Ли Дачжао).— Проблемы Дальнего Востока, 1989, № 6; Гарушянц Ю. М. Ранний Ли Дачжао (1907—1913 гг.).— В кн.: Общество и государство в Китае. Двадцать первая научная конференция. Тезисы докладов. Ч. 3. М., 1990; Он же. Борьба вокруг наследия Ли Дачжао в Китае.— Там же; Хохлов А. Н. Пребывание Ли Дачжао в Советском Союзе и создание в СССР Общества «Руки прочь от Китая».— Там же.

[5] См. Афанасьев А. Г. Ли Дачжао и «движение 4 мая».— В кн.: Движение «4 мая» 1919 года в Китае. Сборник статей. М., 1971; Крымов А. Г. Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае (1890—1917 гг.). М., 1972; Делюсин Л. П. Спор о социализме. Из истории общественно-политической мысли Китая в начале 20-х годов. 2-е изд., испр. и доп. М., 1980.

[6] В конце октября 1989 г. в Пекине состоялось торжественное партийно-правительственное собрание, посвященное 100-летию Ли Дачжао. На нем с большой речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь, отметивший, что Ли Дачжао был первым в Китае, кто, восприняв идеалы Великой Октябрьской социалистической революции, указал перспективу социалистического развития Китая. В докладе был также отмечен выдающийся вклад Ли Дачжао в создание КПК, в революционную борьбу китайского народа. Одновременно в Пекине состоялась международная научная конференция, в которой приняли участие советские ученые. 14—15 ноября 1989 г. в Москве состоялась юбилейная Всесоюзная научная конференция с участием ученых из КНР.

событие ознаменовало начало нового этапа в изучении идейного наследия Ли Дачжао и определении его истинного места в истории коммунистического движения в Китае. В связи с юбилеем институтами философии и Дальнего Востока АН СССР издан на русском языке рецензируемый сборник произведений Ли Дачжао. В него вошло 122 статьи, охватывающие период наиболее активной публицистической деятельности китайского марксиста (1913—1927 гг.).

Избранные произведения Ли Дачжао в русском переводе — это в известном смысле уникальное издание. Оно не только является наиболее полным собранием трудов Ли Дачжао, переведенных на русский язык, но и не имеет аналогов в переводе на другие языки за рубежом. Тексты снабжены необходимыми комментариями. Кроме того, избранным произведениям предпослано обстоятельное предисловие, написанное докт. филос. наук Н. Г. Сениным, в котором читатель найдет исторический фон, отразившийся в произведениях Ли Дачжао, увидит их характер и историческую ограниченность в трактовке им отдельных сторон теоретических проблем марксизма.

Прочтение избранных произведений Ли Дачжао дает представление о нем как о человеке поистине энциклопедических знаний своего времени и условий Китая в области философии, экономических и политических наук, истории, социологии, этики. Многие идеи и мысли Ли Дачжао, изложенные в его статьях, созвучны нашему времени революционного обновления социалистического общества.

В рецензии невозможно охватить все разнообразие идей и мировоззренческих концепций Ли Дачжао, содержащихся в рецензируемом сборнике. Остановимся лишь на главных проблемах.

Решающим фактором в приобщении Ли Дачжао к социализму явилась Великая Октябрьская социалистическая революция в России, которую он не только горячо приветствовал, но и увидел в ней вдохновляющий источник борьбы китайского народа за свое социальное освобождение. Во время дискуссии о социализме в среде китайской интеллигенции в 1919—1920 гг. Ли Дачжао пришел к выводу, что идеи марксизма применимы и в Китае.

Под влиянием революционных событий в России Ли Дачжао весной 1918 г. выступил в журнале «Синь циннянь» со статьями «Сегодня» и «Новое! Старое!» (см. с. 128—134). Ли Дачжао близко подошел к пониманию интернациональной сущности Октябрьской революции. В статье «Сравнение французской революции с русской» (июль 1918 г.) он с поразительной для тогдашнего уровня китайской общественной мысли четкостью отмечал, что «русская революция — величайший поворот в истории» (с. 145). Ли Дачжао проникновенно писал, что если французская революция XVIII в. проходила под лозунгами национализма, то русская — «это революция социалистическая, глубоко социальная» (с. 145). И далее: «Мы должны с гордостью приветствовать русскую революцию как свет новой мировой цивилизации» (с. 147).

Еще глубже Ли Дачжао раскрыл существо Октябрьской революции в статьях «Победа народа» и «Победа большевизма» (ноябрь 1918 г.). Обнажив характер первой мировой войны как войны империалистических государств, он пришел к выводу, что социальным итогом войны явилось «поражение капитализма и торжество принципов труда». Ли Дачжао писал: «Хотя большевизм создан русскими, однако он отражает пробуждение всего человечества XX в.» (с. 161).

Большую роль в распространении марксизма-ленинизма в Китае сыграли статьи Ли Дачжао периода 1919—1924 гг.: «Мои марксистские взгляды» (см. с. 203—232), «Значение материалистического понимания истории для современной социологии» (см. с. 304—307), «Экономическое учение К. Маркса» (см. с. 335—340). Ли Дачжао был первым, кто познакомил китайское общество с биографией В. И. Ленина (см. с. 323—329). Он посвятил ему выступление «Ленин бессмертен» (см. с. 388).

Выступая пропагандистом Октябрьской революции, отстаивая ее идейно-политические принципы в спорах с буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенцией, Ли Дачжао способствовал вызреванию первых групп революционеров-марксистов, образованию Коммунистической партии Китая.

Ли Дачжао отдавал много сил, чтобы содействовать углублению взаимопонимания между китайским и советским народами, восстановлению дипломатических отношений между обеими странами, установлению отношений сотрудничества и взаимопомощи между революционными движениями Советского Союза и Китая, призывал китайский народ всемерно укреплять дружбу с народами Советской России [7].

В свете нового мышления представляют интерес суждения Ли Дачжао о классовой борьбе. В статье «Мои марксистские взгляды» (1919 г.), излагая свое понимание учения К. Маркса, Ли Дачжао приходит к выводу, что «Маркс не считает классовую борьбу неизменным спутником истории человечества» (с. 217), а применяет свое учение о классовой борьбе лишь «к предыстории человеческого общества, но не ко всему прошлому, настоящему и будущему». То есть он говорит о том, что с началом новой истории на первый план выйдут

[7] Подробно об этом см.: Сюй Ваньмин. Ли Дачжао о китайско-советских отношениях.— Проблемы Дальнего Востока, 1989, № 5, с. 34.

общечеловеческие ценности, и они будут важнее классовых и национальных. Свои размышления по этому вопросу Ли Дачжао заключает следующим высказыванием: «...Марксово учение о классовой борьбе не главный элемент его материалистического понимания истории, поскольку применимо лишь к прошлой истории» (там же).

Китайский марксист в ряде статей излагал свои взгляды на социализм, выделяя разные аспекты его содержания. Так, в статье «Социализм и общественное движение» (1920 г.) он сформулировал свое понимание взаимосвязи социализма и демократии. «...Если демократию и социализм рассматривать в духовном плане,— писал он,— то очевидно, что обе эти категории находятся во взаимосвязи, образуя единство, поскольку источник обеих — народ» (с. 312).

Много внимания Ли Дачжао уделял вопросу об отношении социалистической идеологии к науке и искусству. В той же статье «Социализм и общественное движение» он писал: «Науку и искусство развивают личности, но такое развитие станет невозможным, если после утверждения социализма таланты и способности будут постепенно нивелироваться и обесцвечиваться» (с. 313). В другой статье он подчеркивал, что, «строя социализм, надо обратить особое внимание на сохранение искусством его индивидуальности» (с. 383). Он расценивал как ошибку тезис о том, что социализм «будет создаваться исключительно в целях материального прогресса и что при нем-де не будут обращать особого внимания ни на изящные искусства, ни на философию» (с. 313).

В статьях Ли Дачжао привлекает внимание его последовательный гуманизм, идеи которого он горячо пропагандировал и отстаивал. Он особо выделял гуманизм русской литературы, высоко ценил ее воздействие на социальное развитие общества. В статье «Русская литература и революция» он рассматривал русскую революцию как «эхо русской литературы» (с. 148). Ли Дачжао выделял две наиболее характерные для русской литературы особенности: ярко выраженную социальную окраску и высокий гуманизм (см. там же).

Ли Дачжао придавал большое значение духовному воспитанию общества. Он был убежден, что духовное преобразование следует осуществлять вместе с материальным, при этом подчеркивал, что «в начальный период материального преобразования оно (духовное преобразование.— **Рец.**) становится еще более важным» (см. с. 200—201).

Проблема молодежи является одной из главных в идейном наследии Ли Дачжао. Китайский революционер хорошо понимал роль молодежи в будущем, считал, что именно ее усилия, ее участие в борьбе определят судьбу страны, утверждал, что если государство потеряет молодежь, то лишится «жизненных сил». Ли Дачжао предложил программу духовного совершенствования молодежи. Он был убежден, что общество будет гармоничным лишь тогда, когда интересы всех поколений будут сочетаться. Призывал молодежь использовать свои силы, «чтобы избавить общество от накопившихся в нем застойных явлений» (с. 109).

В 1924 г. Ли Дачжао побывал в Советском Союзе. Он приехал в Москву на V конгресс Коминтерна (17 июня — 7 июля) как представитель КПК, будучи членом ее Центрального Комитета. Он жадно знакомился с жизнью Советской страны. Кроме Москвы, он побывал в Ленинграде, где посетил Дворец труда, завод «Треугольник».

По возвращении из Ленинграда он принял участие в организации в нашей стране общества «Руки прочь от Китая». Китайский марксист выступил в Большом театре на митинге интернациональной солидарности трудящихся Москвы, организованном этим обществом. Своими впечатлениями о пребывании в Стране Советов Ли Дачжао поделился в статье «Народы Советской России солидарны с китайской революцией» (ноябрь 1924 г.).

Рецензируемая книга избранных произведений Ли Дачжао — это новый шаг в изучении его идейного наследия в Советском Союзе. Она позволит специалистам-китаеведам расширить и углубить представления об идейном богатстве и гуманизме первого китайского марксиста. Вместе с тем эта книга интересна и для широкого читателя благодаря современному звучанию многих ее идей, близких духовным потребностям перестройки.

А. И. КАРТУНОВА,
доктор исторических наук;
Е. Ф. КОВАЛЕВ,
доктор исторических наук

СБОРНИК СТАТЕЙ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ И ИСТОРИИ КПСС

Стержнем политической истории советского общества является история КПСС. Взгляды на деятельность Коммунистической партии значительно менялись на разных этапах развития нашего общества. Но только в условиях демократизации, повлекших за собой перестройку преподавания обществен-

ных наук, в условиях гласности и плюрализма мнений стал возможным подлинно научный, объективный и всесторонний анализ истории КПСС. В немалой степени этому способствовали новые публикации, глубокие исследования советских обществоведов, появившиеся в конце 80-х годов. Среди них — сборник «Страницы истории КПСС»[1], уже второй по счету, опубликованный под этим названием.

Как тематически, так и концептуально эта книга продолжает линию первого сборника. Она представляет собой дайджест научных и научно-публицистических статей, опубликованных в периодической печати в 1987—1989 гг.

Думается, не случайно первый раздел книги, посвященный методологическим аспектам истории КПСС как науки, открывается концептуальной статьей В. Наумова, В. Рябова и Ю. Филиппова «Об историческом пути КПСС в свете нового мышления». Содержащиеся в ней положения помогают историкам определить методологический подход к конкретно-историческому изучению реальных проблем советского общества, показать как значительные достижения советского народа на различных этапах строительства социализма, так и пагубное влияние режима личной власти Сталина, субъективизма и волюнтаризма на развитие новой формации.

В книге нашла отражение дальнейшая разработка советскими обществоведами актуальных вопросов теории социализма. В публикациях академика Г. Смирнова, А. Крухмалева ленинская концепция социализма рассматривается не в статическом, застывшем состоянии, а в постоянном диалектическом развитии. Такой подход позволил авторам показать, как менялись взгляды Ленина на строительство экономических основ социализма, создание политических институтов Советского государства, развитие социалистической демократии и партийное руководство строительством социализма

Привлекают внимание характеристика многомерности исторического процесса на различных ступенях становления и развития социализма (статья Ю. Полякова), трактовка переоценки ценностей в историческом сознании советского народа (статья С. Попова). Можно соглашаться или не соглашаться с содержащимися в них оценками построенного в СССР общества. Но сама постановка вопросов, система доказательств могут быть взяты на вооружение преподавателями высшей школы.

Содержание первой части нового сборника значительно выиграло по сравнению с первой книгой, поскольку увеличился круг авторов. Своими «Заметками о поисках исторической правды» академик И. Ковальченко помогает расширить наши представления о методологических проблемах современной исторической науки. А статья известного юриста вице-президента АН СССР В. Кудрявцева предлагает читателям интересный материал о реформе политической системы и роли общественных наук в ее разработке.

Второй раздел — «Факты. Проблемы. Уроки» — значительно углубляет разработку многих проблем историко-партийной науки. Здесь следует отметить статьи, посвященные социально-экономическим предпосылкам образования в России пролетарской партии (К. Тарновский) и культурным предпосылкам Октября (Л. Пинегина).

Внимание историков, готовящихся к преподаванию политической истории, привлечет материал «VIII съезд РКП(б): взгляд в будущее», подготовленный В. Журавлевым и Л. Спириным. Раскрывая точку зрения Ленина на программные вопросы (по отношению к крестьянству и по военному вопросу), авторы неоднократно приводят высказывания из не опубликованных ранее выступлений Н. Бухарина, Г. Пятакова, А. Рыкова, Г. Зиновьева, Г. Сафарова и других, не согласных с ленинской точкой зрения. Эти расхождения во взглядах не мешали Ленину сотрудничать со своими оппонентами, доверять им ключевые посты в руководстве партией и государством. Но они же послужили поводом для истребления многих ленинцев в годы беззакония и массовых репрессий.

По сравнению с первой вторая книга отличается более широкими хронологическими рамками: в соответствующих исследованиях дана оценка реформ, разработанных партией в области сельского хозяйства и промышленности в 50—60-е годы (статья Е. Зубковой), вскрыты объективные и субъективные причины оскудения деревни, отставания сельскохозяйственного производства (статья А. Тюриной).

Чувствуя возросший интерес различных слоев населения к международной деятельности нашей партии и внешней политике Советского государства, что особенно ярко проявилось на последних съездах Советов народных депутатов СССР, составители сборника включили в него беседу корреспондента «Правды» с учеными Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС на тему «Ленин и Коминтерн», статьи Ф. Фирсова «Сталин и проблемы политики единого фронта», В. Петрова о советско-финской войне и А. Чубарьяна о внешней политике Советского государства в конце 30-х годов. В них нашел отражение широкий спектр вопросов, включая негативное отношение Сталина к сотрудничеству с европейскими социал-демократическими партиями, его неблаговидную роль в заключении с фашистской Германией

[1] См. Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. Кн. 2. Сост. В. К. Горев, В. Н. Донченко, С. А. Степанов. Под ред. В. И. Купцова. М., Высшая школа, 1989. 704 с.

пакта о ненападении (23 августа 1939 г.) и Договора о дружбе и границах (28 сентября 1939 г.).

В третьем разделе книги — «История и личность» — содержатся материалы о жизни и деятельности как известных революционеров, партийных деятелей, так и приверженцев культа личности, приложивших руку к установлению сталинского единовластия. Эти материалы помогают историку отойти от безликого изложения исторического процесса, присущего «Краткому курсу истории ВКП(б)», разделившего всех исторических деятелей на ограниченный круг сторонников большевизма и сотни тысяч «диверсантов и убийц».

Среди материалов этого раздела хочется особо выделить статью крупного специалиста по истории российской социал-демократии С. Тютюкина, посвятившего свое исследование революционной деятельности Г. Плеханова.

К сожалению, другим материалам этой части сборника присущ элемент идеализации некоторых политических лидеров, замалчивание их ошибок и негативных сторон деятельности.

Много мыслей и суждений вызывают документы, помещенные в четвертом разделе сборника. Можно соглашаться или не соглашаться с публикацией отдельных материалов: сведений о деятельности Центрального Комитета партии в 1917 г., выдержек из доклада Н. Хрущева на XX съезде партии о культе личности, уже известных читателям. Другие документы вызовут живой интерес и обществоведов, и студенческой молодежи: переписка академика И. Павлова с правительством СССР, в частности с председателем Совнаркома В. Молотовым, по поводу защиты невинно репрессированных видных ученых; материалы из архива выдающегося советского ученого И. Курчатова, свидетельствующие о его борьбе с лысенковщиной; знаменитый приказ № 227 за подписью Сталина с комментариями Героя Советского Союза генерала армии П. Лащенко.

Можно говорить о том, каких материалов по истории КПСС не хватает как в первой, так и во второй книге, можно по-разному оценивать опубликованные в них статьи, но никто не станет отрицать необходимость издания этих и подобных им сборников для преподавателей, всех, кто интересуется политической историей. Очень жаль, что ограниченный тираж изданий не может удовлетворить потребность в них тех, кому не безразлична история нашего общества и нашей партии.

С. И. СЕРГЕЙЧИК,
доктор исторических наук

БИБЛИОГРАФИЯ

ДОКУМЕНТЫ И СТАТЬИ ПО ИСТОРИИ КПСС И МЕЖДУНАРОДНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ЖУРНАЛАХ, УЧЕНЫХ ЗАПИСКАХ, СБОРНИКАХ И ТРУДАХ*

В. И. ЛЕНИН И О В. И. ЛЕНИНЕ

ПОМЕТКИ В. И. Ленина в тезисах Г. Е. Зиновьева («О борьбе с бюрократизмом и возрождении методов рабоче-крестьянской демократии в Советах», ноябрь 1920 г.) // Вопр. истории КПСС.— 1990.—№ 6.—С. 30—36.

БЕЛЯЕВА Г. Ф., СОЛОДИЛОВА Р. А. Философское наследие В. И. Ленина и современность // Вестн. МГУ. Сер. 7. Философия.— 1990.— № 3.— С. 83—87.

ВОСТРИКОВ Н. И. Из истории разработки В. И. Лениным. Коммунистической партией тактики по отношению к средним слоям накануне VIII съезда РКП(б) // Городские средние слои в трех российских революциях: Межвуз. сб. науч. тр. М.,—1989.—С. 146—151

ГОРИНОВ М. М., ЦАКУНОВ С. В. Ленинская концепция нэпа: становление и развитие // Вопр. истории.—1990.—№ 4.—С. 20—39.

ДАНИЛЬЧЕНКО В. И. Трудная дорога к Ленину // Коммунист Таджикистана.— 1990.— № 5.— С. 51—55.

КУРАС И. В. И. Ленин и становление государственности украинского народа // Под знаменем ленинизма.— 1990.— № 10.— С. 14—20.

ЛОМИДЗЕ Э. Ю. Разработка В. И. Лениным некоторых экономических аспектов концепции построения социализма (1921—1923 гг.) // Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. шк.— 1989.— № 3.— С. 12—19.

МОРОЗОВА Н. Беспощадный анализ ошибок и скорейшее их исправление: [О В. И. Ленине] // Парт. жизнь.— М.—1990.—№ 10.— С. 8—13.

ПОЗНАНСКИЙ В. С. «Революция в колчакии»: Спорные вопросы: [О ленинском наследии по вопросам борьбы народа против белогвардейщины] // Актуальные проблемы истории советской Сибири: Сб. науч. тр.— Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990.— С. 59—72.

ШАРАПОВ Ю. П. Кремлевский экслибрис: [О В. И. Ленине и книге] // Библиотекарь.— 1990.—№ 5.— С. 30—33.

* В библиографический список включены материалы, полученные библиотекой ИМЛ при ЦК КПСС в июне 1990 г.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

О РАБОТЕ Центрального Комитета КПСС: (Информация за апрель 1990 г.) // Изв. ЦК КПСС.— 1990.— № 5.—С. 3—6.
ПЛЕНУМ ЦК КПСС. 11, 14, 16 марта 1990 года: Стеногр. отчет // Там же.—С. 32—59.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Центрального Комитета партии в документах: (События и факты): ноябрь 1919 г. / Публ. подгот. Ж. Адибекова. С. Иванова, Е. Караваева // Там же.— С. 155—164.
ВНУТРИПАРТИЙНЫЕ дискуссии 20-х годов. Дискуссия 1923 г. [Публ. ИМЛ при ЦК КПСС] // Там же.—С. 165—179.
ИЗ ИСТОРИИ Великой Отечественной войны: Накануне войны: Записки и информации в ЦК ВКП(б) и СНК СССР // Там же.— С. 180—214.

ОБЩАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЕВТУШЕНКО А. Н., МУХИНА Т. В., ПОЛЯКОВА А. Я. Введение к изучению курса «Политическая история XX века»: (Материалы и лекции) // Вопр. истории КПСС.— 1990.— № 6.— С. 109—121.
ТАКЕР Р. С. Политическая культура и лидерство в Советской России: От Ленина до Горбачева: (Главы из книги). Пер с англ. // США: Экономика, политика, идеология.— 1990.—№ 5.—С. 70—81.

ДООКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

УШАКОВ А. В. Социал-демократическая пропаганда среди демократической интеллигенции (1895—1904 гг.) // Вопр. истории КПСС.—1990.— № 6.— С. 53—63.
КОЗНОВ А. П. К вопросу о противоборстве большевиков с политическим сыском: [В связи с выходом в свет книги Ансимова Н. Н. «Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия (1903—1917 гг.)» Свердловск, 1989] // Там же.— С. 129—133
РЫНДИН Н. Г. Русская легальная и нелегальная печать о борьбе московских железнодорожников в период первой российской революции 1905—1907 гг. // Общественно-политическая проблематика периодической печати России (XIX—начало XX вв.). Сб. статей. М., 1989.— С. 31—44.
КАРПАЧЕВ С. П Легальная большевистская печать 1905—1907 гг. как источник по изучению низших слоев российского рабочего класса // Там же.— С. 54—70.
ПЕТРОГРАДСКИЙ Совет рабочих и солдатских депутатов в апреле 1917 года / Вступ. статья и примеч. Б. Л. Гальперина // Вопр. истории.— 1990.— № 4.—С. 3—19

ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

ШИШКИН В. И. Дискуссионные проблемы Октября и гражданской войны //Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990.— С. 3—31.
ЖУРАВЛЕВ В. В. Рубикон Бреста // Вопр истории КПСС.—1990.— № 6.— С. 37—52.
ГИМПЕЛЬСОН Е. Г. Отказываясь от одних стереотипов, не создавать новые: [Об освещении в публицистике экономической политики сов. власти на начальном ее этапе] // Там же.— С. 75—84.
ПАПКОВ С. А. Теоретические взгляды большевиков по вопросам построения социалистической экономики в 1917—1921 гг. // Актуальные проблемы истории советской Сибири: Сб. науч. тр. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние 1990 — С. 31—49.
ПАВЛОВА И. В Становление партийно-аппаратной системы в СССР // Там же.— С. 72—92.
УСИКОВ Р. А. Военный вопрос на VIII съезде РКП(б): (Заметки архивиста) // Сов. архивы.— 1990 — № 3.— С. 20—30.
БУЛДАКОВ В. П., КАБАНОВ В. В. «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие: [В. И. Ленин и политика «военного коммунизма»] // Вопр. истории.— 1990.—№ 3.— С. 40—58.
О ЧЕМ писали «Известия ЦК РКП(б)» в 1920 г. // Изв. ЦК КПСС.— 1990.— № 5.— С. 219—223.
ШВЕЦОВ В. В. Еще был жив Ленин: [О возникновении оппозиции внутри партии в 1922—1923 гг., о позиции Л. Д. Троцкого, о «Заявлении 46-ти»] // Социолог. исследования.— 1990.— № 5.— С. 41—53.
СТАРКОВ Б. Из истории сопротивления режиму личной власти (30-е годы): [Выступления против режима Сталина коммунистов С. И. Сырцова, В. В. Ломинадзе, М. Н. Рютина и др.] // Вестн. высш. шк.— 1990.— № 5.— С. 54—62.
КОНКВЕСТ Р. Жатва скорби: (Гл. из одноим книги) // Вопр. истории.— 1990.— № 4.— С. 83—100.
КОЛЫЧЕВ В. Г. ЦК ВКП(б) в 1938—1941 гг. // Укр. іст. журн.— 1990.— № 5.— С. 3—9. На укр. яз.
БАРСУКОВ Н. А. Провал «антипартийной группы»: июньский Пленум ЦК КПСС 1957 года // Коммунист.— М.—1990.—№ 8.— С. 98—108.
ПЕЧЕНЕВ В. Третья Программа КПСС: Уроки недавней истории: Из воспоминаний помощника бывш. Ген. секр. ЦК КПСС // Огонек.— 1990.— № 23.— С. 3, 9—12.
АВТАМОНОВ А., МАЛЫШЕВ М. Платформа своя и чужая: [О Платформе ЦК КПСС] // Мол. коммунист.—1990.— № 6.— С. 14—19.
БАТАЛОВ Э. Читая проект Платформы ЦК КПСС // Коммунист.— М.—1990.—№ 8.— С. 87—95.
ВАСЮТИН Ю., ЗОТОВА З. Стать авангардом рабочего класса, всех трудящихся: [О КПСС] // Парт. жизнь.—М.—1990.—№ 10.— С. 3—7.
ЕВЛАХОВ А. Какая партия нам нужна? // Мол. коммунист.— 1990.— № 6.— С. 3—13.
КПСС в условиях политического плюрализма [О «круглом столе», сост. в ИМЛ при ЦК КПСС] // Вопр. истории КПСС.— 1990.— № 6.—С. 3—18.
КПСС: что впереди? За «круглым столом» редакции — партийные руководители: [В беседе участвовали первые секретари обкомов: Витебского, Киевского, Краснодарского, Псковского, Рижского] // Диалог.— 1990.— № 8.— С. 14—23.
ЛАЦИС О. Р. Главное — говорить людям правду: [Интервью по вопросу об экономической проработанности Платформы ЦК КПСС. Демократической платформы и Марксистской платформы] // Вопр. истории КПСС — 1990.— № 6.— С. 25—29.
МАНАЕНКОВ Ю. Компартия России: за и против // Парт. жизнь.—М.—1990.—№ 11 — С. 3—7.
НЕЙМАРК М. КПСС и социал-демократия: новые аспекты взаимоотношений // Коммунист.— М.— 1990.— № 8.— С. 38—47.
О ПРОЕКТЕ Платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду партии: Из почты ЦК КПСС // Изв ЦК КПСС.— 1990.— № 5.— С. 20—23.
СМЫКОВ Ф. Н. Слово ученых: [О заседании Ученого совета ИМЛ при ЦК КПСС посвящ. обсуждению проекта Платформы ЦК КПСС сост. 12 марта 1990 г] // Вопр. истории КПСС — 1990.— № 6.— С. 19—24.
СОЛОВЬЕВ А. Платформа КПСС и реалии нашего общества // Парт. жизнь Казахстана —1990 — № 6.— С 46—49.
ШОСТАКОВСКИЙ В. Возможен ли выход из кризиса? [Обсуждение предсъездовских документов] // Диалог.— 1990.— № 8.— С. 28—31.

МЕСТНЫЕ ПАРТИЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

КП **Белоруссии** в зеркале статистики // Коммунист Белоруссии.— 1990.— № 5— С. 27—29
КОМПАРТИЯ **Казахстана** в цифрах // Парт. жизнь Казахстана.— 1990.— № 6.— С. 71—75.
ВАГРИС Я. Политический доклад ЦК КПЛ XXV съезду Коммунистической партии **Латвии** // Коммунист Сов. Латвии.— 1990.— № 5.— С 5—30.
МУХИТДИНОВ Н. А. 1959 год в Латвии: Взгляд извне: [Интервью бывш. чл. Президиума, секретаря ЦК КПСС, который при-

нимал участие в заседании бюро ЦК КПЛ 20—21 июня 1959 г.] // Там же.— С. 85—93.
ГИДАСПОВ Б. В. [Интервью первого секретаря Ленинградского обкома и горкома КПСС] // Родина.— 1990.— № 3.— С. 9—13.
ПОМПЕЕВ Ю. Кто командует в Смольном? [О Ленинградской парторганизации] // Там же.—С. 14—15.
БЕЛЕНЬКИЙ Б. «Реабилитировать в партийном отношении...»: Репортаж с заседания КПК при ЦК КП Молдавии // Коммунист Молдавии.— 1990.— № 5.— С 87—92.
КОЖУХАРЬ В. Через призму десятилетий: [Из истории Компартии Молдавии. 1921—1924 гг.] // Там же.— С. 82—86.
НЕБОГИН О. Б., САМОРОДОВ А. Г. Дискуссии в Московской партийной организации в 1928—1929 гг.. (Обзор источников по фондам партийного архива Ин-та истории партии МГК и МК КПСС) // Вопр. истории КПСС.— 1990.— № 6.— С. 64—74.
ВЕНКОВ А. В., ТАКИДЖЬЯН Р. Г. «Круглый стол» «Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны на Дону и Северном Кавказе» (Ростов н/Д. декабрь 1988 г.) // Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. шк.— 1989.— № 3.— С. 35—43.
СТЕНОГРАММА 1 Учредительного съезда Коммунистической партии (большевиков) Таджикистана от 6—15 июня 1930 г. // Коммунист Таджикистана.— 1990.— № 5.— С. 81—93.
ЕСИКОВ С. А. Большевики и городские средние слои в период упрочения диктатуры пролетариата: 1918—1920 гг.: (По материалам Тамбовской губ.) // Городские средние слои в трех российских революциях: Межвуз. сб науч. тр.— М., 1989.— С. 151—158.
КАРИМОВ И. А. Об итогах февральского и мартовского (1990 г.) Пленумов ЦК КПСС и задачах партийных организаций республики по подготовке к XXVIII съезду КПСС и XXII съезду Компартии Узбекистана: Доклад на пленуме ЦК Компартии Узбекистана 23 марта 1990 г. // Коммунист Узбекистана.— 1990.— № 5.— С 26—40.
КАРИМОВ И. А. Речь Президента Узбекской ССР на первой сессии Верховного Совета Узбекской ССР 12-го созыва. 24 марта 1990 г. // Там же.— С 41—47
[ДОКУМЕНТЫ] пленума ЦК Компартии Украины] // Коммунист Украины.— 1990.— № 5 — С 4—6
НОВЫЕ документы о начале Великой Отечественной войны. Коммунисты Украины в 1941 г. // Укр. іст. журн.— 1990.— № 5.— С 98—108 На укр. и рус. яз.
ГОРДИЕНКО Л. М., СПИРИН А. А. К новому статусу Компартии Украины // Коммунист Украины.— 1990.— № 5.— С. 16—18.
КОМПАРТИЯ Украины в цифрах // Под знаменем ленинизма.—1990.—№ 9.—С. 33—34.
ПРОГРАММА Коммунистической партии Эстонии: Принята на XX съезде КП Эстонии 25 марта 1990 г. // Политика.— Таллинн.— 1990.— № 5.—С. 2—9.

БИОБИБЛИОГРАФИЯ ДЕЯТЕЛЕЙ КПСС

ДЕРЕВЯНКО С. Несгибаемый борец-интернационалист: [Об А. Г. Барале (В. Савке), одном из первых западноукраинских коммунистов] // Под знаменем ленинизма.— 1990.—№ 9.— С. 67—71.
АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО А. Берия: годы войны // Коммунист Татарии.— 1990.— № 5.— С. 59—68.
ЦАКУНОВ С. В. «Я защищаю здесь и память Ленина»: [Рец. на сб. избр. произведений Н. И. Бухарина «Проблемы теории и практики социализма». М.: Политиздат. 1989] // Вопр. истории КПСС.—1990.—№ 6.— С. 134—136
ТАБАЧНИК Д. В., ШАПОВАЛ Ю. И. А. И. Кириченко: История одной политической судьбы // Укр. іст. журн.— 1990.— № 5.— С. 87—97 На укр. яз.
КРИВОРУЧЕНКО В. Александр Косарев: Трагедия судьбы // Мол. коммунист.— 1990 — № 6.— С. 60—68.
ЧЕРНЕНКО А Владимир Коснор: Кто он? // Под знаменем ленинизма.—1990.—№ 10.— С. 82—86.

КУДИНОВ В. Последние пятнадцать лет: [О Н. К. Крупской] // Смена.— 1990.— № 4.— С. 55—61.
АВТОРХАНОВ А. Загадка смерти Сталина // Слово.— 1990.— № 5.— С. 20—25.
БАБИЧЕНКО Л. Г. Письмо Сталина в «Пролетарскую революцию» и его последствия // Вопр. истории КПСС.— 1990.— № 6.— С. 94—108.
ВОЛКОГОНОВ Д. А. Сталинизм: сущность, генезис, эволюция // Вопр. истории.—1990.— № 3.— С. 3—17.
ЗЕЛЕНИН В. Сталин против Тито // Наука и жизнь.— 1990.— № 6.— С. 80—90.
ЧИГРИНОВ Г. А. Почему Сталин, а не другие? // Вопр. истории КПСС.— 1990.— № 6.— С. 85—93.
ХАТУЕВ Р. Выселение: [О М. А. Суслове] // Смена.— 1990.— № 4.— С. 153—161.
Л. Д. ТРОЦКИЙ защищается: [Публикация записи закл. речи Л. Д. Троцкого на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК РКП(б) 26 октября 1923 г.. сделанная Б. В. Бажановым. Публ. подгот. В. П. Вилкова и В. П. Данилов] // Вопр. истории КПСС.— 1990.— № 5.— С. 32—43.
ТРОЦКИЙ Л. Д. Ленинизм и библиотечная работа: [Речь на 1-ом Всерос. съезде библиотекарей 3 июля 1924 г.) Публ. подгот. В. В. Крылов] // Сов. библиография.—1990.— № 2.— С. 122—135.
ТРОЦКИЙ Л. Д. О художественной литературе и политике РКП // Искусство кино.— 1990.— № 4.— С. 63—74.
ТРОЦКИЙ Л. Д. Особенности развития России: [Гл. из кн.: Троцкий Л. Д. «История русской революции». Т. 1. Берлин: Изд-во «Гранат», 1931] // Социолог. исследования.— 1990.— № 5.— С. 72—80.
БЕРДЯЕВ Н. А. Рецензия на книгу: Троцкий Л. «Моя жизнь: Опыт автобиографии» Т. 1—2. Берлин: Изд-во «Гранат», 1930 // Там же.— С. 80—82.
БОРОДИН Б. Троцкий и Чан Кайши // Проблемы Дальнего Востока.—1990.—№ 2.— С. 148—156.
ВАСЕЦКИЙ Н. А. Социальные идеи Л. Д. Троцкого: Размышления и споры // Социолог. исследования.— 1990.— № 5.— С. 22—23.
ВОЛКОГОНОВ Д. А. Судьба революционера: [О Л. Д Троцком] // Соц.-полит. науки.— 1990.— № 5.— С. 108—116.
ЕМЕЛЬЯНОВ Ю. В. Последние политические программы и прогнозы Троцкого // Социолог. исследования.— 1990.— № 5.— С. 53—71.
НОВИКОВ А. Лев Троцкий: размышления о других и о себе // Аврора.—1990.—№ 5.— С. 38—54.
РОГОВИН В. З. Л. Д. Троцкий о социальных отношениях в СССР // Социолог. исследования.— 1990.— № 5.— С. 23—40.
ХРУЩЕВ Н. С. Мао Цзэдун и раскол // Проблемы Дальнего Востока.—1990.—№ 2.— С. 108—116.
ХРУЩЕВ Н. С. Мемуары // Вопр. истории.—1990.—№ 3.—С. 59—83; № 4.—С. 62—82; № 5.— С. 46—64.
ХРУЩЕВ С Н. Пенсионер союзного значения: [О Н. С. Хрущеве] // Огонек.—1990.— № 22.—С. 18—21; № 23.—С 27—30; № 24.— С. 22—24; № 25.— С. 20—22; № 26.— С. 18—21
ШАПОВАЛ Ю. Во главе ЦК КП(б)У: Страницы политической биографии Н. С. Хрущева // Под знаменем ленинизма.— 1990.— № 7 — С. 72—76.
МОРОЗОВА Т. Возвращение: [О Х. М. Юлдашеве] // Библиотекарь.— 1990.— № 4.— С. 59—62.

ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

БАЗОВКИН Е. Коммунисты в Советах // Под знаменем ленинизма.— 1990.— № 8.— С. 26—29.
ЖУКОВ В. И. Чья партия КПСС? // Диалог.— 1990.— № 6.— С. 4—8.
КАКИМИ быть Платформе и Уставу КПСС: «Круглый стол» журнала «Коммунист Узбекистана» и партийного актива города Чирчика // Коммунист Узбекистана.— 1990.— № 5.— С. 59—68.

ЛИФАРЬ Г., ПРОКУШЕВА О. Сегодня требуется большее: [Об отношении к многопартийности] // Диалог.— 1990.— № 6.— С. 9—10.
МОСКАЛЕНКО И. М. Центральные контрольные органы партии: Ист. справка // Изв. ЦК КПСС.— 1990.— № 5.— С. 115—120.
ОБНОВЛЕНИЕ партии: вопросы ставит «первичка»: [«Круглый стол» журнала] // Диалог.— 1990.— № 6.— С. 12—18.
ОСНОВНОЕ звено партии: каким ему быть?: Дискуссия в парт. организациях Казахстана // Изв. ЦК КПСС.— 1990.— № 4.— С. 21—24.
ПАРТИЯ, какой я ее вижу: Предсъездовская анкета «Коммуниста» // Коммунист.— М.— 1990.—№ 6.—С. 23—30; № 7.—С. 104—109.
ПЕЛЫХ А. О статусе компартии союзной республики // Под знаменем ленинизма.— 1990.— № 7.— С. 26—28.
ПЕТРЕНКО Ф. Пусть звучит голос партийных масс: [О проектах предсъездовских документов] // Парт. жизнь.— М.— 1990.— № 9.— С. 24—31.
ПРОЕКТ Устава КПСС: Мнения, замечания, предложения // Изв. ЦК КПСС.— 1990.— № 5.— С. 24—27.
СТАТИСТИЧЕСКИЕ данные по КПСС на 1 января 1990 г. // Изв. ЦК КПСС.— 1990.— № 4.— С. 113—115.
СУХАЧЕВА Н. Нужна ли партии чистка? // Коммунист Таджикистана.—1990.—№ 4.— С. 25—30.
ТРУШКОВ В. «Главное... инициатива всех членов партии» [О проекте Устава КПСС и Устава Координац. Совета Демократической платформы] // Диалог.—1990.—№ 7.— С. 44—51.
ЧУРИЛОВ В. Каким быть основному закону жизни партии: Работники аппарата ЦК КПСС обсуждают проект Устава // Парт. жизнь.—М.— 1990.—№ 10.—С. 17—20.
ШАБРОВ О. Парламентская или авангардная? // Диалог.— 1990.— № 8.— С. 26—27.

РЕЦЕНЗИИ

БЕСПАЛОВ Н. Е., БУТ А. Н. [Рец. на кн.:] Якунин В. К. «На пути к правде истории» [О становлении и развитии ист.-парт. науки на Украине]. Киев: Вища шк., 1989 // Укр. іст. журн.— 1990.— № 5.— С. 151—152. На укр. яз.
БОБРОВСКИЙ Ю. В. Диалектика революционной перестройки: [Рец. на кн.: Злобин Н. В. «Пути перестройки: Опыт и современность». М.: Высш. шк., 1989] // Вопр. истории КПСС.— 1990.— № 6.— С. 137—139.
ВОРОНИН В. В., УСАТЮК И. Ф. Еще раз о «воюющей партии»: [Отклик на статью Устинова В. М. «Воюющая партия» в журн. «Вопросы истории КПСС». 1990, № 1] // Вопр. истории КПСС.—1990.—№ 5.—С. 158—159.
ДАМЬЕ В. В., РЯБОВ А. В. Так что же это было?: [Рец. на кн.: Гордон Л. А., Клопов Э. В. «Что это было?: Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30—40-е годы». М.: Политиздат, 1989] // Рабочий класс и соврем. мир.— 1990.— № 2.— С. 202—209.
ДЕДКОВ И. Реализм против догм и мифов: [К выходу в свет кн.: Яковлев А. Н. «Реализм — земля перестройки: Избранные выступления и статьи». М.: Политиздат, 1990] // Коммунист.— М.— 1990.— № 6.— С. 121—124.
ЗУБАЛИЙ А. Д., ТРАФЯК М. В. [Рец. на кн.:] Нагорная Л. А. «Ленинские уроки правды». Киев: Политиздат Украины, 1989 // Укр. іст. журн.— 1990.— № 4.— С. 142—144. На укр. яз.
КИРЬЯНОВ Ю. И., ДАНИЛИНА Г. Я. Интересная публикация о Первомае: [Рец. на кн.: «Первое мая в документах и свидетельствах современников: 1886—1918». М.: Наука, 1989] // Вопр. истории КПСС.—1990.—№ 5.— С. 142—144.
КУЛЕШОВ С. В. Избегать односторонних подходов: [О книгах: Насецкий Н. А. «Ликвидация Сталин. Троцкий. Зиновьев: Фрагменты полит. судеб». М., 1989; Старцев В. И. «Л. Д. Троцкий: (Страницы полит. биографии)». М., 1989] // Там же.— С. 135—141.

МИГАЛЬ Б. К., ОРОБИНСКИЙ П. Д. [Рец. на кн.:] Олейник Н. Н. «Деятельность Коммунистической партии по укреплению Советов». Харьков: Вища шк., 1989 // Укр. іст. журн.— 1990.— № 5.— С. 154—156. На укр. яз.
ОВСИЕНКО А. Ф. [Рец. на кн.] Ансимов Н. Н. «Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия (1903—1917 гг.)». Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989 // Укр. іст. журн.— 1990.— № 4.— С. 148—149. На укр. яз.
ПОПОВ Т. Т. О чем говорят цифры: [Рец. на кн.: «Московская городская организация КПСС. 1917—1988: Цифры. Документы. Материалы». М.: Моск. рабочий, 1989] // Вопр. истории КПСС.— 1990.— № 6.— С. 142—143.
ХОЛМСКАЯ М. Р. Сборник документов о партийной этике: [Рец. на кн.: «Партийная этика. Док. и материалы дискуссии 20-х годов». М.: Политиздат, 1989] // Там же.— С. 139—142.
ШЕВЧУК В. П., КОЛЕСНИК В. Ф. [Рец. на кн.:] «Партия первопроходцев». Киев: Вища шк., 1989 // Укр. іст. журн.— 1990.— № 5.— С. 147—149. На укр. яз.
ЯРЕМЧУК Д. А., ХВОРОСТЯНЫЙ В. Я. Выверяя мысли и действия: [Рец. на кн.: «Идеологическая работа: опыт перестройки: На материале парторганизаций республики». Киев: Политиздат Украины, 1989] // Коммунист Украины.—1990.—№ 4.—С. 93—94.

МЕЖДУНАРОДНОЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

АЗИМОВ Т. В. Коммунистический Интернационал с В. И. Лениным и после него // Коммунист Узбекистана.— 1990.— № 4.— С. 78—85.
ДЕРЕВЯНКИН Т. Международное рабочее движение: послеоктябрьский подъем и новые испытания // Экономика Сов. Украины.— 1990.— № 4.— С. 36—44.
НЕЙМАРК М. А. Обновление социализма в теории и практике: (Междунар. встреча коммунистов и социал-демократов в Брюсселе) // Рабочий класс и соврем. мир.— 1990.— № 2.— С. 127—137.
РЕВОЛЮЦИОННЫЕ изменения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Год 1989: [Материалы «круглого стола», проведенного 10 января 1990 г. в Ин-те славяноведения и балканистики АН СССР] // Сов. славяноведение.— 1990.— № 3.— С. 19—48.
ВАН ГЕЙТ Л. Новые грани солидарности: [Интервью Пред. Союза коммунистов Бельгии] // Проблемы мира и социализма.— 1990.— № 5.— С. 3—8.
ДОРОХИН В. Перемены в Венгрии: партийный аспект // Парт. жизнь.— М.— 1990.— № 9.— С. 75—78.
ЯНОШ КАДАР о «пражской весне»: [Отрывки из книги: «Янош Кадар—Завещание». Будапешт, 1989] // Коммунист.—М.—1990.— № 7.— С. 96—103.
ГЛАЗУНОВ Е. Хо Ши Мин // Азия и Африка сегодня.— 1990.— № 5.— С. 37—40.
ДАО ЗУЙ ТУНГ. Обновление Вьетнама: первые успехи и опыт // Проблемы Дальнего Востока.— 1990.— № 2.— С. 3—17.
ЧАН ТХАНЬ. Следуя нравственному примеру Ленина: (К 100-летию со дня рождения Хо Ши Мина) // Вопр. истории КПСС.— 1990.— № 5.— С. 131—134.
ТИЛЛЕ А. А. [Рец. на кн.:] Вебер Г. «Белые пятна» в истории: Коммунисты Германии — жертвы сталинских чисток и их реабилитация». Франкфурт-на-Майне, 1989. На нем. яз. // Новая и новейшая история.— 1990.— № 2.— С. 245—247.
СОН О. Оборвалась ли связь?: О классовых интересах, новых идеях и коммунистических взглядах: [Статья Пред. Компартии Дании] // Проблемы мира и социализма — 1990.— № 5.— С. 77—79.
ТАВАРЕС Р. Выдавая старые идеи за новые: (Полемика с советским ученым В. Шейнисом): [Статья представителя Доминиканской компартии] // Проблемы мира и социализма.— 1990. № 4.— С. 92—94.
ИБРАГИМ М. Освободимся от груза прошлого: [Статья секр. ЦК Египетской компартии] // Там же.— С. 71—73.
КОСТОВА-СЕЧКОВА Р. Итальянские ком-

мукксты и кркзис догмы // Обществ. науки.— 1990.— № 3.— С. 23—36.

ЛЕВИН И. Риск к кадежда обновления: Размышления после съезда итальянских коммукистов // Коммукист.— М.— 1990.— № 8.— С. 27—37.

ДЕЛЮСИН Л. Дискуссия о политической реформе в Китае: [Деятельность КПК] // Политика.— Таллинн.— 1990.— № 3.— С. 28—45.

МЯСНИКОВ В. С. Мао Цзэдук // Вопр. истории.— 1990.— № 1.— С. 73—96.

КАСТРО Ф. «Революция вкутрк революцки»: [Статья первого секр. ЦК Компартки Кубы] // Коммукист Молдавкк.— 1990.— № 3.— С. 78—86.

САМХУН Р. Кто мешает урегулированию ливакского кризиса?: [Статья чл. Политбюро Ливанской компартии] // Проблемы мира и соцкалкзма.— 1990.— № 5.— С. 93—96.

БОЛДОХОНОВ К., САНЖИЕВ Д. Цеденбал: Карьера генсека // Эхо плакеты.— 1990.— № 10.— С. 22—24.

ДИДУСЕНКО А. Патовая сктуация: [О положеккк в МНРП] // Новое время.— 1990.— № 13.— С. 16—17.

ЧЕРЕЗ «революцию камней» — к незавксимости: На вопросы членов Редсовета отвечает Гек. секр. ЦК Палестикской компартии // Проблемы мира к социализма.— 1990 — № 5.— С. 87—93.

АРИСМЕНДИ Р. Демократическке перемекы и левые силы. // Лат. Амеркка.—1990.— № 4.— С. 3—14.

ХАЧАТУРОВ К. А. О Роднее Арксмендк — коммунисте и человеке // Там же.— С. 14—19.

НЕЧАЕВ Г. А. Необычный перелет: [О возвращеник М. Тореза во Францию в ноябре 1944 г.] // Вопр. кстории.— 1990.— № 3.— С. 162—166.

РУПЕЦ В. Г. [Рец. на кк.:] Жиро Ж. «Бенуа Фрашон, коммунист и профсоюзный лидер». Паркж. 1989. На фр. яз. // Рабочий класс и соврем. мир.— 1990.— № 2.— С. 220—222.

ВРОНЬСКИЙ С. Еще раз о советско-югославском конфлккте // Проблемы мира и социализма.— 1990.— № 4.— С. 83—84.

ГИРЕНКО Ю. С. Иосип Броз Тито: Политбиографкя // Новая и новейшая история.— 1990.— № 2.— С. 81—106.

ДЖИЛАС М. Никогда ке считал себя антикоммукнстом: [Интервью журк. «ПМС»] // Проблемы мкра к социализма.— 1990.— № 4.— С. 78—82.

ПАНЧЕВСКИЙ М. Добиться установлекия едикства партии на новых осковах: [Из доклада Председателя Презкдиума ЦК Союза коммунистов Югославии] // Парт. жкзнь.— М.— 1990.— № 10.— С. 78—80.

СЛОВО Д. Потерпел ли социализм поражение? [Статья Ген. секр. Южно-Африканской компартии] // Азия и Африка сегодня.— 1990.— № 6.— С. 2—6.

ОБ АКСИОМЕ ТРЕХ ИСТОЧНИКОВ МАРКСИЗМА

К 30-летию со дня смерти К. Маркса, исполнявшемуся в 1913 г., В. И. Ленин написал статью «Три источника и три составных части марксизма». Статья предназначалась для легального большевистского журнала «Просвещение» и отличалась особой отточенностью формулировок, завершенностью структуры, логической стройностью. Уже это сразу придало ей учебно-просветительный оттенок. Она и сегодня входит в круг произведений, составляющих «азбуку марксизма». Школьники и студенты усваивают по ней первые постулаты марксистского учения. Ленинское положение о «трех источниках» стало восприниматься как аксиома.

Надо ли, однако, подходить так «аксиоматично» к вопросу об источниках марксизма? Не следовало бы отнести к источникам марксизма, например, историю? Ведь в фундамент марксизма заложены не только мощные глыбы размышлений философов, достижений экономистов, фантастические построения первых социалистов, но и опыт общественной жизни, концентрированно выраженный в исторической науке.

В статье Ленина не говорится об исторической науке как об одном из «китов», на которых стоит марксизм. Но было ли это характерно для всей большевистской историографии?

Обратимся к творчеству одного из виднейших ученых-марксистов — В. В. Адоратского. Пожалуй, в предреволюционные годы он больше и усерднее других большевиков занимался историей марксизма, изучением исторического метода Маркса.

В 1904 г. Адоратский вступает в РСДРП и с головой окунается в изучение марксизма. Он становится его страстным последователем, неутомимым учеником. По собственному, более позднему свидетельству, именно в 1908—1913 гг. Адоратский формируется как марксист, пишет свои первые работы, определяет круг тем.

В личном фонде Адоратского в ЦПА ИМЛ имеются черновики его первых работ 1910—1913 гг. Наиболее удачные из них — «Обзор литературы марксизма» и «Научный коммунизм Маркса» — были полностью или частично изданы в 1920—1923 гг. и переиздавались позже.

Если мы обратимся к рукописи работы «Обзор литературы марксизма», имеющей вполне законченный вид уже в 1910 г., то на первой же странице найдем те «элементы, из которых создался марксизм». Адоратский называет следующие его составные части:

«Политическая экономия (французская и английская);

Опыт борьбы классов (... французские историки, воспользовавшиеся в своих исследованиях этой вновь открытой истиной);

Развитие критической философской мысли (немецкая классическая философия);

Точка зрения пролетария (социалисты-утописты англичане и французы)» [1].

Это написано за три года до опубликования работы Ленина. Практически совпадают или очень близки названия всех источников марксизма, кроме одного: «опыт борьбы классов», историческая наука.

В 1913 г. Адоратский переписывает свою работу набело и уточняет имена мыслителей и ученых, подготовивших марксистское учение. «Политическая экономия» — Смит, Рикардо. «Критическая философская мысль» — Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель, Фейербах. «Точка зрения трудящегося» — социалисты-утописты Сен-Симон, Фурье, Оуэн. А «опыт борьбы классов» — историки молодого класса буржуазии, которые воспользовались для «объяснения исторического процесса точкой зрения борьбы классов»,— Тьерри, Минье, Гизо [2].

Кстати, в записных книжках Адоратского за 1913—1917 гг. перечислены и историки России XIX века, «поднявшие русскую историю до степени науки» [3].

В этот же период Адоратский работал и над учебником по научному социализму («Научный коммунизм Маркса»). Обе эти рукописи он заново готовит к публикации уже после революции, в 1920—1921 гг. Но взгляды его к этому времени изменились незначительно. В учебник добавлено лишь предисловие автобиографического характера, а в работе «Обзор литературы марксизма» латинские буквы имен заменены русской транскрипцией.

Большевик Адоратский по-прежнему считает, что, «изучая историю французской революции, он (Маркс.— Л. Б.) научился видеть и понимать борьбу классов» [4]. И в 1926—1927 гг. во введении к книге «Маркс и Энгельс — первые теоретики и вожди пролетариата», излагая исторические и теоретические корни учения К. Маркса, он называет опыт истории.

---

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 559, оп. 1, д. 2, л. 30.

[2] Там же, д. 3, л. 27.

[3] Там же, д. 75, л. 4 об.

[4] Адоратский В. В. Избранные произведения. М., 1961, с. 194.

Интересно, что в этих оценках исторической науки Адоратский был вовсе не одинок даже в 20—30-е годы, когда уже вполне сформировалась аксиома «трех источников». Заслуги французских историков времен реставрации и их связь с развитием социалистических идей в той или иной степени признавали многие большевики-теоретики. Сведений о специальной работе по этому вопросу у кого-либо из них не имеется, но общую методологическую установку проследить нетрудно.

Уже в одном из первых учебников по истории РСДРП (Н. Н. Батурин «Очерк истории социал-демократии в России»), написанном в 1906 г. и неоднократно переиздававшемся после революции, упоминается о значении истории французской революции и чартизма как предтечи социалистического учения.

А Н. И. Бухарин даже в 1932 г. писал, что «некоторые историки времен французской реставрации (в особенности Гизо, Минье и Огюстэн Тьерри) ... в известном отношении могут быть даже рассматриваемы, как предшественники социально-исторической теории Маркса»[5]. Эта мысль о заслугах буржуазной историографии становилась все менее популярной, отходила в тень, а тезис о «трех источниках» марксизма воспринимался все более аксиоматично, даже механически.

Если формально подойти к вопросу, то можно заключить, что у Ленина и у Адоратского, а может быть, и у других большевиков были неодинаковые точки зрения (по крайней мере какое-то время) на источники марксизма. Один насчитывал их три, а другие вовсе не всегда считали эту цифру аксиомой.

Но формально-арифметический взгляд на вещи никогда не был плодотворен и не пользовался большим почетом в большевистской литературе. Посмотрим, какое содержание в понятие «источники» марксизма вкладывали Ленин и Адоратский — именно они, двое большевиков-литераторов, активно занимались этим вопросом почти одновременно, в 1910—1914 гг. Учитывая полулегальные условия рождения большевистской историографии в дореволюционный период, прежде всего стоит выяснить, знали ли они о точке зрения друг друга.

Тот факт, что работа Ленина была напечатана в легально выходившем журнале «Просвещение», безусловно, облегчал возможность с ней познакомиться для Адоратского. А в 1920—1922 гг. и позже это можно утверждать наверняка.

Адоратский был одним из образованнейших марксистов, который владел практически всеми европейскими языками, читал в подлинниках Маркса, Энгельса, Гельвеция, Гольбаха, Гегеля, Фейербаха, изучал Плеханова, Ленина... Это еще и крупнейший в России специалист по теоретическому наследию Маркса и Энгельса, первый неутомимый исследователь лаборатории их мысли, их творчества.

Его подпись как издателя стоит на вышедших в Советской России трудах основоположников марксизма. Он знаток марксистской методологии, лектор Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова, руководитель Института Ленина. Без сомнения, он знал ленинскую работу. Но у него была и своя, самостоятельно сложившаяся точка зрения на истоки учения Маркса. И сложилась она именно в 1910—1913 гг.

А знал ли сам Ленин в 1913 г. при написании своей работы об этих «четырех источниках» марксизма в рукописи молодого Адоратского? Заметил ли он разницу в данном вопросе? Наконец, почему сам Ленин не называет исторический опыт классовой борьбы, труды передовых буржуазных историков XIX в. в качестве одного из источников марксизма?

Обратимся к истории общения Ленина с Адоратским. Знакомы они были с 1903 г. Несколько раз встречались, разговаривали. Во время работы III съезда РСДРП в 1905 г. Адоратский рассказывал Ленину о революционном движении в Казани, где он в то время состоял в социал-демократической организации[6]. Весной 1908 г. Ленин советует своему товарищу по большевистской партии написать воспоминания о 1905 г., ценя его как литератора[7].

А во время следующей, самой длительной встречи в 1911 г. предмет их разговора уже другой — о научной работе Адоратского. Эта встреча занимает в воспоминаниях самого Владимира Викторовича особое место, воспринималась им как рубежная. В январе 1911 г. он привез в Париж свою только что законченную рукопись о государстве с точки зрения марксизма. Отдал посмотреть ее Ленину. Несколько раз они встречались и подолгу беседовали — тем было много. Это были решающие годы становления Адоратского как марксиста, годы открытия им для себя учения Маркса, потрясения марксизмом.

Ленин проявил живейший интерес к работам молодого большевика; весной того же года он пишет замечания на одну из опубликованных им статей[8]. У них складываются дружеские отношения. Через год, будучи проездом в Берлине, Ленин даже останавливается у Адоратского, они вместе посещают театр[9].

Словом, возможность поговорить двум большевикам об исторических корнях исповедуемого ими учения предоставлялась не раз в интересующие нас годы. Но пря-

---

[5] Бухарин Н. И. Избранные труды. Л., 1988, с. 93.

[6] См. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 2. М., 1971, с. 53, 61.

[7] См. там же, с. 375.

[8] См. Ленинский сборник XXXVII, с. 15—16.

[9] См. Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 2. М., 1984, с. 167—178.

мого указания на факт разговора именно на эту тему ни в документах, ни в воспоминаниях нет. Нет и сведений о спорах и разногласиях по какому-либо вопросу. Можно, кстати, добавить, что 1912—1913 гг. — один из самых благополучных и «согласных» периодов работы Ленина и с другим формирующимся большевиком-теоретиком — Бухариным [10].

Возможно, точки зрения Ленина и Адоратского, да и других большевиков на источники марксизма не так уж отличались друг от друга.

Среди ленинских подготовительных материалов 1913—1914 гг. в томе 23 Полного собрания сочинений опубликован план статьи «Три источника и три составных части марксизма». Как и в статье, Ленин называет философию, политическую экономию, а вот после указания на утопический социализм пишет: «Развитие Франции, в силу целого ряда исторических причин, всего яснее показало движущие силы развития: **классовую** борьбу.

Политика из хаоса и обмана стала наукой...» И только тогда «социализм из утопического стал научным, воспринял теорию **классовой борьбы**» [11].

Таким образом, утопический социализм смог превратиться в научный, в марксовый коммунизм, только восприняв опыт классовой борьбы, первые научные обобщения уроков революционного движения. Ленин отнюдь не игнорировал заслуги буржуазной исторической науки XIX в. в качестве истоков марксизма. Он сам тщательно изучал работы Гизо, Тьерри и других историков французской революции.

Следует учесть, что в 1913—1914 гг. Ленин углубленно работал над вопросом истории марксизма. Кроме статьи «Три источника и три составных части марксизма», той же весной 1913 г. он опубликовал в «Правде» не менее знаменитую статью «Исторические судьбы учения Карла Маркса». Тогда же он начинает работу над классической статьей для энциклопедического словаря Гранат «Карл Маркс», завершенную годом позже.

В первой из них он указывал на то, что «домарксовский социализм **умирает**» после «периода бурь и революций» [12]. А в 1913—1914 гг., уже после публикации «Трех источников...», план статьи «Карл Маркс» Ленин начинает так:

«**Три** Quellen (источника. — Л. Б.):
Английская политическая экономия.
Немецкая классическая философия.
Французская политическая борьба» [13].

И рядом на развернутом листе расшифровывает: «Классовая борьба рев. XVIII в. и рев. XIX в.

Историки времен реставрации» [14]. Здесь почти полное совпадение с выкладками Адоратского.

В самом же тексте статьи «Карл Маркс» Ленин четко указывал лишь три источника марксизма, но зато специальный раздел статьи посвятил особенностям освещения классовой борьбы в домарксовой историографии. При этом уважительно названы имена передовых буржуазных историков: Тьерри, Гизо, Минье, Тьера как предшественников марксистской ступени исторической науки [15].

Эта же мысль прозвучала и в другой большой статье Ленина 1914 г. — «Еще одно уничтожение социализма» [16].

Таким образом, Ленин, занимаясь вопросом о фундаменте учения Маркса, несомненно, включал в него и достижения тех французских буржуазных историков, которые, создавая историю революций XVIII—XIX вв., впервые исходили из наличия классов и классовой борьбы. Просто Ленин в конце концов пришел к выводу о том, что научное представление о социализме рождалось не в тиши ученых кабинетов, а на кипящих революцией площадях европейских столиц. Теорию и практику социализма невозможно разделить. Утопический социализм превратился в науку о коммунизме через усвоение опыта классовой борьбы, ворвавшейся на страницы исторических книг. Это понимание Ленин и вложил в «третий источник» марксизма: домарксистские теории общественного устройства, включая и обобщение опыта первых революционных взрывов.

Почему у Адоратского не последовало такого же логического шага? Он не стал точнее и четче оттачивать формулу источников учения Маркса, занявшись вопросами методологии, теории государства. И никто другой из большевиков к этой теме специально не возвращался. Принципиальных разногласий с ленинским ее пониманием не было. Таким образом, мы имеем здесь не столько различие в точках зрения — оно кажущееся, — **сколько совместное усилие марксистской мысли.**

Тем не менее сказанное выше позволяет заключить, что ограничивать большевистскую точку зрения взглядами одного Ленина, к чему склонны многие современные историки, — это значит сужать, а иногда и упрощать сам ленинизм. Ленин не был одинокой вершиной российского марксизма. Целый этап развития большевистской исторической науки просто не мог быть создан одним, даже гениальным человеком. Ленина нельзя отрывать от его соратников — мощной когорты российских марксистов: мыслителей, теоретиков, ученых, революционеров. Как их ценил и изучал сам Ленин (одни только имена, представленные в

[10] См. Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888—1938. М., 1988, с. 45.
[11] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 443.
[12] Там же, с. 2.
[13] Там же, т. 26, с. 358.
[14] Там же, с. 359.
[15] См. там же, с. 59—60.
[16] См. там же, т. 25, с. 49.

собрании библиотеки Ленина в Кремле, заняли бы немало страниц!), так их надо ценить и изучать нам.

И еще один урок. Понимание весомости исторического опыта для развития самого марксизма позволяет более основательно видеть и значение современной исторической науки. Очевидно, что от степени ее развитости, правдивости зависит и степень развития современного марксизма.

Л. Г. БЕРЕЗОВАЯ,
кандидат исторических наук, доцент

КОМПЬЮТЕРНЫЕ БАЗЫ ДАННЫХ ПО ИСТОРИИ КПСС: ОПЫТ СОЗДАНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Сегодня перед учеными открываются новые перспективы для работы на стыке общественных и естественных наук. Особая роль здесь отводится широкому внедрению средств современной информатики и комплексного подхода к изучению социальных явлений и процессов, поскольку именно интеграция знания обеспечивает качественный скачок в области перестройки научных исследований.

В статье О. В. Наумова «Массовые источники по истории КПСС»[1] дана характеристика комплексов архивных материалов по истории партии послеоктябрьского периода, показаны перспективы эффективного введения в научный оборот массовых историко-партийных источников. Автором подчеркивается необходимость применения в этой связи количественных методов и ЭВМ. Актуальность и важность постановки такой задачи заслуживают самого пристального внимания, поскольку открывается возможность более полной реализации ленинского принципа использования всей совокупности относящихся к рассматриваемому вопросу фактов. «Подобрать примеры вообще,— писал В. И. Ленин в работе «Статистика и социология»,— не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их **целом**, в их **связи**, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь»[2].

Цель данной работы — конкретизировать обозначенные О. В. Наумовым направления использования количественных методов и ЭВМ применительно к историко-партийной проблематике.

В течение последних лет на историческом факультете МГУ предприняты исследования по созданию баз данных, содержащих сведения из массовых источников по истории КПСС и их использованию для информационного поиска и обобщения информации. Это стало возможным на основе того опыта, который накоплен специалистами по отечественной истории, широко применяющими количественные методы анализа массовых источников и ЭВМ.

В настоящей заметке речь идет о создании базы данных по материалам листовок большевистских организаций периода первой российской революции 1905—1907 гг. и возможностях работы с ней.

* * *

Листовки большевиков сыграли важную роль в организаторской и агитационно-пропагандистской работе партии в период первой российской революции. Активно действовали в этом направлении местные комитеты большевиков, прежде всего Московский, Петербургский, Кавказский союзный и другие комитеты. Изучение этих документов с позиций комплексного подхода требует совершенствования методов анализа их содержания, использования новых возможностей хранения и поиска информации, основанной на применении ЭВМ.

В данной работе информационной базой послужили листовки и прокламации, изданные Московским и Московским окружным комитетами РСДРП, а также райкомами и Московским Советом рабочих депутатов в период первой российской революции. Сведения о более чем 300 документах были занесены в память ЭВМ. Основу базы данных составили материалы, опубликованные в сборнике «Листовки московских большевиков в период первой русской революции» (М., 1955), а также архивные документы из фондов ЦГАОР СССР и Центрального Музея революции СССР. Информация о каждом документе представлена двумя блоками, первый из которых включает источниковедческие реквизиты, а второй характеризует его содержание. По данным первого блока можно установить дату издания документа; наименование организации, от имени которой опубликована листовка; жанр документа (листовка, прокламация, информационный бюллетень и т. д.); заглавие; название типографии; тираж; данные об источнике (где опубликован документ или индекс соответствующего архивного фонда, номер описи, дела); объем текста (в строках).

Второй блок информации о каждом

---

[1] См. Вопросы истории КПСС. 1989. № 2.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350.

документе представляет собой набор категорий, отражающих содержание листовки. В отдельных позициях дается перечисление лозунгов и призывов, которыми, как правило, заканчивается текст каждой листовки (изучение имеющихся документов привело к выявлению около 60 видов лозунгов и более 100 призывов).

Разработка настоящей базы данных дает возможность реализовать оперативный информационный поиск документов, характеризующих работу партии и ход революционной борьбы пролетариата в 1905—1907 гг. Такой поиск можно производить по тем или иным индикаторам — время издания листовок, адресат, к которому они обращены, наличие тех или иных лозунгов и призывов, географических названий, имен собственных и т. д. Удобные средства для автоматизированного информационного поиска предоставляются программным обеспечением персональных компьютеров (в нашем случае использовалась система управления базой данных отечественной персональной ЭВМ «Нейрон»).

Может возникнуть вопрос: имеются ли какие-либо преимущества у такой автоматизированной информационно-поисковой системы (АИПС) по сравнению с традиционными способами поиска документов на основе имеющихся каталогов? Ответ на него дают положительные результаты использования различных АИПС в архивах, музеях и библиотеках как в нашей стране, так и за рубежом. Эффект от использования компьютерных баз данных достигается за счет их доступности, полноты и оперативности поиска нужных сведений, а также за счет новых возможностей поиска информации. В нашем случае вся информация базы данных размещается на одной дискете (это весьма компактный носитель информации — такой гибкий диск вполне помещается в обычном почтовом конверте). Его содержимое можно скопировать на другой диск, и тогда обладатель копии может использовать эту базу данных на своем компьютере. Важно отметить, что в отличие от традиционного поиска при использовании АИПС исследователь может формировать сложный запрос (т. е. «пересечение простых запросов»). Например, можно получить ответ на запрос о документах, изданных Московской военной организацией РСДРП в 1906 г., обращенных к солдатам и содержащих лозунг о создании народного правительства. Время ответа на любой запрос к разработанной нами компьютерной базе данных не превышает одной минуты, после чего ответ появляется на экране дисплея; его можно также распечатать на принтере.

Созданная база данных ориентирована в основном на задачи информационного поиска. Однако она дает определенные возможности и для анализа содержания, обобщения материала листовок. Удобным инструментом для осуществления аналитических действий являются приемы контент-анализа [3].

Представление содержания каждого документа в виде набора смысловых единиц (категорий контент-анализа) позволило выявить частоту встречаемости каждой категории, структуру их взаимосвязей, изменение тех или иных тенденций во времени. В данной статье мы не ставим перед собой задачу провести сколько-нибудь подробный анализ содержания листовок. Наша цель — продемонстрировать возможности контент-анализа применительно к некоторым сведениям, хранящимся в базе данных. Конкретно речь идет об изучении вопроса о том, как в листовках большевиков реализовывалась тактика их борьбы на разных этапах революции, каков был характер изменения лозунгов и призывов большевиков при переходе от периода революционного подъема к Всероссийской Октябрьской политической стачке и Декабрьскому вооруженному восстанию, а также в период отступления революции (в 1906—1907 гг.).

Так, подсчет частот встречаемости различных категорий лозунгов показал, что наиболее распространенными за весь период революции были следующие лозунги: «Долой царское самодержавие!», «Да здравствует республика!», «Да здравствует Учредительное собрание!», «Да здравствует РСДРП!», «Да здравствует социализм!», «Да здравствует вооруженное восстание!», «Да здравствует стачка!». При этом в период Всероссийской Октябрьской политической стачки и Декабрьского вооруженного восстания (октябрь — декабрь 1905 г.) на первое место выходит лозунг «Да здравствует вооруженное восстание!», а в период отступления революции (1906 — июнь 1907 г.) наиболее частым лозунгом становится «Да здравствует Учредительное собрание!».

Отметим, что для проведения такого анализа потребовалось сформировать **категории** лозунгов, каждая из которых включает конкретные варианты, встречающиеся в текстах листовок.

Представляет интерес выяснение различий в приоритетах лозунгов в листовках московских большевиков, адресованных к различным группам населения. Листовки, обращенные к рабочим, с наибольшей частотой содержат те же лозунги, которые были указаны выше, как наиболее распространенные для всего массива листовок. В листовках же, обращенных к солдатам, впереди по частоте встречаемости идут лозунги: «Да здравствует единение солдат и народа!» и «Да здравствует народное правительство!». Лозунг «Да здравствует вооруженное восстание!» является самым распространенным в листовках, обращен-

[3] См. Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Современные методы изучения исторических источников с использованием ЭВМ. М., 1987.

ных к обществу (или ко всем гражданам).

Что касается призывов, то на первом этапе революции с наибольшей частотой встречаются призывы к свержению царя, созыву Учредительного собрания и к борьбе за демократическую республику: в октябре — декабре 1905 г. доминируют призывы бросать работу, соединяться в союзы и вооружаться; на этапе отступления вперед выходят призывы: «организуйтесь!», «бастуйте, товарищи!», а также призыв поддержать партию на выборах.

Анализ призывов, содержащихся в листовках, обращенных к рабочим, показывает, что наиболее распространенными в них были призывы бросать работу, организовываться в союзы, к борьбе и стачке, а также призыв становиться сознательными членами РСДРП. В листовках, адресованных солдатам, впереди по частоте встречаемости призывы к солдатам быть с народом, не стрелять в рабочих, а в листовках, обращенных к крестьянам, с наибольшей частотой идут призывы запасаться оружием, готовиться к борьбе за волю и землю, а также к союзу рабочего класса и крестьянства.

Важным дополнением к полученным выводам являются результаты анализа структуры взаимосвязей лозунгов и призывов в листовках большевиков. Можно установить, например, в каком контексте в листовках использовался лозунг всенародного Учредительного собрания и другие лозунги и призывы на различных фазах развития революции.

Представляется, что опыт создания базы данных, содержащей сведения о листовках московских большевиков 1905—1907 гг., может быть полезным для разработки в перспективе базы данных по листовкам, выпущенным в период первой российской революции ЦК РСДРП и всеми местными партийными организациями большевиков.

Изложенный пример разработки и использования компьютерных баз данных по истории КПСС подтверждает, на наш взгляд, своевременность высказанного О. В. Наумовым предложения об организации «специализированного центра, который бы в масштабах всей страны осуществлял координацию и кооперацию работ по данному направлению»[4]. Описанная база данных и соответствующее программное обеспечение для ЭВМ могут войти составной частью в будущий банк данных и уже сегодня готовы для использования историками партии.

Л. И. БОРОДКИН,
кандидат технических наук

[4] Вопросы истории КПСС. 1989. № 2. с. 115.

ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ ИСТОРИЮ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Определенная часть наших публицистов пытается противопоставить Февраль Октябрю, первую революцию расценивает как всенародную, вторую — как узкоклассовую. В этой связи представляется важным поставить вопрос: что дала Февральская революция России и чего не дала? Без четкого и ясного ответа на этот вопрос мы не сможем показать необходимость и неизбежность Октябрьской революции.

Попытка повысить теоретический уровень наших исследований о Февральской революции была сделана на состоявшейся в МГУ имени М. В. Ломоносова Всесоюзной конференции по проблеме «История Февральской революции: в поисках новых подходов». В ней приняли участие ученые ИМЛ и АОН при ЦК КПСС, Институтов всеобщей истории и истории СССР АН СССР, других научно-исследовательских учреждений, а также высших учебных заведений страны.

Открывая конференцию, докт. историч. наук, проф. **В. А. Кувшинов** (МГУ) предложил провести ее в форме дискуссии прежде всего по следующим вопросам:

— Была ли неизбежна Февральская революция?

— Кто стоял во главе ее?

— Почему после Февральской революции в России не сложилось буржуазно-демократическое государство?

В советской историографии, отметила канд. историч. наук **И. В. Поткина** (Ин-т истории СССР АН СССР), почти не получило развития изучение социально-экономических аспектов Февральской революции. Пробел в настоящее время восполняют лишь новейшие исследования зарубежных историков. В этой связи особую значимость приобретает изучение социальной напряженности в России накануне и в период первой мировой войны, после Февральской революции на основе широкого использования методов математической статистики.

К соображениям, высказанным И. В. Поткиной, хотелось бы добавить, что издание на русском языке работ С. Козна, А. Рабиновича, Р. Слассера и др. создало новую историографическую ситуацию.

Поддержав предыдущего оратора, канд. историч. наук, доц. **С. В. Воронкова** (МГУ) обратила внимание на серьезные недостатки в исследовании вопросов индустриального развития России. Причиной этого состояния является неудовлетворительное использование исследователями материалов промышленных переписей. Их изучение позволит проследить формирование новых индустриальных регионов (Поволжского, Северо-Кавказского) и центров, которые складывались почти во всех губерниях России. Война сыграла важную роль в изменении экономического потенциала страны. Осуществление ряда программ привело к созданию фундамента новых отраслей — автомобильной, авиационной и др. Эвакуация промышленности привела накануне Февральской революции к значительному росту численности пролетариата в Петербурге, Центральном промышленном районе и губерниях Поволжья.

Первая мировая война, по мнению канд. историч. наук **Г. Р. Наумовой** (МГУ), вызвала серьезные сдвиги в социальной и производственной сферах. Она не только нарушила многие структуры, но и стимулировала создание новых отраслей, новых промышленных центров. Выступавшая подчеркнула, что война привела к взрывной концентрации рабочих на крупных предприятиях. Политические события, по ее мнению, оказали деструктивное воздействие на экономику России и, в частности, на промышленность.

Продолжая обсуждение этой проблемы, канд. историч. наук **М. Ю. Лачаева** (МГПИ им. В. И. Ленина) подчеркнула, что в литературе не анализировалось реальное состояние промышленности накануне и в период Февральской революции и неизбежное при стачечной борьбе падение производства. Отсутствие таких исследований сказалось на качестве знаний об уровне социально-политической напряженности в канун Февраля.

На необходимость конкретных исторических исследований при рассмотрении предпосылок Февральской революции указал докт. историч. наук, проф. **Г. Г. Касаров** (МИНХ им. Г. В. Плеханова). По его подсчетам, в Петрограде в октябре 1916 г. было 149 политических забастовок, в которых участвовало 192 037 рабочих. Бастовали крупнейшие заводы — Путиловский, Франко-Русский, «Металлист» и др. Революционная борьба рабочих страны в поддержку петроградских забастовщиков в ноябре 1916 г. привела к кризису царского правительства. Всего в России состоялось 5198 стачек, что на 30% больше официальной статистики. В них участвовало свыше 3300 тыс. рабочих. Причем 1500 стачек были политическими, и в них участвовало более 1250 тыс. человек. Руководили всеми выступлениями пролетариата, подчеркнул оратор, большевистские организации.

Полемизируя с Г. Г. Касаровым, **В. А. Кувшинов** поставил под сомнение одностороннюю положительную трактовку им того факта, что во время руководимых большевиками политических стачек конца 1916 г. выдвигались требования о повышении зарплаты рабочим в 1,5—2,5 раза. По его мнению, такое скачкообразное повышение зарплаты рабочих (а оно нередко действительно проводилось) тяжелым бременем ложилось на хозяйство, приводило к еще большему его разбалансированию и резкому ухудшению жизни средних слоев в лице служащих, интеллигенции, чиновничества. Исходя из того, что в таком ракурсе этот вопрос в нашей литературе никогда не ставился, выступавший высказался за его всестороннее изучение с привлечением буржуазных источников, в частности исторических сочинений П. Н. Милюкова, в которых последний неоднократно обращался к данному сюжету.

Острая дискуссия развернулась и по вопросу о том, кто стоял во главе Февральской революции. В. А. Кувшинов, опираясь на факты, а также на оценки В. И. Ленина, показал, что возглавлял революционные бои рабочий класс России. В то же время оратор высказал мысль, что авангардная роль пролетариата вовсе не означает такую же роль большевистской партии. Напротив, для ее руководства революционный взрыв в России в то время и такой силы оказался во многом неожиданным. Вспомним доклад В. И. Ленина о первой российской революции в январе 1917 г., где он говорил, что Европа и Россия в том числе, чреваты революцией, но считал, что она произойдет в «ближайшие годы» [1], а не дни и недели. То же самое подтверждали и представители других политических партий. Переворот совершился, несмотря на все ожидания, неожиданно — и не сверху, а снизу. Левые политические партии были застигнуты им врасплох так же, как и правые. Так было на самом деле, но это не умаляет большой роли большевиков в революционном движении.

Методологический стереотип, согласно которому большевики готовили революцию, подчеркнул канд. историч. наук **В. Г. Михалев** (МГПИ им. В. И. Ленина), вели за собой массы рабочих и солдат, деформирует оценку Февральской революции как революции народной. Если в работах 30—50-х годов абсолютизировалась и тем самым извращалась роль большевистской партии, преувеличивались элементы сознательности и организованности в февральские дни, отметил канд. историч. наук, доц. **А. И. Уткин** (АОН при ЦК КПСС), то позже в ряде работ возобладала противоположная тенденция. Продолжив данный сюжет, докт. историч. наук, проф. **Л. А. Комиссаренко** (Ленинград) подчеркнула, что со стороны партии большевиков имело место руководство революционными выступлениями масс, но решающей роли в развитии событий, в исходе Февральской революции, в решении вопроса о власти это не сыграло.

Анализируя расстановку политических сил в стране в этот период, докт. историч. наук, проф. **А. М. Черненко** (Днепропетровск) отметил, что большевики, насчитывавшие в своих рядах примерно 10 тыс. человек, едва ли могли рассчитывать на руководящую роль в революции и созданных ею органах. Они могли обеспечить победу восстания, но не завоевать политическую власть. Против этого утверждения выступил канд. историч. наук **В. И. Миллер** (Ин-т истории СССР АН СССР), обоснованно указавший, что, несмотря на все отмеченные факторы, в дни Февральской революции именно большевики составили в Петрограде основную силу борцов против самодержавия. По последним данным, сказал он, большевистские организации насчитывали в эти дни примерно 2,5 тыс. членов, в то время как у эсеров было около 500 человек, у межрайонцев (по разным подсчетам) — от 150 до 400, у меньшевиков — умеренных интернационалистов — 120—150 человек. Но дело в том, что революция подняла к политической жизни и участию в Советах и ту часть рабочих и солдат, которая ранее не участвовала в борьбе против царизма, и мелкобуржуазная волна захлестнула все.

Докт. историч. наук **И. И. Рогозин** (ЛВПШ) по-своему ответил на вопрос, почему большевики, стоявшие во главе революционного движения, после Февраля оказались в меньшинстве. Причину этого он видит в том, что руководители большевиков не сумели перестроиться в новых условиях и перейти от нелегальной деятельности к легальной. Большевики, по его мнению, недооценили парламентской (советской) деятельности и вошли в революцию, абсолютизируя стереотипы и представления, сложившиеся в 1905—1907 гг., не поняв значение «левого блока», складывавшейся в Советах многопартийности.

Дополняя данные, приведенные В. И. Миллером и А. М. Черненко, докт. историч. наук, проф. **И. Е. Горелов** (АОН при ЦК КПСС) сказал, что накануне свержения самодержавия партийные группы действовали в 200 городах. По имеющимся сведениям, в этот период партия насчитывала до 24 тыс. человек. Но вокруг партии был широкий слой поддерживающих ее рабочих (300—500 тыс. человек) [2]. Более того, к большевикам тяготела наиболее активная часть рабочего класса — молодежь.

Канд. историч. наук **С. А. Ивушкин** (Пенза) на вопрос о том, являлись ли большевики руководителями солдатских масс в дни революции, ответил отрица-

[1] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 327.

[2] См. там же, т. 24, с. 34.

тельно. В подтверждение он привел пример V армии, где среди 200 тыс. солдат в марте 1917 г. было всего 25 активно действующих членов большевистской партии. Между тем, основываясь на собственных подсчетах, канд. историч. наук **А. С. Смольников** (ИМЛ при ЦК КПСС) разъяснил, что в других армиях положение было иным, не говоря уже о Балтийском флоте, где влияние большевиков было подавляющим. Например, в XII армии партийные организации были более чем в 50 русских частях и во всех латышских полках, причем численность большевиков быстро выросла с 300 человек в марте 1917 г. до 1300 в начале мая.

Освещая деятельность партии социалистов-революционеров в период революции, докт. историч. наук, проф. **Б. В. Леванов** (МИЭТ) отметил, что эсеры, по сути дела, не учитывали экономической основы, объективных предпосылок и закономерностей социальных переворотов. Признавая существенное отличие буржуазно-демократической революции в России от западноевропейских, эсеры считали Февральскую революцию не буржуазной или социалистической, а политической и социальной. Русскую революцию они видели в воле к всестороннему раскрепощению трудовой России и в воле к демократическому миру.

Справедливо утверждая, что одним из вариантов выхода России из империалистической войны был ленинский, то есть революционный, канд. историч. наук, доц. **Ю. Г. Некрасов** (Владивосток) высказал спорную мысль, что именно он и привел к расколу рабочего движения и краху II Интернационала. Сомнение вызвал также его тезис о том, что Февральская революция не явилась верным и оптимальным вариантом движения к социализму. На наш взгляд, именно Февральская революция определила весь последующий ход политических событий по пути к победе социалистической революции. Февральская революция не смогла дать народам России того, чего требовали рабочие и крестьяне: мира, земли, реальной демократии, то есть возможности самим решать свою судьбу.

Докт. историч. наук, проф. **А. И. Токарев** (ИПК при МГУ) высказал убеждение, что проблемы истории и Февральской, и Октябрьской революций поистине неисчерпаемы. И здесь недопустим упрощенческий подход к ленинскому теоретическому наследию. Ленин, придавая большое значение революционной теории, отмечал в то же время огромную роль революционного опыта масс. И если в Февральской революции был велик элемент случайности, то в октябрьских событиях, заключил оратор, мы уже видим сочетание революционной теории с революционным опытом масс.

Его поддержал докт. историч. наук, проф. **К. И. Поздняков** (Днепропетровск). Критики, отметил он, часто забывают, что Ленин был диалектиком, что его идеи постоянно развивались. Исказители его взглядов, как правило, берут первоначальную позицию и умалчивают о ее дальнейшем развитии.

Канд. историч. наук, доц. **С. И. Поляков** (Днепропетровск) поставил интересный вопрос: какое содержание вкладывал В. И. Ленин в понятие «партия нового типа»? Соответствует ли это позднейшей трактовке этого понятия в советской историографии? Здесь выступающий сделал принципиально новый вывод, а именно, что Ленин, призывая в марте 1917 г. к работе над партией нового типа, имел в виду исключительно перестройку партии в соответствии с условиями легальности. Вопрос глубокий и требует, безусловно, специального исследования.

Острая дискуссия развернулась и по третьей проблеме («Почему после Февральской революции в России не сложилось буржуазно-демократическое государство?»). Докт. историч. наук, проф. **К. В. Гусев** (АОН при ЦК КПСС) высказал мысль о том, что в этом не были заинтересованы прежде всего меньшевики и эсеры. Все свои надежды они возложили на коалицию с кадетами, которые, в свою очередь, не хотели углубления революции.

Временное правительство, по мнению канд. историч. наук, доц. **Л. В. Музылевой** (МГИАИ), пропагандировало тезис о преемственности своей власти от Николая II. Разъяснялось, что именно благодаря решительности деятелей Государственной думы царь отрекся от престола и повелел им управлять Россией. Таким образом, Временное правительство и не помышляло о всем комплексе радикальных демократических преобразований в стране, что и подтвердила его последующая политика. Канд. историч. наук **А. А. Щербина** (Моск. ин-т культуры) высказал убеждение в том, что следует глубже проанализировать ленинское положение из «Писем из далека» о невозможности сближения с другими партиями и определить, насколько оно было продиктовано политической реальностью.

Развивая эту мысль, докт. историч. наук, проф. **И. П. Лейберов** (Ленинград) подчеркнул, что как либеральная буржуазия, так и меньшевики и эсеры не имели опыта социальных компромиссов. То же можно сказать и о большевиках. Нельзя не помнить, что в феврале — марте 1917 г. не был сломлен старый монархо-буржуазный государственный аппарат. Поэтому буржуазно-демократическое государство весной и летом 1917 г. не могло сложиться.

Против буржуазно-демократической республики выступили, причем открыто, с оружием в руках, милитаристские круги, подчеркнул в своем выступлении докторант МГУ **Н. П. Ионичев**. Развитие событий в России подтвердило неоднократные предупреждения Ленина

о готовящемся военном перевороте. Об угрозе со стороны военщины говорил и Н. И. Бухарин на VI съезде РСДРП. Оратор считает, что выход на политическую арену корниловцев явился прелюдией, можно сказать, первым этапом гражданской войны. В октябре 1917 г. решался вопрос, кому должна принадлежать власть — пролетариату или реакционным кругам армии. О буржуазно-демократической республике осенью 1917 г. речь идти уже не могла.

После Февральской революции, по мнению канд. историч. наук **М. В. Мнухина** (Магнитогорск), в движении интеллигенции стали преобладать кадеты, правые эсеры, так как большевики, столкнувшись с резким неприятием своих политических требований, ушли из вузов и ячейки партии в них перестали существовать. Заметим, что это утверждение требует очень серьезной аргументации, ибо такое положение сложилось далеко не во всех вузах России. Канд. историч. наук, доц. **Л. Г. Ургалкина** (Куйбышев) высказала мнение, что ошибки части большевиков в определении задач и перспектив революции после свержения самодержавия не способствовали образованию демократической республики.

В своих выступлениях докт. историч. наук, проф. **М. Л. Иткин** (МАДИ), **В. И. Григорович** (Госкомитет СССР по народному образованию), канд. историч. наук **С. В. Леонов** (МГПИ им. В. И. Ленина) и аспирант того же вуза **Р. Б. Габдулханов** высказали мысль, что большевики не смогли в должной степени использовать Советы, фабрично-заводские комитеты, профсоюзы, кооперативы, страховые советы для консолидации сил демократии. С этим трудно не согласиться, ибо в этих учреждениях были широко представлены и большевики, и меньшевики, и эсеры и консенсус между ними был реально возможен.

В Казахстане, по мнению канд. историч. наук, доц. **Д. А. Аманжоловой** (Семипалатинск), после Февральской революции благодаря активной позиции большевиков были созданы объединенные социал-демократические организации, куда вошли большевики, меньшевики-интернационалисты и «оборонцы». По ее словам, такое объединение в тех конкретно-исторических условиях было оправдано, ибо в тот период в данном регионе активизировались мелкобуржуазная партия «уш-жус», клерикальная «Шура-и-исламия», казахская партия «Алаш» во главе с членом ЦК партии кадетов А. Букейхановым, насчитывавшая 4 тыс. членов.

Сплочением сил творческой интеллигенции для совместной работы по сохранению культурных ценностей занималась Комиссия по делам искусства под руководством М. Горького. «Комиссия Горького», отметила в своем выступлении канд. историч. наук **С. А. Ермишина** (МГУ), установила контакты как с Временным правительством, так и с Советами. Но ее деятельность встретила значительное сопротивление со стороны «левой» части творческой интеллигенции, требовавшей «разрушением ускорить появление нового искусства».

Буржуазия как класс, обобщил обсуждение третьей проблемы **В. И. Миллер**, не желала складывания прочной буржуазно-демократической государственности в России, ибо боялась, что реальная власть в руках народа заведет революцию дальше, чем ей представлялось возможным. Это проявилось уже в ходе Апрельского кризиса, а с августа 1917 г. буржуазия все больше переходит к поддержке курса на создание военной диктатуры. Здесь уже было не до демократии. Была и еще одна причина. Для становления буржуазно-демократической власти необходима социальная стабильность в стране. А нерешенность основных вопросов революции создавала постоянное состояние нестабильности: недаром один политический кризис следовал за другим.

Подводя итоги дискуссии, проф. **В. А. Кувшинов** с полным основанием отметил, что в результате двухдневного обмена мнениями обозначились некоторые новые, нетрадиционные подходы к изучению истории Февральской революции.

Н. В. ЗЛОБИН,
кандидат исторических наук, доцент;
Н. П. ИОНИЧЕВ,
кандидат исторических наук, доцент

ОБНОВЛЯЯ ПОДХОДЫ

Проблемы межнациональных отношений в последние годы явились предметом многих дискуссий ученых-обществоведов, политических деятелей, публицистов, работников идеологического фронта, людей самых различных национальностей. Инициатором нескольких таких обсуждений стал Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Одна из подобных дискуссий состоялась в марте 1990 г. и была организована ИМЛ совместно с комиссией по межнациональным отношениям Всесоюзного общества «Знание». В ней приняли участие ряд народных депутатов СССР, ученые и практические работники партийных и советских органов некоторых районов страны.

Разгоревшаяся борьба мнений была направлена, как это подчеркнул открывавший форум ученых и депутатов СССР докт. юридич. наук **Т. М. Шамба**, на выработку умения найти оптимальный вариант решения межнациональных

проблем в государстве, насчитывающем более 180 народов и народностей.

В докладе, с которым выступил зав. отделом национальных отношений ИМЛ докт. философ. наук, проф. **Э. А. Баграмов**, был дан анализ сложной ситуации в межнациональных отношениях на современном этапе перестройки. Мы еще должным образом не представляем всей остроты национального вопроса в современный период, реального драматизма развития многонационального Советского государства в условиях, когда возникла беспрецедентная для нашей страны угроза отделения тех или иных республик от СССР, сказал он. И сейчас необходимо самокритично оценить нашу работу в области национальных отношений не только в прошлом, но и в годы перестройки, потому что ошибки, которые допущены в этот период, повлекли за собой в какой-то мере и обострение национальных отношений в ряде регионов.

Сейчас наша основная задача — это оздоровление, демократизация национальных отношений. Нужно покончить с той командно-административной системой, которая давила на народы, иссушала народные души, не давала развернуться народной инициативе. Должны быть обеспечены не на словах, а на деле равноправие всех народов СССР и их самоопределение. Пока еще не выработан четкий механизм его реализации в наших условиях, а надо добиться того, чтобы каждый человек, представитель любой народности, нации, где бы он ни жил, чувствовал себя равноправным гражданином Советского Союза. Должна быть решена судьба репрессированных народов. Это первый этап — этап нормализации национальных отношений.

За ним должен следовать второй — гармонизация национальных отношений. Ленин видел будущее наших народов в интернационализации при полном уважении суверенитета, равноправия всех народов. Идея интернационального единства должна остаться нашим идеалом.

Значительное внимание в докладе уделено осмыслению ленинских идей развития национальных отношений, дана критика их извращений в периоды сталинщины и застоя, особенно по проблемам советской федерации. Ленинскую идею о двух тенденциях развития в национальном вопросе с определенными оговорками можно отнести не только к капитализму, но и к социализму.

Нужно вернуться к ленинской идее свободной федерации народов. Конечно, это не значит, что каждая нация должна сейчас отделиться, выйти из состава СССР. Здесь следует учитывать политическую целесообразность, экономические возможности и ряд других факторов. Но в Советском Союзе не должно быть народов различного сорта. Если, скажем, Российская Федерация будет включать в себя не только автономные, но и союзные республики, это вовсе не будет означать разрушения ее целостности.

Оратор обратил внимание на необходимость учета связи национального не только с интернациональным, но и с общечеловеческим, что будет способствовать преодолению этноцентризма, национализма, сепаратизма.

Вырисовывались два противоположных подхода в разрешении проблем межнациональных отношений. Все проблемы, по мнению канд. юридич. наук, доц. **М. Ш. Алиева** (г. Баку), должны быть поставлены на четкую научную основу, не зависящую от идеологии. Прежде наблюдалась ситуация, когда всю сложную гамму развития наций и народностей Союза ССР пытались привязать к каким-либо устоявшимся идеологическим постулатам. И зачастую авторы тех или иных научных публикаций видели не то, что есть на самом деле, а то, что им или кому-либо другому хотелось видеть, заявил выступающий. Он, по-видимому, имел в виду имевшиеся в доперестроечный период отступления от научной идеологии, которой вообще чужды подтасовки действительности под удобные схемы.

Раскрывая вопрос о направлениях разрешения национальных проблем, **Т. М. Шамба** отметил: мы должны все-таки утверждать свои ценности, те, которые заложены в научной идеологии марксизма-ленинизма. А мы нередко обращаем свои взоры к Западу, говоря о цивилизованности, которой нам не хватает. Но ведь надо быть объективными. Запад не дает нам примера решения проблем межнациональных отношений. Достаточно посмотреть на Соединенные Штаты Америки, Великобританию, Францию, а также на Испанию, из которой я только что вернулся. Я видел, как там развивается терроризм, обостряются отношения с басками.

Народный депутат СССР **К. С. Салыков** обратил внимание на необходимость установления в области национальных отношений четкой перспективной линии. Имея политическую программу гуманного демократического социализма, нельзя отказываться и от нашего коммунистического будущего; народы должны знать конкретные цели — куда и как мы идем.

Острая дискуссия возникла при обсуждении влияния прошлого на современные национальные отношения. **М. Ш. Алиев** сказал, что неправомерно все нынешние ухудшения межнациональных отношений связывать «исключительно с именем Сталина». Да, безусловно, при нем были извращены те принципы, которые лежали в основе нашего государства, принципы свободного союза различных наций и народностей. Но в то же время все свалить на Сталина — неправильно. В большей части те беды в межнациональных отношениях, которые мы наблюдаем сегодня, связаны с периодом 60—70-х годов.

Данное утверждение было подвергнуто критике. Недопустимо какое-либо обеление преступлений Сталина и его подручных, отметил докт. философ. наук

А. И. Дороиченков (ИМЛ). Он обратил внимание на некоторые трагические факты истории. Именно Сталин и его окружение, подчеркнул в своем выступлении **С. Мухамедов** (Самарканд), так извратили вопросы межнациональных отношений, что мы поныне не можем в них разобраться.

Важнейшее место в дискуссии заняли вопросы советской федерации. Здесь разговор шел прежде всего о самих принципах подхода к ее дальнейшему функционированию. Прежде всего, как это подчеркивалось и в докладе Э. А. Баграмова, и в ряде выступлений, необходим новый творческий подход к ее формированию. Поддерживая эту мысль, проф. **Л. А. Григорян** (Москва) сказал, что, к сожалению, мы не можем на всех уровнях, пока что и на высшем, отойти от тех стереотипов, которые сложились под воздействием сталинщины. А все предложения, проекты, наметки, которые делаются, увы, проистекают как раз из тех же представлений, которые сложились на практике, хотя мы говорим о том, что последняя шла в отрыве от ленинских идей. Ленин отдавал приоритет нации, народу и исходил из того, что каждый народ, каждая нация сами решают вопросы своего бытия, устройства своей государственной жизни. Наша беда как раз в том и состояла, что мы вместо федерации создали жесткое унитарное государство, распределив народы по разным этажам и ступеням этого многоэтажного здания. Перестройка — процесс революционный, и подходы должны быть неординарные. Я не предрешаю вопроса о том, заявил оратор, какими должны быть конкретные государственные формы. Пусть сохранятся старые, привычные, но давайте отношения между ними изменим. Почему у нас федерация не может сочетать в себе разные отношения? Иметь, например, полуфедеративные связи.

Канд. историч. наук **А. В. Никонов** (Москва) обратил внимание на то, что в последних работах В. И. Ленина заложен фундамент учения о федерации, но, к сожалению, эти идеи не были положены в основу национальной политики партии. Нынешние споры о федерации зачастую оторваны как от ленинских идей, так и от реальных процессов в стране и в партии. Перестройка должна на здоровой основе возвратить народам право на самоопределение. Применительно к сегодняшнему дню это может означать многообразие форм взаимоотношений республиканских и союзных органов в зависимости от специализации, уровня развития хозяйства той или иной республики.

М. Ш. Алиев заявил: не следует упускать из внимания тот факт, что наше государство является союзом, субъекты которого — союзные республики. Нельзя игнорировать основополагающий документ, который лежит в самой основе нашей федерации,— Договор об образовании СССР. Этот документ носит международно-правовой характер; именно союзные республики как суверенные государства, объединившись, создали Союз ССР. Для пересмотра условий Договора в настоящее время, во-первых, не созрели необходимые предпосылки. И во-вторых, для этого необходимо согласие всех союзных республик.

Эти факторы следует учитывать, ибо, отменив этот документ — договорную основу создания нашего государства,— можно ввергнуть страну в еще больший хаос, когда будут отсутствовать четкие критерии самоопределения нации или народности в одной из устоявшихся форм национальной государственности.

Говоря о предложенном в свое время академиком А. Д. Сахаровым переходе к конфедерации, канд. историч. наук **А. Сафар** подчеркнул спорность и сложность этого тезиса. Сейчас надо думать о том, какую форму избрать, чтобы реализовать равноправие, но в то же время сохранить СССР. Выход из кризиса в сфере национальных отношений, как отметил **В. В. Мунтян**, видится в формировании нового Договора о Союзе ССР, который должен содержать четкие позиции относительно идеологических основ и социально-политической природы Советского государства.

Депутат **К. С. Салыков** обратил внимание на роль Договора в функционировании федерации, на необходимость серьезного его обновления. Во-первых, действительно, формирование федерации должно идти снизу вверх, то есть народы сами должны делегировать определенные полномочия центру, а не наоборот. Попытка сохранить любой ценой унитарное государство неправомерна. Наша цель — создание истинно сильной федерации.

Для этого, сказал выступавший, союзные республики должны быть связаны союзом и между собой. Формировать его нужно осторожно и очень внимательно, с уважением и тактом относиться к малочисленным народам, автономным республикам. При составлении союзного договора следует и автономным республикам, по-видимому, дать возможность определять, с кем им быть. Вопросы перекраивания карты страны очень сложны и трудны, и к ним надо относиться внимательно.

Мы видим сейчас желание партии изменить межнациональные отношения, улучшить их, сделать справедливыми, в то же время, по сути, не меняя национально-государственного устройства, оставляя ту же иерархию, те же республики, автономные образования и т. д., заявил **Т. М. Шамба**. Но, видимо, решения нужны такие, которые позволили бы нам сегодня действовать более гармонично, использовать гибкие формы образования союза между нашими государствами: конфедеративные, федеративные, унитарные, автономные. Здесь должен быть тот спектр, та гамма взаимоотношений, которые позволят каждому народу быть самим собой, не потерять свою самобыт-

ность, культуру, свой язык, национальные традиции и обычаи.

А. И. Доронченков подчеркнул, что магистральный путь выхода из создавшегося положения — это отказ от унитарной модели государственного устройства и полная реализация принципа федерализма. Необходимо сохранить и ключевые принципы формирования нашего федеративного государства, и, наконец, следует поддержать и наши идеалы и цель. Имею в виду в данном случае не унификацию, а единство в разнообразии и гармонизацию национальных отношений.

В тесной связи с проблемами федерации обсуждались вопросы автономных образований. В нашей стране их 38, общая их площадь составляет 37% сухопутной территории СССР.

Т. М. Шамба выразил мнение, что автономным образованиям нужно дать равные права со всеми республиками. Докт. филосф. наук, проф. **Н. И. Хмара** обратил внимание на то, что им надо уделять гораздо большее внимание.

Значительную роль играли в дискуссии проблемы России, русской нации. **А. И. Доронченков** подчеркнул: заслуживает внимания вопрос не только о состоянии русской нации как таковой, но и о ее месте в становлении советской государственности в рамках РСФСР и СССР, в советском народе как общности. О ее роли и проблемах давно уже объективно не говорили — это считалось неэтичным. Сами о себе русские помалкивали, а другим было недосуг. Видимо, потому и своего гимна Российская Федерация до сих пор не имеет и некоторых других государственных атрибутов тоже. Что касается термина «старший брат», то сейчас, употребляя его, нередко упрекают в его возникновении русских. Он обрел в устах некоторых уже бранный оттенок и уничижительную окраску. Хочу подчеркнуть, сказал оратор, что я этот термин не признаю и считаю, что он не русским народом придуман. А ведь это народ той республики, чьими усилиями в течение двух межвоенных десятилетий формировался фонд общественного бюджета. Выступающий подверг критике русофобские выпады националистов из Прибалтики.

Россию, сказал докт. философ. наук **В. Л. Нерознак**, некоторые изображают «очагом всех бед», скажем, того же тоталитаризма. А Россия и русские, как подчеркнул докт. философ. наук **К. П. Матвеев** (Москва), ассириец по национальности, потерпели от сталинщины гораздо больше, чем другие республики и народы.

А. Сафар отметил, что одной из причин русофобии было, по его мнению, сращение центрального аппарата с РСФСР. Необходимо восстановление государственности России. Сильная Россия будет неплохим гарантом при формировании нового союзного договора и станет более привлекательной для других народов.

О будущем России, ее судьбах говорил докт. философ. наук **Е. С. Троицкий**. Он выразил тревогу за сохранность национального мира в России в связи с выдвигающимися предложениями превращения автономий в союзные республики. Конечно, следует подумать о том, что Россия должна сохранить свою национальную целостность, не распасться на уделы. Вместе с тем считаю, сказал оратор, что идея серьезного расширения прав автономий — это необходимость, от которой сегодня мы не имеем права уходить. Но надо четко зафиксировать, что при переходе на национальный хозрасчет Россия ни в коем случае не должна иметь меньший, чем любая другая союзная республика, объем национальной собственности, которую предполагается ей передать, чтобы доля России в промышленном производстве составляла не 28, а 50—70%. Здесь надо учитывать и общность экономической жизни наций.

Душевная боль звучала в выступлениях по проблемам репрессированных народов. Канд. историч. наук **Г. Е. Трапезников**, многие годы занимающийся этими вопросами, отметил, что у нас фактически существует деление народов на несколько сортов — от первого (в союзных республиках) до последнего (народов, не имеющих своей национальной государственности). Все настойчивее звучат призывы учета интересов только союзных республик. В реальной жизни стал преобладать диктат нации, давшей название республике. Продолжает свое действие политика неучета интересов репрессированных народов. Оратор остановился на несправедливостях в отношении «четырежды репрессированных советских греков», советских немцев, курдов, болгар, гагаузов и др. Он подверг резкой критике концепции, выдержанные в духе национально-культурной автономии. Ни в Грузии, ни в Казахстане, ни в Узбекистане, Литве или Молдавии никто не будет считаться с «правительством» автономии, находящимся в Москве и не имеющим территории. Необходимо восстановить все ранее существовавшие национально-государственные образования.

Вопросами таких народов должна заняться Комиссия при Верховном Совете СССР, которую надо создать. Эта идея была поддержана и докт. философ. наук **М. В. Иорданом** (Москва).

К проблемам советских немцев было обращено выступление председателя общества «Возрождение» **Г. Г. Гроута**. Мы благодарны перестройке, которая пришла к нам, предоставив советским немцам последний шанс восстановить свою государственность. Однако реализация его встретила сопротивление со стороны противников восстановления немецкой автономии на Волге, хотя, по мнению оратора, объективных препятствий для этого нет.

О необходимости создания комиссии при Верховном Совете СССР не по отдельной проблеме, а по репрессированным народам в целом, высказался

А. П. Полихронов (г. Пермь). И эта комиссия должна заняться, в частности, советскими греками.

Судьбе такого древнего народа, как ассирийцы, было посвящено выступление **К. П. Матвеева.** Он выразил беспокойство за судьбы своего народа и вместе с тем отметил: мы спасены перестройкой, которая призвана защитить права национальных меньшинств, не имеющих своей территории. Выступающий высказался за обеспечение представительства ассирийцев в Верховных Советах РСФСР и СССР.

Еврейский вопрос был затронут докт. философ. наук **В. И. Рабиновичем** (г. Москва). Надо отбросить мифы, что все евреи либо хорошие, либо сионисты, сказал он, равно как и россказни о жидо-масонских заговорах. Необходим марксистский подход к этому вопросу, учет его специфики, своеобразия исторических судеб народов.

Учитывая то, что в СССР 55 млн. человек не имеют своей национальной государственности, **В. П. Нерознак** отметил: ни один народ, каким бы малочисленным он ни был, не должен утрачивать свою культуру, язык, свои неповторимые, веками складывающиеся облик и характер. Мы за предоставление компактно проживающим национальным группам возможности создавать общественные, образовательные, религиозные и иные ассоциации, иметь культурные, информационные органы, школы, культовые сооружения.

Инструктор МГК КПСС **Е. И. Кафырин** сообщил, что в Москве официально зарегистрировано свыше 18 объединений людей разных национальностей и, кроме того, имеется более 60 незарегистрированных организаций, причем большинство из них политизированы. Сегодня необходимо, чтобы коммунисты не только выступали здесь, в том числе по теоретическим вопросам, но и реально помогали национально-культурным обществам выдвигать свои требования, платформы, позиции с учетом теории и практики.

В сфере национальных отношений существенное место занимает языковая проблема. Выступавшие, в частности **В. П. Нерознак**, подвергли критике ранее бытовавшую установку на слияние наций и языков. Выступающий высказался за введение понятия «языковая личность».

Положения о государственном языке и ранее были записаны в Конституциях ряда республик. Однако речь не велась об отделении. Но в федерации должен быть и язык общегосударственного, межнационального значения, без этого о ее существовании говорить невозможно.

Выдвигалось, в частности проф. **М. М. Мирсаидовым**, предложение об установлении наряду с государственным языком республики официального языка территории с компактным проживанием людей другой национальности, например таджиков, в таких районах Узбекистана, как Самарканд и Бухара. Это, по его мнению, способствовало бы нормализации межнациональных отношений.

Докт. филолог. наук, проф. **М. Л. Рытова** (Москва) посвятила свое выступление проблемам свободы и равноправия языков малочисленных народов, сложной ситуации в Грузии и, в частности, имеющихся ограничений в употреблении родного языка греческим населением.

Проблемы таджиков, проживающих в Узбекистане, нашли отражение в выступлениях **А. Сафара, У. Бекмухамедова.**

КПСС, сказал **К. С. Салыков**, должна особое внимание уделить проблемам экологизации политики. Сложная экологическая ситуация в стране оказала сильное воздействие и на национальное самосознание народов. Необходима экологическая и этническая защищенность народов.

В современных условиях при регулировании межнациональных отношений нельзя упускать из виду вопросы религии. Молодой ученый **М. М. Морозова** (Москва) напомнила, что ленинская национальная политика предполагает учет взаимосвязи национального и религиозного.

Атеисты сейчас отходят от крайностей в отношении религии. Но уже в наши дни возникает другая крайность: часть творческой интеллигенции не только особенно активно пытается искать в религии стимул для творчества, но и преподносит ее как панацею от всех бед, от бездуховности и ожесточенности нашего общества, призывает искать в ней непреходящие ценности народной нравственности, национального духа. При данном подходе — его можно назвать эйфорическим — забвению предается хорошо известное свойство религии, я имею в виду веронетерпимость, сказала оратор.

В кризисных ситуациях разные силы испытывают соблазн манипулировать религиозными догматами. Трагические события с их использованием произошли в Баку, Сумгаите, НКАО, Нахичевани, Фергане, на Северном Кавказе, в Молдавии, на Западной Украине, да и в других регионах. От споров по поводу принадлежности святынь кое-где, например на Западной Украине, переходят к захватам и разрушениям культовых зданий, что ведет к усилению фанатизма на национально-религиозной основе.

В условиях перестройки встала новая проблема — взаимоотношения с народными фронтами, возникшими в тех или иных республиках и оказывающими влияние на межнациональные отношения. Канд. историч. наук **В. Д. Грищенко** (Москва) сказал, что порой партийные органы относятся к этим массовым организациям не совсем верно. Возьмем тот же Рух на Украине. Нужно принимать во внимание факт, что он не является монолитной организацией. В рядах этого движения в настоящий момент объединяются как сторонники перестройки, так и люди, стоящие на экстремистских или сепаратистских позициях. Кроме того,

ошибочно считать Рух чисто национальным движением — в него входят не только украинцы, но и представители других национальностей, проживающих на Украине. Очевидно, необходимо усилить сотрудничество с теми членами Руха, которые стоят на позициях перестройки и обновления нашего общества.

Межнациональные конфликты, говорилось в выступлении докт. философ. наук **Г. Ш. Шнрматовой** (Ташкент), приносят огромный экономический вред, осложняют решение проблем, связанных с экономической реформой. Они приводят к дестабилизации обстановки в целом, к обострению политической ситуации. Развиваются антирусские, антиармейские настроения. Анализируя конфликты, происшедшие в Фергане и некоторых других местах Узбекистана, и отмечая, что там выступал не народ, а экстремисты, рецидивисты и обманутая часть молодежи, оратор вместе с тем непоследовательно говорила о «столкновении армии с народом». На «круглом столе» было обращено внимание на эту противоречивость и неверную информацию.

Но нельзя не согласиться с Г. Ш. Шнрматовой, что каждый конфликт уникален и ситуативен. Здесь необходим конкретно-исторический подход. По исследованиям конфликтов нужны государственная программа, социальный заказ ученым на общегосударственном уровне.

У нас сейчас очень много говорят о правах наций, о самоопределении, но, как правильно подметил проф. **Б. Нормурадов** (Самарканд), не слышно ни слова об их ответственности, обязанностях перед федерацией, в которую они входят. Складывается парадоксальная ситуация: если раньше мы недооценивали национальный фактор в общественной жизни, отдавая приоритет абстрактно интернациональному, то сейчас, наоборот, гипертрофируя национально особенное, зачастую игнорируем объективные тенденции интернационализации общественной жизни как одного из законов мирового развития.

Мы как-то стали стесняться понятия «интернационализм», подчеркнул в своем выступлении докт. философ. наук **М. С. Джунусов** (г. Москва), а ведь весь мир развивается все-таки в направлении интернационализма. Конечно, романтические иллюзии рассеялись. В прошлом мы оказывали чрезмерное внимание внешней стороне интернационализма и недооценивали внутреннее — те интернационалистские связи, которые существуют между нашими народами. В этом смысле мы забежали вперед и забыли, что нам еще далеко до интернационального братства. Нам нужно прежде всего построить добровольный интернационалистский союз в рамках нашей страны.

Сейчас, как никогда, назрела необходимость новых подходов к интернациональному воспитанию. Не кампанейщина, не скучные лекции и беседы для «галочки» в отчете, а развертывание широкой пропаганды жизни братских народов, их истории, достижений, специфики. Одно из важнейших мест должен занять показ взаимосвязей и взаимозависимостей одних наций с другими, необходимости совместного труда всех населяющих советскую федерацию народов по перестройке общественной жизни, по строительству гуманного, демократического социализма.

Н. И. ХМАРА,
доктор философских наук,
профессор

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС состоялся семинар сотрудников ИМЛ и его филиалов «Проблемы национальных отношений в СССР», в котором приняли участие и ученые АН СССР.

Семинар открыл зам. зав. отделом национальных отношений ЦК КПСС докт. философ. наук **А. А. Сазонов**. В своем выступлении он отметил, что страна переживает период обострения межнациональных отношений. Оно обусловлено рядом причин: отходом от ленинских принципов национальной политики, деформацией ее вплоть до несправедливости и беззакония в отношении некоторых народов в годы культа Сталина, социально-экономическим кризисом, деятельностью националистических сил в ряде республик.

Нарастание межнациональной напряженности может подорвать перестройку, нанести непоправимый ущерб социально-экономическому и политическому развитию нашего общества. Выход из создавшегося положения докладчику видится в консолидации всех здоровых сил общества на платформе партии по национальному вопросу.

А. А. Сазонов подчеркнул, что ученые могут и должны оказать серьезную помощь в разработке теоретических проблем национальной политики партии. Однако современный уровень исследований проблематики явно недостаточен. Одним из приоритетных направлений работы в этой области являются анализ и прогнозирование развития событий в так называемых «горячих точках» страны, разработка методики разрешения этнических конфликтов.

Неудовлетворительное состояние науки, занимающейся изучением межэтнических отношений, отмечалось и в ряде других выступлений, хотя причины этого со-

стояния и пути выхода из него участниками семинара виделись по-разному.

Докт. философ. наук **Э. Н. Ожиганов** (ИМЛ) отметил, что на сегодняшний день в советской науке утвердились две альтернативные теории межнациональных отношений, каждая из которых представляется тупиковой: «трансцендентальный» марксизм и национал-популизм. «Трансцендентальный» марксизм, характеризующийся полным отрывом от реальности, пренебрежительным отношением к прикладным дисциплинам, к политической социологии, нашел свое отражение в трудах многих советских ученых, в учебниках, в политических документах КПСС. Господство этой концепции предопределило отсутствие теории этнического конфликта, которая должна опираться на прикладные исследования.

Появившиеся в последнее время и получившие широкое распространение национал-популистские идеи, как отметил оратор, иррациональны. Основой этой концепции является понятие нации как эсхатологического субъекта, высшей ценности в самой себе. Последователи этих взглядов права нации разводят с правами личности, что нашло свое отражение в идее приоритета интересов коренной нации. Это этноцентристская и авторитарная концепция.

По мнению докт. историч. наук **В. Г. Чеботаревой** (ИМЛ), одна из причин низкого уровня исследований национальной проблематики заключается либо в забвении, либо в искажении ленинского теоретического наследия. Она подчеркнула, что в современных условиях, когда антиперестроечные силы проводят разнузданную кампанию по дискредитации имени В. И. Ленина, основателя Советского многонационального государства, необходимо восстановить правду истории, разоблачить клеветнический характер публикаций, представляющих Ленина как творца теоретических основ «советской империи». Ленинская концепция по национальному вопросу включала в себя такие требования: полное равноправие наций, широкая областная автономия, демократическое местное самоуправление. Уважительное отношение к народам, безусловное признание их права на свободное самоопределение проявлялись, в частности, в том, что Ленин требовал осуществлять это право только при учете мнения всего населения. Одобрив идею федерации республики Закавказья, он признал немедленное ее осуществление преждевременным и рекомендовал поставить вопрос о федерации на обсуждение партийных организаций, рабочих и крестьянских масс Грузии, Армении, Азербайджана [1].

Ленин учил постоянно помнить о своеобразии конкретных условий национальных регионов. Обращаясь к коммунистам Закавказья и Средней Азии, он подчеркивал: больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции, крестьянству; он призывал вырабатывать особую тактику, применительно к местным условиям и не копировать опыт, накопленный в России. Известны указания В. И. Ленина Г. К. Орджоникидзе относительно тактики партии по отношению к мусульманам: «Действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам... Всячески демонстрируйте и притом самым торжественным образом симпатии к мусульманам, их автономию, независимость и прочее» [2].

Не Ленин виноват в том, что в последующие годы Сталин и его окружение нивелировали национальную жизнь, утвердили жесткую централизацию в управлении страной; в результате национальные свободы были попраны, а независимость союзных республик стала фикцией. Сегодня необходимо восстановить ленинские принципы национальной государственности, утвердить на практике право народов на самоопределение, вплоть до отделения, не ущемляя при этом прав национальных меньшинств.

Докт. историч. наук **М. Н. Губогло** (Институт этнографии АН СССР) отметил, что произошедшие за последние два года коренные изменения в советской этнополитической ситуации, понимаемой в широком смысле как соотношение и взаимодействие этнического и политического факторов, были обусловлены расширением демократических процессов. Они ввергли многих специалистов и практиков в области национальной политики в шоковое состояние. В этих условиях необходимо провести мобилизацию научных сил для того, чтобы не только фиксировать ход событий, особенности нынешнего, чуткого к переменам, не всегда устойчивого «межэтнического мира», но и выяснить содержание, суть и тенденции новых этнополитических процессов.

Докладчик подчеркнул, что анализ взаимосвязи и взаимодействия этнических и политических движений требует наличия известного опыта. Советские ученые хорошо знакомы с этнополитической проблематикой зарубежных стран. С этого опыта и надо начинать. Прежде всего с его предметной области, включающей, во-первых, общетеоретические или описательные материалы об этнической политике и этнополитической ситуации, во-вторых, данные прикладных исследований о реальных этнополитических процессах в тех или иных конкретных регионах, в-третьих, документы и материалы, в том числе политические программы этнических и национально-освободительных движений, в-четвертых, хроникальную канву борьбы против национальной и расовой дискриминации, в-пятых, статьи по этнодемографическим, этносоциальным, этнокультурным, этноязычным и этнопсихологическим ас-

[1] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 255.

[2] Там же, т. 51, с. 175.

пектам этнополитических ситуаций и процессов, в-шестых, особую категорию специальных материалов об этнополитическом статусе и судьбах исчезающего аборигенного населения, национальных меньшинств, иммигрантов. Приведенный перечень позволяет предварительно наметить контурные границы предметной области этнополитологии.

Вторую исходную позицию для обновления советской этнополитологии, как отметил выступавший, могут составить материалы, опыт, выводы и апробированная методика советской этносоциологии, возникшей в 70-е годы и изучающей социальные основы современных этнических процессов.

Третья предпосылка — итоги, достижения той части советской социолингвистики, которая занималась научно-прикладными исследованиями языковой ситуации и этноязыковых процессов.

Изучение этнополитической ситуации, по мнению М. Н. Губогло, можно рассматривать как самостоятельное научное направление, имеющее прикладной характер.

Наряду с постановкой вопроса об объекте этнополитологии, направлениях и методах его исследования участниками семинара была предпринята попытка конкретного анализа отдельных аспектов этнополитической ситуации в стране, в первую очередь проблемы возникновения и развития национальных движений.

Докт. историч. наук **Л. М. Дробижева** (Институт этнографии) проанализировала вопрос о типологии современных национальных движений в СССР. В зависимости от характера и основных тенденций этнических движений она выделила 8 их типов: движение за суверенитет своих республик (Прибалтика, Азербайджан, Армения, Грузия, Молдавия); за экологическую безопасность, экономический суверенитет и возрождение национальной культуры (Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Белоруссия); за национальную консолидацию и изменение государственного статуса (Татария, Башкирия); за реабилитацию репрессированных народов (крымские татары, немцы, греки, армяне Крыма); за создание собственной автономии (гагаузы, черкесы, поляки Литвы); за изменение территориальных границ (Нагорный Карабах, Осетия); за расширение прав автономии (Якутия, Чувашия); за культурную автономию (дисперсно расселенные евреи, греки).

Канд. философ. наук **А. О. Сойдла** (Институт истории партии при ЦК КП Эстонии) охарактеризовал соотношение политических сил Эстонии, сложившееся после мартовских 1990 г. выборов в Верховный Совет республики.

Канд. историч. наук **Л. П. Полевой** (Институт истории партии при ЦК КП Украины) проанализировал деятельность политических организаций «Народное движение Украины за перестройку», «Украинский хельсинкский союз», «Украинская народно-демократическая Лига», «Союз независимой украинской молодежи», «Союз украинской молодежи». По его мнению, эти организации получают материальную и моральную поддержку западных буржуазно-националистических центров. Лидеры УХС и УНДЛ откровенно проповедуют националистические, сепаратистские идеи, инспирируют проведение разного рода антиобщественных акций.

Особый интерес участников семинара привлекла тематика межэтнических противоречий и конфликтов, их причин и воздействия на политические процессы в отдельных регионах и в стране в целом.

По мнению докт. философ. наук **А. И. Доронченкова** (ИМЛ), противоречия в сфере межэтнических отношений следует разделить на две группы: объективные, которые стимулируют развитие наций и взаимоотношения между ними, и субъективные, вызванные ошибочным подходом к решению национальных проблем или деструктивными действиями националистически и шовинистически настроенных политиков. Объективные противоречия могут обостряться в значительной степени под влиянием противоречий субъективных, то есть последние могут развиваться в рамках объективных, достигая подчас антагонистического содержания и осложняя тем самым их разрешение, практическую субординацию и научное осмысление. Поэтому особенно важен внимательный и щепетильный подход к предотвращению обострения противоречий на субъективной основе.

Выступавший обратил внимание на несколько сфер, в рамках которых возможно обострение межнациональных отношений в ближайшем будущем. По его мнению, уже сегодня может произойти нарастание противоречий между тенденцией к полной самостоятельности союзных республик и тенденцией к укреплению их единства. Существенные осложнения могут вызвать возникающие сегодня межреспубликанские территориальные претензии, которые становятся предметом обсуждения со стороны неформальных организаций. Серьезную угрозу существованию некоторых наций представляют последствия экологических катастроф, таких, как Чернобыль, Арал и др. Наличие этой опасности может разрушить межэтнический мир в этих регионах. Значительными деструктивными элементами становятся панисламизм и пантюркизм.

Более подробно роль и влияние религиозного экстремизма в разжигании национальной розни и межэтнических конфликтов раскрыл канд. историч. наук **А. А. Нуруллаев** (ИМЛ). Приведенные им многочисленные факты свидетельствуют о набирающем силу движении исламских фундаменталистов в республиках Средней Азии, о реальности возникновения новых очагов напряженности в этом регионе.

У. М. Бабаханов (Институт истории партии при ЦК КП Таджикистана) проанализировал февральские (1990 г.) со-

бытия в Душанбе. Он отметил, что вопрос об армянских беженцах послужил лишь поводом для организации беспорядков. Истинные причины душанбинских событий кроются в совокупности целого ряда обстоятельств.

По его мнению, при анализе ситуации, сложившейся в Таджикистане, необходимо уделить первоочередное внимание такому феномену среднеазиатского общества, как традиционализм. Имеющий в сельской местности глубокие экономические, социальные, психологические корни, среднеазиатский традиционализм во многом определяет образ жизни, стиль поведения, мировоззрение людей. Передаваемые из поколения в поколение традиции, освященные исламом, играют в жизни сельского населения Таджикистана чрезвычайно важную роль. Совершенно другой — европеизированный — образ жизни, иная культура, другая система ценностных ориентиров преобладают в среднеазиатских городах.

Сельское население Таджикистана, составляющее около 85% общего числа таджиков, зачастую воспринимает город как чуждую и, следовательно, враждебную субстанцию. Именно традиционализм, а также тяжелейшие условия труда на хлопковых плантациях, необустроенность социальной сферы, безработица, низкий уровень образования сельских жителей, порождающий у последних комплекс неполноценности и чувство социальной обиды, принимают нередко формы воинствующего национализма. Неудивительно поэтому, что в февральские дни на площадь перед зданием ЦК Компартии республики вышли в подавляющем большинстве жители пригородных кишлаков, а также студенты начальных курсов высших и средних специальных учебных заведений Душанбе, лишь недавно приехавшие из сельских районов и фактически только называющиеся горожанами.

Антирусские настроения многих участников беспорядков, по мнению выступавшего, не столько носили характер недовольства какой-то определенной нацией, сколько являлись неосознанным протестом сельского жителя против «чуждых» и «враждебных» для традиционного среднеазиатского общества городского европеизированного образа жизни, сознания, морали. В те дни пострадала не только европейская часть населения Душанбе. Нападкам и издевательствам подверглись и таджички, одетые по-европейски, и горожане-таджики.

Оратор подчеркнул, что при оценке ситуации в Таджикистане необходимо учитывать и исламский фактор. Душанбинские события продемонстрировали значительное влияние мусульманского духовенства среди населения республики. Необходимо извлечь из этого уроки, перейти от конфронтации к диалогу, поиску точек соприкосновения и сотрудничеству с умеренным крылом мусульманского духовенства. Отказ от такого сотрудничества неминуемо повлечет за собой усиление позиций радикальной, экстремистской части служителей ислама.

Нарастанию напряжения в Таджикистане содействовали также и значительные различия в уровнях экономического, социального и культурного развития отдельных областей республики, решение кадровых вопросов с позиций местничества.

Порочная кадровая политика оказала непосредственное влияние и на разжигание этнической розни в Казахстане. Затронувший этот вопрос канд. философ. наук **Р. Б. Абсаттаров** (Институт истории партии при ЦК КП Казахстана) отметил, что в застойные годы в республике руководящие кадры, как правило, выдвигались не по политическим, деловым и нравственным качествам, а по принципу родства, землячества, а нередко и из корыстных побуждений. Цена подобных негативных явлений — нарушение социальной справедливости, бюрократизм, коррупция, круговая порука, иждивенчество, родоплеменная кичливость, серьезные перекосы в сфере национальных отношений. По его мнению, все это и привело к событиям в Алма-Ате и Новом Узене.

З. Акбагышева (Институт истории партии при ЦК КП Киргизии) в своем выступлении отметила, что причиной конфликта, произошедшего в июне — июле 1989 г. между Баткенским районом Киргизии и Исфаринским районом Таджикистана, послужили вопросы земли и воды. Оратор подчеркнула, что неоперативная, некомпетентная деятельность руководства этих районов не позволила предотвратить межнациональное столкновение, хотя реальная возможность для этого имелась. Ошибка партийных органов, по мнению оратора, в первую очередь заключалась в недооценке роли неофициальных переговоров представителей различных групп населения обоих районов, начавшихся еще до конфликта и сглаживавших на какое-то время ситуацию.

Возможности недавно созданных, незабюрократизированных общественных организаций в предотвращении этнических конфликтов наглядно проявились во время несанкционированных митингов, состоявшихся 25—26 января и 5 февраля 1990 г. на центральной площади столицы Киргизии. Несомненное воздействие на участников митинга возымело обращение клуба «Ынтымак», призвавшего к трезвому подходу в решении существующих проблем, уважительному отношению к представителям всех национальностей.

Канд. философ. наук **А. А. Саркисян**, канд. историч. наук **А. З. Саркисян** (Институт истории партии при ЦК КП Армении) и **А. Алекперов** (Институт истории партии при ЦК КП Азербайджана) рассмотрели вопрос Нагорного Карабаха. Их видение этой проблемы отражало позиции, занимаемые в этом вопросе Верховным Советом Азербайджана и Верховным Советом Армении.

Докт. юридич. наук **Г. И. Литвинова** (Институт государства и права АН СССР)

проанализировала проблему русских беженцев, возникшую в связи с кровавыми событиями в Азербайджане в начале 1990 г. Первый шаг в решении этого вопроса ей видится в принятии Верховным Советом СССР закона о статусе беженца.

Вопрос о так называемом «конституционном конфликте», возникшем в связи с принятием Верховным Советом Литовской ССР ряда законодательных актов, противоречащих Конституции СССР, рассмотрел докт. историч. наук **К. З. Сурблис** (Институт социально-политических исследований при ЦК КП Литвы (КПСС)). Безусловно, поддерживая провозглашенное Конституцией право наций на самоопределение, докладчик в то же время оценил принятый Верховным Советом Литвы 11 марта 1990 г. «Акт о восстановлении независимого Литовского государства» как поспешный и непродуманный шаг.

Он отметил, что Верховный Совет республики до конца не продумал целый ряд экономических, территориальных и политических вопросов, возникающих в связи с выходом Литвы из состава СССР. В настоящее время республика не имеет возможности перейти на валютный расчет по мировым ценам для приобретения необходимых ей энергоресурсов. Появились территориальные претензии со стороны соседних республик. Возник конфликт с руководством Советского Союза. Наконец, вызывает сомнение и правомерность принятия столь серьезного для судеб всех жителей республики решения без проведения референдума. Выход из создавшегося положения, по мнению оратора, возможен лишь в русле решений III Съезда народных депутатов СССР.

Участники семинара рассмотрели также ряд других важных вопросов. **Г. И. Литвинова** проанализировала политическое и социально-экономическое положение РСФСР в составе Союза ССР. Канд. философ. наук **Д. В. Мен** (Институт истории партии при ЦК КП Казахстана) и канд. историч. наук **Р. М. Каррыева** (Институт истории партии при ЦК КП Туркмении) рассмотрели вопрос о положении национальных меньшинств в Казахстане и Туркмении. Тема возрождения национальных обычаев и традиций в Киргизии была поднята в выступлении **З. Акбагышевой**. Воздействие современной языковой политики на национальные отношения в Киргизии проанализировала **Н. Т. Осмонбаева** (Институт истории партии при ЦК КП Киргизии).

Таким образом, на семинаре был рассмотрен широкий круг вопросов по национальной проблематике. Положительной чертой семинара явилось стремление его участников отойти от схоластических рассуждений о «незыблемых истинах» и «непреходящих ценностях нашего многонационального общества» и обратиться к конкретному анализу сегодняшней противоречивой реальности. Актуально прозвучала постановка вопроса о новом, самостоятельном направлении в науке — этнополитологии. Интересна попытка типологизации национальных движений. В то же время следует отметить отсутствие серьезных концептуальных разработок по осмыслению современных этнополитических процессов, что, думается, и обусловило фрагментарность в освещении проблем «горячих точек» страны.

В. А. МАРЦЯЛИС,
кандидат исторических наук

ОКТЯБРЬ: БОРЬБА БОЛЬШЕВИКОВ ЗА МАССЫ И ДЕМОКРАТИЗАЦИЮ СТРАНЫ

Такова тема научной конференции, которая состоялась в Ленинградской высшей партийной школе.

С основным докладом — «Актуальные проблемы борьбы партии большевиков за массы и демократизацию страны на этапе перехода от буржуазно-демократической революции к революции социалистической» — выступил зав. кафедрой истории КПСС Ленинградской высшей партийной школы докт. историч. наук, проф. **В. А. Ежов.** Докладчик отметил, что в последние годы под влиянием процессов обновления нашего общества заметно возрос интерес к изучению истории Великой Октябрьской социалистической революции. При этом наблюдается ряд тенденций: происходит возрождение различных взглядов и позиций, занимавших заметное место в историографии 20-х годов; нельзя не заметить откровенного стремления отбросить и пересмотреть все сделанное исторической наукой, начать изучение Великого Октября с «нулевой отметки»; активизируется деятельность по разработке — с учетом как критического осмысления достижений науки и сложившихся историографических традиций, так и возможностей широкого введения в научный оборот документального материала — новых подходов, стремление поднять новые пласты исторических знаний. Наконец, важное научное значение имеет возможность сопоставления взглядов советских историков с позициями зарубежных советологов.

В числе проблем, привлекающих внимание своей актуальностью, злободневностью, находятся опыт, уроки борьбы большевистской партии во главе с В. И. Лениным за массы и демократизацию

России в ходе подготовки и проведения социалистической революции.

В докладе докт. историч. наук, проф. **Е. Р. Ольховского** (Ленинград) «К истории зарождения марксистской историографии в России» отмечалось, что первые этапы ее становления исследованы все еще недостаточно. Не установлена хронология этих этапов, нет единства во взглядах на то, когда завершилось формирование марксистской историографической концепции в России. Основное внимание в докладе обращено на два вопроса. Рассмотрев достижения марксистской исторической мысли 80-х годов в России, тщательно проанализировав итоги 90-х годов, Е. Р. Ольховский пришел к выводу, что в трудах В. И. Ленина уже с середины 90-х годов были заложены основы марксистской историографической концепции. Завершение же ее формирования относится к кануну первой российской революции.

В 1883—1903 гг. Г. В. Плеханов и В. И. Ленин делали общее дело в области не только строительства партии, но и исследования истории. И здесь противопоставлять их — значит искажать правду истории. Но наряду с тем, что их взгляды на прошлое России совпадали в общем и главном, были и некоторые различия, которые сегодняшний историограф не должен игнорировать.

Докт. историч. наук, проф. **А. А. Чернобаев** (АОН при ЦК КПСС, Москва) в докладе «М. Н. Покровский и В. И. Ленин (по неопубликованным архивным материалам)» показал, что вновь выявленные архивные материалы, прежде всего из фондов ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, позволяют по-новому осветить характер взаимоотношений В. И. Ленина и М. Н. Покровского в дореволюционный период. Как известно, после поражения первой русской революции Покровский, по существу, порывает с большевистской партией и лишь в 1913—1914 гг. восстанавливает связи с ней. Дальнейшему сближению Покровского с большевиками способствовала его подлинно интернационалистская позиция в годы первой мировой войны. Летом 1915 г. он подготовил статью для журнала «Коммунист». Ленинские замечания на нее, содержащиеся в неопубликованном письме Н. И. Бухарину, свидетельствуют о стремлении сохранить и упрочить деловые отношения с Покровским. Перелом в их взаимоотношениях произошел в конце 1915 г., когда по инициативе историка Ленин вплотную приступил к написанию книги «Империализм, как высшая стадия капитализма». Введение в научный оборот писем В. И. Ленина, Г. Е. Зиновьева, А. М. Горького и М. Н. Покровского, связанных с созданием этого труда, имеет важное значение для пересмотра ряда устоявшихся представлений по проблемам истории партии в условиях назревания революционного кризиса в России в 1917 г.

Докт. историч. наук, проф. **А. А. Кулаков** (Горький, ВПШ), остановившись в своем выступлении на проблемах историографии ленинского учения о партии, обосновал необходимость в условиях, когда общественно-политической мыслью перестройки поставлен вопрос о возрождении ленинской концепции партии, обновлении партии, пересмотра господствовавшей с середины 20-х годов до второй половины 80-х годов историографической традиции в изучении ленинского учения о партии. Эта традиция формировалась под влиянием не столько конкретно-исторических научных исследований, сколько политических идей, сложившихся в партии после В. И. Ленина, и в особенности взглядов И. В. Сталина. Остановившись на их анализе, выступающий показал, что в историографии они отразились в «Кратком курсе истории ВКП(б)» и с некоторыми видоизменениями сохранились в литературе до последнего времени. Кулаков считает, что эта концепция истории ленинского учения о партии нуждается в коренном пересмотре. Попытки осмысления новых знаний в рамках этой концепции бесперспективны, ибо они исходят из посылки о том, что историки изначально методологически верно понимали ленинское учение о партии, а партийные документы, обобщая на этой основе партийную практику, методологически верно развивали учение о партии. Необходимо серьезно уточнить эти положения историографии, вернуться к первоисточнику, к Ленину. Выступающий поставил ряд проблем, требующих разработки в свете новых концептуальных подходов: вопрос о системе ленинских взглядов, о ленинской концепции правящей партии и др.

Выступление канд. историч. наук, доц. **А. Н. Свалова** (АОН при ЦК КПСС, Москва) было посвящено анализу общего и особенного в строительстве пролетарских партий в разных странах. Он, в частности, подчеркнул необходимость пересмотра вывода о том, что к началу XX в. в России стояли задачи создания партии, которая коренным образом отличалась бы от западноевропейских. В. И. Ленин полагал, что дело не в том, чтобы объявлять в России партию нового типа, а все другие называть партиями «старого» типа. Судьба этих организаций, по крайней мере в первое десятилетие нашего столетия, отнюдь не была предопределена. Коренные различия западноевропейских партий от большевистской определялись постепенно, а их противопоставление как партий «старого» и «нового» типа стало активно использоваться Лениным после начала мировой войны. Докладчик проанализировал письмо Ленина А. М. Коллонтай от 4 (17) марта 1917 г. и подчеркнул, что партия нового типа — это особый тип революционной организации, которая ведет борьбу за власть, за ниспровержение эксплуататорского строя. Возникновение этого типа партии связано с конкретно-

историческими процессами, которые протекали в международном рабочем движении в канун и в начале новой исторической эпохи, открытой Октябрем. По мнению А. Н. Свалова, нет никакой необходимости переносить сравнительно-исторические понятия о партиях «старого» и «нового» типа, имеющие у Ленина конкретное содержание, на наши дни.

Канд. историч. наук, доц. **Э. Ю. Гальперин** (Ленинград) выступил с сообщением «Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» — пропагандист идей пролетарского интернационализма». Он отметил, что одним из основных направлений агитационно-пропагандистской деятельности этого союза была тема международной солидарности рабочего класса и интернационального воспитания пролетариата России. Эта задача решалась на основе глубокого изучения и распространения ленинских работ в разных районах страны, их пропаганды в изданиях «Союза борьбы...» — листовках, брошюрах, газетах, сборнике «Работник».

Канд историч. наук, доц. **Н. Д. Некоз** (Запорожье, ЗГУ) изложил свой взгляд на процесс становления связей различного рода российских революционных эмиграций с социал-демократическими организациями страны в период между I и II съездами РСДРП. Особое внимание он уделил освещению роли и места заграничной операционной базы в объединении местных (российских) социал-демократических групп и союзов. Автор проиллюстрировал противоположность подходов большевиков и меньшевиков к использованию связей эмиграции с революционным подпольем. Большевики делали все необходимое для того, чтобы максимально использовать возможности политической эмиграции для оказания содействия партийному подполью России. Меньшевики же стремились превратить свои эмигрантские группы и организации в самодовлеющие объединения. Явно преувеличивая роль эмиграции, меньшевики мешали использованию заграничной базы в подлинно партийных целях.

Установление и постоянное поддержание связей революционной эмиграции с партийным подпольем, осуществляемые большевиками, позволяли добиться органического единства двух компонентов освободительной борьбы рабочего класса и всех трудящихся России в дооктябрьский период.

В выступлении канд. историч. наук **А. В. Логинова** (Ленинград) внимание было уделено периоду после II съезда РСДРП, когда большевики активно включились в разъяснение и реализацию партийных решений, а главным объектом внутрипартийной борьбы с меньшевиками стали организационные вопросы, шел поиск новых форм организации, проводился в жизнь принцип демократического централизма. По мнению оратора, послесъездовский период истории партийного строительства продолжался вплоть до IV съезда партии, впервые установившего норму пропорционального представительства на партийном съезде. В течение этого периода в основном была сформирована структура большевистских комитетов и групп, которая сохранилась практически до февраля 1917 г.

Анализу политической ситуации в произведениях В. И. Ленина периода января — марта 1906 г. было посвящено выступление канд. историч. наук, доц. **В. А. Селина** (Горький, ВПШ). Он обратил внимание на то, что в историографической литературе давно отмечается необходимость расширения круга исследований проблем периода спада (отлива) первой революции в России, более вдумчивого подхода к ленинскому анализу политики партии в условиях этого исключительно противоречивого времени. Тем не менее такой подход отличает, пожалуй, только коллективную монографию ленинградских историков «Ленин и революция, 1905 год» (Л., 1980). Эта историографическая ситуация имеет глубокие корни и связана с самой методологией исследования трудов В. И. Ленина, написанных в указанный период. Сложность подхода к их анализу заключается в известной дискуссионности проблемы гегемонии пролетариата в условиях спада революции, а также в том, что историки фактически вынуждены были обходить вопрос о степени точности ленинских оценок дальнейших этапов и зигзагов революции после поражения Декабрьского вооруженного восстания, проблему отношения Ленина к исторической практике взаимодействия с меньшевиками в процессе вооруженной борьбы в 1905 г., в деятельности Советов, его выводы, касающиеся тактики меньшевиков в 1906 г. и т. д.

Выход из создавшегося положения видится в том, чтобы рассматривать спад революции как переходную ситуацию между Декабрьским вооруженным восстанием и началом прямой реакции.

Канд. историч. наук, доц. **И. И. Рагозин** (Ленинград) посвятил свое выступление борьбе петербургских большевиков с подрывными акциями царской охранки среди учащейся молодежи в годы реакции.

В сообщении докт. историч. наук, проф. **В. И. Селицкого** (Ленинград) Апрельские тезисы Ленина были рассмотрены как первая в марксизме разработка концепции революционно-демократического пути к социализму, определенные теоретические предпосылки которой содержались в идее перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Этот путь характеризовался: а) особой программой социального действия, направленного, с одной стороны, на решение назревших демократических задач, а с другой — на осуществление первых шагов к социализму; б) наличием нового типа организации

революционных масс — Советов; в) возможностью мирного взятия власти Советами, что сокращало обычно большие издержки социальной революции. Успешно начавшееся движение по этому пути было прервано силами контрреволюции, навязавшими стране гражданскую войну.

«Роль личностного фактора в изучении истории Октябрьской революции» — такова тема выступления докт. историч. наук, доц. **Е. И. Голубевой** (АОН при ЦК КПСС, Москва). Она подняла вопрос о необходимости преодоления вульгарных представлений об истории как безликом процессе. В силу этого объективные законы приобретали фаталистический характер. Люди с их страстями, муками выбора, волей к действию «уходили» из истории, что не давало возможности осмыслить ее во всей целостности и диалектической противоречивости. Такая «обезлюдевшая» история Октября утрачивала свое обаяние и влияние на новые поколения.

В настоящее время, когда мы осознали этот недостаток, необходимо обратиться к критическому, объективному анализу действующих лиц истории. Прежде всего это нужно сделать в отношении руководящего состава большевистской партии, ввести в канву исторических событий Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, И. В. Сталина, А. Г. Шляпникова, Я. М. Свердлова и многих других. Но преодоление обезличенного подхода к истории — это внимание не только к вождям, но и к партии. Кроме того, мы должны преодолеть еще один недостаток — отойти от формального подхода к изображению действующих лиц истории. Не «икона», а живые люди были творцами Октября.

Канд. историч. наук **В. Ю. Черняев** (Ленинград) обратился к теме «Рабочий контроль и альтернативы его развития после свержения царизма». В его выступлении прозвучала мысль, что в условиях невиданных политических и гражданских свобод после свержения монархии у рабочего контроля были альтернативы в развитии. Он мог эволюционировать в социальное партнерство и укрепить буржуазно-бюрократический строй, а мог подорвать господство капитала и стать предпосылкой социалистической революции. Враждебность буржуазии, Временного правительства, меньшевиков и эсеров к рабочему контролю лишала жизнеспособности реформистскую альтернативу, а идейное и организационное завоевание фабзавкомов большевиками поставило рабочий контроль на путь социалистической революции.

Проблеме массовых политических демонстраций в июне 1917 г. было посвящено выступление канд. историч. наук, доц. **Л. А. Шитилова** (Ленинград, ВПШ). Он отметил, что в июне 1917 г. они прошли под большевистскими лозунгами в три этапа. Июньские политические демонстрации стали проявлением глубоко народного движения протеста против политики контрреволюционной буржуазии. Они свидетельствовали о стремлении революционного пролетариата найти выход из политического тупика, в котором оказалась страна на переломном этапе революции 1917 г.

Докт. историч. наук, проф. **В. П. Сафронов** (Ленинград, ВПШ) в сообщении «Ленинская диалектика межпартийных отношений на пути к Октябрю» показал, что в России революционный процесс шел от многопартийности к однопартийности: в разное время насчитывалось более 80 партий. В Московском Совете были представлены 16 партий. Из 245 выдающихся деятелей Октября, представленных в словаре Гранат, 55 человек (23%) — выходцы из 22 партий. Большевики вели тактику сотрудничества с социалистическими партиями вплоть до объединения левого блока с «левыми» эсерами и тактику борьбы против партий контрреволюции. На опыте 1917 г. коммунистам надо бояться не многопартийности, а потери авторитета в народе. Народ по мере демократизации и политической зрелости сам отвергает фальшивых «друзей народа».

Канд. историч. наук **Б. И. Колоницкий** (Ленинград, Институт культуры) остановился на планах провинциальных большевистских книгоиздательств в 1917 г. Особое внимание местные партийные организации уделяли переизданию работ В. И. Ленина — авторитет вождя партии играл особую роль в агитационно-пропагандистской работе большевиков. В то же время удалось выяснить, что некоторые брошюры антикапиталистической направленности издавались одновременно и большевиками, и меньшевиками, и эсерами. К их числу принадлежит, например, брошюра В. Либкнехта «Пауки и мухи». Можно сделать вывод о том, что на формирование массовых антикапиталистических настроений, получивших широкое распространение в канун Октябрьской революции, оказали влияние разнородные политические силы.

На конференции с докладами и сообщениями также выступили докт. историч. наук, проф. **С. Н. Канев**, канд. историч. наук **Н. Н. Каретникова, В. Г. Печенкин, И. Л. Бешта, М. Н. Барышников, Ю. С. Кулышев, Г. Н. Калистратова, В. В. Фортунатов.**

Л. А. ШИТИЛОВ,
кандидат исторических наук, доцент
(Ленинград)

ИСТОРИЯ КПСС И СССР В СИСТЕМЕ АТТЕСТАЦИИ НАУЧНЫХ КАДРОВ

24—27 апреля 1990 г. в Краснодаре состоялось всесоюзное совещание председателей специализированных советов, принимающих к защите диссертации по специальности «История СССР», «История КПСС» и «Партийное строительство». Между этим совещанием и предыдущим, которое проводилось в мае 1987 г. в г. Риге,— период почти в три года. Тогда перестройка в области общественных наук только обозначалась, еще не стали достоянием общественности новые оценки крупнейших событий истории — Великого Октября, нэпа, индустриализации, коллективизации, оценки административно-командной системы, режима личной власти Сталина. Теперь обстановка значительно изменилась, в изучении нашего прошлого и настоящего утвердились множественность мнений, альтернативность, неоднозначность. Все это отразилось и на характере совещания, организатором которого выступила Высшая аттестационная комиссия при Совете Министров СССР (ВАК СССР). Более представительным был и состав совещания, включавший не только видных ученых — председателей и членов специализированных и экспертных советов названных специальностей, но и членов редколлегий журналов «Вопросы истории КПСС», «Вопросы истории» и «История СССР», а также представителей научно-педагогических коллективов десятков научных центров городов и вузов страны. Если кратко суммировать многочисленные вопросы повестки дня совещания, то они могут быть сформулированы следующим образом: актуальность, состояние и очередные задачи научной разработки и аттестации научно-педагогических кадров в названных областях исторической науки в системе ВАК СССР.

Открыл совещание заместитель председателя ВАК СССР докт. философ. наук, проф. **Л. Н. Москвичев**. Он остановился на общих вопросах работы Высшей аттестационной комиссии, ознакомил участников совещания с новым Положением об аттестации научных кадров в системе ВАК СССР, которое вступило в силу с 1 июля 1990 г.

Перед участниками совещания выступил зав. Идеологическим отделом Краснодарского крайкома КПСС канд. экон. наук **А. А. Клещенко**, рассказавший о политической и экономической обстановке в крае, ответивший на многочисленные вопросы.

С докладом «О научном уровне диссертационных работ по проблемам отечественной истории» выступил член экспертного совета по историческим наукам, докт. историч. наук, проф. **А. К. Соколов** (Институт истории СССР АН СССР). При общей положительной тенденции и сдвигах в этой области, отметил ученый, продолжают иметь место низкий теоретический уровень исследований, мелкотемье, пропагандистский подход к проблеме. Неравноценной является сеть специализированных советов, некоторые из них создаются по формальным признакам, без сложившихся научных традиций и научного авторитета. Чтобы оправдать свое существование, такие советы подчас принимали к защите всякие диссертации, в том числе и слабые. Докладчик отразил общую картину за 5 лет, подчеркнув необходимость значительного улучшения подготовки диссертационных исследований как по тематике, так и по глубине исследования крупных проблем. Качество диссертационных работ, по его мнению, должно определяться темпами и глубиной перестройки советского общества (здесь и восстановление норм научной этики, бескомпромиссность, требовательность и др.).

Со вторым докладом, характеризующим состояние научных исследований и аттестации научно-педагогических кадров в области истории КПСС, выступил заместитель председателя экспертного совета по истории КПСС и партийному строительству докт. историч. наук, проф. **Ш. М. Мунчаев** (Московский институт народного хозяйства имени Плеханова).

Приведенная им статистика защит докторских и кандидатских диссертаций в 1987—1988 гг. показала, что процесс перестройки историко-партийной науки обозначился, но идет медленными темпами. Соискатели пока еще избегают острых оценок, слабо вскрывают противоречивый характер истории партии, причинно-следственные связи в историческом процессе, наблюдается схематизм в описании событий, робко анализируются причины деформаций социализма, мало исследуется социальная политика партии. Подмечена и такая особенность: среди проблем национальной политики предпочтение отдается исследованию дружбы народов (по старым схемам!), хотя практика межнациональных отношений сегодняшнего дня убеждает в наличии острых противоречий в этой области.

Большинство диссертаций страдает почти теми же недостатками, что и раньше, а именно: не удается уйти от прежних стереотипов и трафаретов, преобладает поверхностный и описательный характер, стремление оценить то или иное явление конъюнктурно. В названиях части диссертаций остаются старые формулировки типа «Борьба КПСС за...», «Деятельность КПСС по...», «Партийное руководство...» и т. п., направленные на одностороннее описание руководящей деятельности партии на тех или иных этапах ее истории. Ш. М. Мунчаев выдвинул вопрос о формировании научно-педагогических кадров кафедр истории КПСС. Поскольку многие вузовские кафедры истории КПСС меняют свой профиль и название, становясь кафедрами

политической истории, то переход-перелом не может остаться незамеченным. Он обусловливает изменение тематики диссертаций и планов научно-исследовательской работы вузов, а возможно, и наименования самой специальности как объекта исследования. Этого требует процесс перестройки общественных наук.

При всей критике партии как с позиции консервативного направления, так и левого радикализма, заключил докладчик, ее история имеет богатое содержание, и задача ее изучения остается первостепенной.

Эта точка зрения получила поддержку и развитие в последующих выступлениях участников совещания — заместителя председателя совета по координации НИР, докт. историч. наук **М. В. Искрова** (ИМЛ при ЦК КПСС), докт. историч. наук, проф. **И. А. Молетотова** (Новосибирский гос. университет). Они призвали советских историков к переосмыслению многих событий истории КПСС, к новому прочтению документов, объективному раскрытию героических и трагических ее страниц на базе новых документов, а также предложили заменить индекс истории КПСС «07.00.01», объединив ее с политической историей и историей СССР, назвав историей политических партий и движений в СССР.

Определенный интерес у участников совещания вызвала проблема источниковой базы и состояния источников по истории КПСС, затронутая в выступлениях ученых **В. М. Устинова, В. В. Корнева, М. В. Искрова** и др. участников совещания. С удовлетворением было воспринято сообщение о том, что принято решение о публикации стенографических отчетов всех съездов и конференций КПСС.

Важные вопросы истории партии нашли отражение в докладе члена редколлегии, зав. отделом журнала «Вопросы истории КПСС» канд. историч. наук, доц. **В. В. Корнева**, который систематизировал научные догмы, подорванные еще XX съездом КПСС, но, к сожалению, не искорененные до сих пор. Каждый из присутствовавших ученых имел возможность сверить собственное понимание этих догм с интерпретацией докладчика.

Обращая ретроспективный взгляд в прошлое, он напомнил о том, что решения в духе XX съезда КПСС не устраивали новых партийных руководителей во главе с Л. И. Брежневым. Редакционная статья газеты «Правда» о 90-летии И. В. Сталина была попыткой восстановления сталинизма. Вскоре развернулась реабилитация Сталина, вновь стал утверждаться догматизм, начался новый поход против «инакомыслящих». Догматизм, как считает В. В. Корнев,— наш главный противник. Необходимо по-новому, в соответствии с требованиями времени изучать историю партии, документируя ее и населяя людьми, раскрывая правду. С этим во многом связано и будущее историко-партийной науки, ее место в системе общественных наук.

Докт. историч. наук, проф. **Э. М. Щагин** (МГПИ имени В. И. Ленина) в своем выступлении остановился на традиционных и новых подходах в диссертационных работах по истории СССР XX века. Подвергнув анализу состояние НИР и аттестации на этом участке исторической науки, он сделал вывод о том, что «лед тронулся», о чем свидетельствует и такой немаловажный показатель, как интерес зарубежных ученых к нашей истории в последнее время. В числе острых, актуальных, но неполно изученных он назвал вопросы о «триумфальном шествии» Советской власти, о действительных и мнимых виновниках гражданской войны, о соотношении белого и красного террора, о нэпе и путях его осуществления, о цене нашей победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. и др.

Такое состояние исторической науки ко многому обязывает, но сдерживает сила инерции, в том числе ограниченный доступ к архивным и другим материалам. Отсюда — узкий общий кругозор работ, а по отдельным показателям мы еще отстаем от буржуазной науки, дореволюционной отечественной истории.

По мнению Э. М. Щагина, многие молодые авторы являются учениками ныне здравствующих опытных ученых, и вряд ли следует их критиковать за то, что ими было написано 5—6 лет назад, когда они не имели доступа к источникам, не располагали достаточными возможностями, которые предоставила ученым перестройка.

Роль научной периодики в развитии исторических исследований осветили в своих выступлениях члены экспертного совета ВАК СССР по историческим наукам докт. историч. наук, проф. **В. И. Кузищин** и докт. историч. наук, проф. **В. А. Федоров** (МГУ им. М. В. Ломоносова). Они говорили о роли журнала «Вопросы истории» в ориентации диссертантов на выбор темы исследования, причинах отставания нашей исторической науки от зарубежной, низком уровне информации наших ученых, об отсутствии средств технической информации, в силу чего советский ученый тратит массу лишнего времени.

О состоянии и перспективах развития комсомольско-молодежной проблематики рассказал в своем выступлении докт. историч. наук, проф. **В. К. Криворученко** (Высшая комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ). Докладчик раскрыл пагубное воздействие культа Сталина на историю комсомола, его отрицательные последствия: жертвами беззакония и произвола стали многие сотни и тысячи лидеров, активистов и рядовых комсомольцев, изъяты из обращения, преданы забвению были практически все книги по истории комсомола и КИМа[1]. Несколько де-

[1] См. Последствия культа личности Сталина в жизни комсомола и молодежи. М., 1988, с. 25.

сятилетий длился период почти полной деперсонификации, имена творцов комсомольской истории исчезли с ее страниц. В. К. Криворученко призвал к более глубокому и точному освещению исторического пути, которым шли народ, партия и комсомол.

Об итогах и перспективах исследований украинских историков доложил совещанию член экспертного совета по историческим наукам докт. историч. наук **С. В. Кульчицкий** (Институт истории АН УССР). Он отметил, что уже изданы документы «Голод на Украине (1931—1933 гг.)», подготовлены к изданию материалы под рубрикой «Мемориал», отражающие трагические события 1932—1933 гг. в колхозной деревне, которые проливают свет на преступления Сталина и его окружения в эти годы. Использование в этих изданиях новых документов позволит по-новому взглянуть на историю коллективизации и создания колхозного строя в республике.

С большим вниманием участники совещания выслушали подробное сообщение о новых подходах к аттестации научных кадров заместителя начальника аттестационного отдела ВАК СССР по общественным и гуманитарным наукам канд. историч. наук, доц. **С. А. Погодина**. Он проинформировал присутствующих о количестве в стране специализированных советов по истории КПСС, истории СССР и географии их рассредоточения. Так, по истории КПСС и партийному строительству существует 75 специализированных советов. Из них 36 — по докторским диссертациям и 39 — по кандидатским. А по истории СССР — 56 советов, и соотношение их составляет 26 : 30. Затем докладчик остановился на наиболее типичных недостатках аттестации научных кадров: приводил факты, когда в некоторых вузах и НИИ снижались требования к диссертациям, ослаблялся контроль, в итоге были подготовлены слабые работы (такие случаи имели место в Азербайджанском университете); когда официальные оппоненты формально относились к своим обязанностям, писали хвалебные отзывы, выступали по тематике, не соответствующей профилю оппонента, что лишало возможности глубокого анализа диссертационного исследования.

Был затронут вопрос и о том, какие вузы и НИИ могут выступать в роли ведущей организации по той или иной диссертации. Точка зрения докладчика по этому вопросу такова, что вуз или НИИ должны иметь определенные традиции, научный авторитет.

Самым важным документом аттестации, отметил С. А. Погодин, является заключение специализированного совета по диссертации, к его подготовке надо подходить ответственно и тщательно. Плохо, когда его подготовка поручается самому соискателю.

Участники совещания высказали много замечаний и предложений, которые могут помочь совершенствованию деятельности спецсоветов и аттестации научных кадров в целом, затронули наболевшие вопросы состояния исторической науки. Была создана комиссия для подготовки рекомендаций совещания. Участники совещания обсудили подготовленный отделом ВАК и розданный предварительно проект требований к диссертационным работам по истории КПСС и процедуре их защиты. Документ составлен с учетом требований перестройки и будет важным подспорьем в совершенствовании аттестации научных кадров.

Проф. **Е. Н. Осколков** (Ростовский-на-Дону гос. университет) внес предложение о стимулировании работы руководителей спецсоветов за счет снижения их учебной нагрузки, о замене названия специальности «История КПСС» на «История политических партий», о проведении семинаров докторантов-соискателей.

Докт. историч. наук, проф. **В. Я. Доброхотов** (Горьковский гос. университет) высказал опасение по поводу того, что у нас упал интерес к ленинской науке убеждать, имеет место духовный кризис, общество захлестнула волна безответственности, политической спекуляции, что коммунисты перестали заниматься пропагандой и агитацией, наблюдается определенная растерянность. Необходимо защищать ленинизм, наши идеалы.

Докт. историч. наук, проф. **А. М. Черненко** (Днепропетровский гос. университет) предложил повысить требования к диссертациям, расширить их источниковую базу, для чего нужно в срочном порядке переиздать стенографические отчеты съездов и конференций партии.

Проф. **Р. Г. Пихоя** (Уральский гос. университет) отметил, что изменения статей 6 и 7 Конституции СССР отразятся и на подготовке кадров по специальности — «07.00.01». Он внес предложение обратиться с письмом в правительство о подготовке Закона об архивах и высказал мысль о том, чтобы спецсоветы по истории партии и истории СССР сближались либо объединялись в интересах расширения и роста культурно-исторического кругозора, взаимообогащения профессиональной культуры.

Канд. историч наук **Б. Н. Билунов** (инструктор Идеологического отдела ЦК КПСС) затронул ряд вопросов управления исследовательской работой, контроля за качеством, преодоления укоренившихся клише и понятий, в том числе и в формулировках тем диссертаций, усиления влияния на кафедры и организации, откуда поставляются соискатели и аспиранты. По его мнению, утверждение темы — это анахронизм. В то же время он отметил очень незначительный удельный вес работ, посвященных ленинской тематике, защите Ленина и ленинизма. Б. Н. Билунов подчеркнул, что советские публицисты, а нередко и историки в своих определениях и оценках увлеклись понятием «тоталитарная система», отождествляя ее с административно-командной системой. Но это не одно и то же. От такого термина отказались даже западные

советологи, и поэтому не следует злоупотреблять им. Касаясь пользования архивами, он высказался за то, чтобы допуск в них получили все категории научных работников.

Итоги всесоюзного совещания подвел **Л. Н. Москвичев**. Отметив большую полезность дискуссии, зам. председателя ВАК СССР констатировал, что совещание вышло за рамки сугубо аттестационных проблем, вылилось в обсуждение актуальных проблем методологии, политики, перестройки в области исторических наук. Это шаг вперед по сравнению с предшествующими совещаниями.

С 1 июля ВАК не станет запрашивать диссертации, ограничившись аттестационными делами с авторефератами. Коснувшись дальнейшей судьбы специальности «07.00.01 — история КПСС», Л. Н. Москвичев сказал: «КПСС — уникальная партия в мире, которая вобрала в себя огромный исторический опыт (в том числе и негативный), который должен быть изучен специально и профессионально. Эту специальность следует рассматривать в общей системе номенклатуры политических наук».

В заключительном слове Л. Н. Москвичев призвал участников изучить и обсудить материалы совещания на заседаниях специализированных советов в интересах перестройки исторической науки.

* * *

В последний день совещания его участники провели беседы за «круглым столом», посвященные актуальным вопросам политики КПСС в условиях демократизации и гласности, состоянию научных исследований в области истории КПСС и СССР, преподаванию этих дисциплин в вузах страны.

В Краснодарском горкоме КПСС в беседе с работниками горкома и районных комитетов партии принял участие руководитель кафедры истории КПСС АОН при ЦК КПСС, член редколлегии журнала «Вопросы истории КПСС» докт. историч. наук, проф. **Ю. С. Васютин**.

В Кубанском гос. университете в беседе с преподавателями, аспирантами и студентами исторического факультета принял участие член редколлегии, зав. отделом журнала «Вопросы истории КПСС» канд. историч. наук, доц. **В. В. Корнев**.

И. И. АЛЕКСЕЕНКО,
доктор исторических наук, профессор
(Краснодар)

ГОСТЬ РЕДАКЦИИ — ПРОФЕССОР А. РАБИНОВИЧ (США)

В апреле с. г. «на чашку чая» в редакцию был приглашен известный американский историк и политолог профессор Индианского университета Александр Рабинович. Представляя его коллективу сотрудников, главный редактор журнала чл.-корр. АН СССР, проф. **В. И. Касьяненко** отметил, что наш гость — один из немногих зарубежных исследователей, которые даже в хмурые годы «холодной войны» старались дать в основном объективную характеристику Октябрьской революции в России. Вот почему его книга «Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде», насыщенная большим фактическим материалом, была замечена советской историографией, а издательство «Прогресс» в 1989 г. осуществило ее выпуск на русском языке[1]. Приветствуя гостя, В. И. Касьяненко подчеркнул, что видит в его визите признак тех отношений, которые складываются между советскими и американскими историками под влиянием перестройки в СССР и развития того процесса, который с легкой руки М. С. Горбачева стали называть новым политическим мышлением.

Приглашенный на эту встречу доктор исторических наук **Г. З. Иоффе**, давний автор нашего журнала, специализирующийся по проблеме Великого Октября, напомнил, что исследование проф. А. Рабиновича об октябрьских событиях в Петрограде в 1917 г. вышло на английском языке в 1976 г., а долгий путь его книги к советскому читателю в определенной мере отражает не только трудности, которые были обусловлены состоянием международного климата времен конфронтации, но также противоречивыми процессами периода застоя, которые происходили в нашем историческом сознании, отягощенном стереотипами идеологического догматизма. С названной работой проф. А. Рабиновича, отметил Г. З. Иоффе, я впервые познакомился лишь в 1979 г. и должен признаться, что читал ее со сложным чувством. С одной стороны, во мне еще крепко сидела воспитанная десятилетиями настороженность ко всему, что приходило «оттуда», если оно не несло на себе печати ярко выраженной просоветской бескомпромиссности. С другой стороны, по мере углубления в систему исследования данного автора я видел, что этот, как тогда было принято выражаться, «буржуазный фальсификатор» действительно пытается пробраться сквозь всякого рода идеологические на-

---

[1] См. Rabinowitch A. The Bolsheviks Come to Power. The Revolution of 1917 in Petrograd. N. Y.—L.. W W Norten and company, 1976.

Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. Пер. с англ. Общ. ред. и послесловие докт. ист. наук Г. З. Иоффе. М., Прогресс, 1989. 415 с.

носы к пластам исторической правды. Эти попытки показались мне обнадеживающими, отражающими какую-то новую тенденцию в освещении такого явления, как наша революция 1917 г. Противоречивость восприятия этой новой тенденции в то время наложила определенный отпечаток и на статью по зарубежной историографии Октября, опубликованную в вашем журнале[2], где я попытался дать общую оценку упомянутой книги проф. А. Рабиновича, в которой в отличие от традиционно консервативного подхода, свойственного большинству тогдашних западных советологов, мне особенно импонировали два ключевых момента, а именно: во-первых, восприятие Октября как народной революции, глубоко демократического движения; во-вторых, характеристика большевистской партии как выразителя интересов и настроений широких слоев народа. Редакция журнала тогда поддержала общую концепцию моей статьи с ее акцентом на перспективность нового направления в американской историографии Октября.

Конечно, с точки зрения современных условий, статья получилась достаточно сдержанной, и сейчас, наверное, и я, и редакция нашли бы более точные характеристики, но тогда, на мой взгляд, был сделан важный шаг вперед в нашем собственном осмыслении процессов, наметившихся в трудах советологов США. Мне представляется, что в общем и целом время подтвердило сделанные тогда выводы, к которым почти одновременно пришли и некоторые другие советские исследователи, например ленинградский историк Г. Л. Соболев.

Перестройка открыла возможность широкого и конструктивного диалога советских и американских историков на строго научной основе. Это не значит, что у нас не может быть разных точек зрения, различных подходов и даже противоречий. Но они должны преодолеваться не с позиций «образа врага», а на основе уважительных дискуссий с оппонентами. Такую возможность, в частности, я вижу в сотрудничестве с тем направлением американской историографии, которое представляет профессор А. Рабинович. Он сам и другие историки данного направления ныне объединены в международную группу по изучению русской революции, издающую журнал «Революционная Россия». Все это, вместе взятое, и определило мое согласие на то, чтобы взять на себя обязанность выступить в качестве научного редактора русского перевода его книги и автора послесловия к ней, а также мое участие в сегодняшней встрече коллектива редакции журнала «Вопросы истории КПСС» с профессором А. Рабиновичем, которого, учитывая неофициальный характер нашей беседы, можно просто называть Александром Евсеьевичем. Это отвечает и русской традиции, с которой наш гость связан историческими корнями, но об этом он лучше расскажет сам.

В последнее время, отметил профессор **А. Рабинович**, я пережил два чуда. Первое — это то, что моя книга вышла на русском языке в СССР (откровенно говоря, раньше я не надеялся, что это случится при жизни автора). Второе — это то, что я у вас в гостях и мне даже обещали помочь в подборе документов для новой книги, над которой я сейчас работаю (речь идет об исследовании периода от победы Октября до нэпа).

Профессор свободно говорит по-русски, и когда его спросили, откуда такое знание языка, он пояснил, что, хотя сам он родился в Лондоне, учился и живет в США, его отец и мать — выходцы из России. От них он научился русскому языку, через них еще в детстве познакомился с видными фигурами общественной жизни старой России. Будучи уже взрослым, когда определился его интерес к ее истории, встречался с А. Керенским, Б. Николаевским, И. Церетели и другими деятелями белой эмиграции, доживавшими свой век на Западе. Среда наложила жесткий отпечаток на его мировоззрение — он вступил в сознательную жизнь, будучи настроен строго антикоммунистически, антибольшевистски. И поначалу его взгляды на историю русской революции формировались под влиянием тех концепций, которые доминировали в западной историографии. Однако когда он сам занялся исследованием исторических процессов, происходивших в России в 1917 г., то постепенно обнаружил несоответствие распространенных на Западе стереотипов тем выводам, к которым он пришел самостоятельно. Он отметил, что в исследовательских центрах, библиотеках США имеются богатые фонды литературы и архивы материалов по истории буржуазных и мелкобуржуазных партий, по истории российской белой эмиграции. Сравнительно хорошо представлена также советская мемуарная и исследовательская литература, в том числе 20-х годов. Что же касается архивных документов большевистской партии, а также газет, то, конечно, в СССР больше возможностей в этом плане. В частности, только в советских библиотеках он смог, находясь на стажировке в МГУ, получить полные комплекты периодических изданий, выходивших в 1917 г. А это, по мнению профессора А. Рабиновича, очень важный, может быть, самый важный, как он подчеркнул, источник.

Нельзя понять 17-й год, заметил гость, не изучая революцию снизу, а газеты как раз дают возможность раскрыть связь между революцией снизу и политикой большевиков, что, как я убедился, и является ключом к пониманию основного стержня событий 1917 г. Может быть, с помощью такого ключа я поставил в своей книге больше вопросов, чем дал ответов, но об этом пусть судят читатели.

По ходу беседы гостю задавались раз-

[2] См. Вопросы истории КПСС. 1985, № 6.

личные вопросы, отвечая на которые он уточнял свою точку зрения по той или иной проблеме. И хотя присутствовавшие не во всем были согласны с ним, тем не менее обмен мнениями был конструктивным, полезным для выявления таких проблем, по которым была единодушно признана необходимость и важность дальнейшего углубленного исследования. Речь в первую очередь шла о недостаточно полном исследовании биографии В. И. Ленина, который, по мнению профессора А. Рабиновича, был великим политиком, главной фигурой Октябрьской революции, одним из выдающихся деятелей XX в. Однако ни в СССР, ни на Западе до сих пор нет книги, всесторонне раскрывающей его личность. Остаются не выясненными до конца и некоторые важные вопросы истории Октября, деятельности большевиков в этот и последующий периоды, что упирается во многом в недостаточное использование архивных материалов. Он выразил сожаление, что до сих пор не имел возможности изучить некоторые документы, хранящиеся, по его предположению, в советских архивах, и пожелал журналу более активной деятельности в области публикации архивных материалов.

В ответ на вопрос о его впечатлениях о международной конференции историков в Москве, участником которой он являлся, профессор А. Рабинович отметил в целом ее несомненную пользу. Было много интересного как с точки зрения постановки и раскрытия проблем, так и с точки зрения установления личных контактов. Активность участников была высокой, но их было такое количество, что не всем хватило времени, чтобы развернуть свои тезисы.

Сотрудники редакции в ходе встречи обратили внимание гостя на то, что журнал в соответствии с духом перестройки стремится помочь своим читателям получить наиболее объективное представление об историческом опыте КПСС. И в этом плане одно из центральных направлений его работы составляет подготовка документальных и исследовательских публикаций по проблемам истории Великого Октября, деятельности Ленина и всей большевистской партии в период революционных событий 1917 г. При этом освобождение от догматических стереотипов и деформаций в историко-партийной науке сопряжено с творческим поиском новых подходов, отвечающих современному уровню исторического познания, исключающих как бездумную апологию прошлого, так и нигилистическое отношение к нему. Этому способствуют дискуссии и обсуждения, «круглые столы» и другие средства выявления возможно более широкого спектра научной аргументации в целях получения истинного знания. С этой точки зрения, подчеркнул **В. И. Касьяненко**, мы положительно оцениваем контакты с нашими зарубежными коллегами. К их числу относится и встреча с профессором А. Рабиновичем, которому мы признательны за интересную и содержательную беседу.

П. С. КОЛЬЦОВ

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие друзья! Начинается подписка на газеты и журналы на 1991 год. Редколлегия, весь коллектив нашего издания глубоко заинтересованы в дальнейшем обновлении журнала: его содержания, оформления, в том, чтобы сделать его более интересным, отвечающим взыскательным требованиям читателя. В настоящее время редакция располагает многими интересными материалами, которые позволяют всесторонне рассматривать историю партии в контексте всей политической истории страны.

Мы надеемся, что Вы окажете нам существенную помощь, ответив на вопросы предлагаемой анкеты. Ответы не только помогут коллективу редакции более объективно оценить достигнутое, сосредоточить внимание на недостатках, но и позволят лучше представить себе круг наших читателей, характер их интересов. Ваши замечания и пожелания будут учтены в дальнейшей работе.

Материал с анализом полученных анкет планируется опубликовать на страницах журнала. Вам остается только ответить на вопросы и, вырезав эту страничку, выслать ее по адресу: 129256, Москва, И-256, ул. Вильгельма Пика, 4. Редакция журнала «Вопросы истории КПСС».

1. Характер Вашего знакомства с журналом (подписчик; читаю более или менее регулярно; читаю от случая к случаю. — Нужное подчеркнуть).

2. Связь профиля журнала с Вашей профессией или общественной работой (ученый-обществовед, преподаватель вуза, пропагандист, публицист, студент, просто интересуюсь историей партии и страны. — Нужное подчеркнуть).

3. Какие постоянные рубрики в журнале Вы считаете наиболее интересными и содержательными: Из архивных фондов; История КПСС: проблемы новой концепции; Из «Очерков истории КПСС»; Страницы истории: перечитывая заново; Перестройка: практика, тенденции, проблемы; Вопросы теории и методологии; Историография и источниковедение; У истоков нашей науки; Штрихи к политическому портрету; КПСС и мировое коммунистическое движение; Обсуждения; Лекции и консультации; Люди. События. Факты; Поиски. Находки. Гипотезы; Критика и библиография; Читатели размышляют, спорят, предлагают; Конференции. Встречи. Дискуссии; Воспоминания. — Нужное подчеркнуть.

4. Укажите рубрики, которые, по Вашему мнению, следует заменить. Какие новые рубрики Вы могли бы предложить?

5. Каким представляется Вам оптимальное соотношение между историческим и современным материалом на наших страницах?

6. Какого характера документальные материалы Вы хотели бы увидеть в журнале?

7. Назовите недостатки, на Ваш взгляд, характерные для журнала. Что, по Вашему мнению, надо сделать для их устранения?

8. Ваши предложения о расширении проблематики журнала.

9. Устраивает ли Вас оформление номеров журнала? Что Вы можете предложить для его улучшения?

Если хотите, укажите фамилию, имя, отчество, место работы, должность, возраст.

Заранее благодарим Вас за помощь в нашем общем деле.

Редколлегия

CONTENTS

SOMMAIRE

INHALT

SUMARIO

内 容

НОВЫЕ КНИГИ И БРОШЮРЫ ПО ИСТОРИИ КПСС И МЕЖДУНАРОДНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

(Начало см. на 2-й стр. обложки)

и технического прогресса. 1917—1982 годы) / Ин-т истории партии МГК и МК КПСС — фил. ИМЛ при ЦК КПСС.— Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1990.—248 с.

Партия и новые общественно-политические движения: проблемы диалога.— М.: Знание, 1990.—64 с.— (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «История и политика КПСС».)

Партия и перестройка: Материалы дискус. клуба «Политика» / Сост. С. В. Кулешов и др.— Симферополь: Таврия, 1990.—112 с.

КПСС — руководящая сила советского общества. Указ. книг, брошюр и статей, поступивших в фонды библиотек с янв. по апр. 1989 г. / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Б-ка Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.— М., 1989.—148 с.

МЕСТНЫЕ ПАРТИЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

ОВСЕПЯН С. М. Из истории большевистской организации Еревана.— Ереван: Айастан, 1989.—191 с. На арм. яз.

Коммунистическая партия Казахстана: организационно-политическое развитие. Справочник / Ин-т истории партии при ЦК Компартии Казахстана — фил. ИМЛ при ЦК КПСС.— Алма-Ата: Казахстан, 1990.—294 с.

Казахстан в Великой Отечественной войне. Библиогр. указ. / Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова АН КазССР; Гос. б-ка КазССР им. А. С. Пушкина.— Алма-Ата: Казахстан, 1990.—378 с.

Первые социалистические преобразования в Киргизии: Сб. документов. 1918—1920. / Ин-т истории партии при ЦК Компартии Киргизии и др.— Фрунзе: Илим, 1990.—339 с.

Актуальные проблемы истории советской Сибири.— Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990.—279 с.

Партийные организации в борьбе за коренную перестройку народного образования (окт. 1917—1932 гг.) (На материалах Среднего Поволжья.) Межвуз. сб. науч. трудов / Куйбышевский пед. ин-т. Пензенский пед. ин-т.— Куйбышев, 1989.—138 с.

Расширенный XVIII пленум ЦК Компартии Таджикистана 3 марта 1990 г. Стеногр. отчет.— Душанбе: Ирфон, 1990.—181 с.

КАРАБАНОВ М. М. Политическое ядро трудовых коллективов: (Перестройка в партийных организациях Украины: опыт, проблемы.) — Киев: Выща шк., 1990.—163 с.

БИОБИБЛИОГРАФИЯ ДЕЯТЕЛЕЙ КПСС

ЕЛЬЦИН Б. Н. Исповедь на заданную тему.— Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1990.—240 с.

ОЛЕСИН М. И. Первая в мире: Биогр. очерк об А. М. Коллонтай.— М.: Политиздат, 1990.—384 с.

Само прошедшее, как оно было... Переписка Анны Кравченко и Александра Спуидэ.— М.: Политиздат, 1990.—268 с.

АНИСИМОВ В. Комиссар: [О Я. Д. Чанышеве].— М.: Юрид. лит., 1990.—143 с.

ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

МОРГУНОВ В. Я. Обновление кадровой партийной политики: опыт, проблемы.— М.: Знание, 1990.—64 с.— (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «История и политика КПСС ».)

НЕТЯГА Л. И. Планирование партийной работы.— Ташкент: Узбекистан, 1990.—94 с.

Партийное строительство. Учеб. пособие. Ч. 2. / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Каф. парт. строительства.— М., 1989.—220 с. Репрогр.

Работа партийных комитетов и первичных партийных организаций с руководящими кадрами в условиях перестройки: (Программа, инструментарий и итоги социологического исследования.) / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Каф. парт. строительства.— М., 1989.—108 с. Репрогр.

МЕЖДУНАРОДНОЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

ДИМОВ Д. Н. Саморазвитие марксистско-ленинской партии: [На опыте работы коммунистов Болгарии и КПСС] / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС.— М., 1990.—181 с. Репрогр.

АРТЕМОВ В. А. Иоганн Книф: [О жизни и деятельности одного из основателей КПГ].— М.: Мысль, 1990.—174 с.

70 коп. Индекс 70146

Как отмечалось на XXVIII съезде КПСС, по решению Центрального Комитета сейчас работает авторский коллектив по созданию «Очерков истории КПСС», в которых с научной честностью и объективностью, на строго документальной основе будет воссоздана правдивая картина жизни и борьбы партии. С материалами «Очерков истории КПСС» наш журнал начал знакомить читателя начиная с № 6 за этот год. Их публикация продолжится и будет охватывать проблемы как дооктябрьской, так и послеоктябрьской деятельности партии. Заблаговременная подписка на журнал — гарантия своевременного ознакомления с последним словом историко-партийной науки.

●

В 1991 году Издательство политической литературы выпускает в свет подготовленный Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС двухтомник «Избранных работ по марксоведению» Д. Б. Рязанова (1870—1938) — основателя и первого директора Института К. Маркса и Ф. Энгельса при ВЦИК СССР, павшего жертвой сталинских репрессий.

ISSN 0320-8907. Вопросы истории КПСС. 1990. № 8. 1—160.